

Венгерский историк Дюла Секфю (1883–1955) был первым послом послевоенной Венгрии в СССР.

Именно в Москве, в особняке на Поварской (в то время улице Воровского) была написана предлагаемая вниманию российского читателя книга «После революции».

Наиболее парадоксальная в обширном творческом наследии Секфю, эта работа отразила важный этап в его духовной эволюции.

Он не только открыто и в полный голос призвал соотечественников выразить благодарность

Советскому Союзу и Красной армии, ценой огромных потерь внесшей решающий вклад в победу над нацизмом,

но и вместе с тем пришел к убеждению в исторической целесообразности и закономерности долгосрочного союза Венгрии с Россией.

«Прежде всего, – писал Секфю, – мы должны лучше узнать нашего соседа, к которому нас прибил ветер мировой истории».

Дюла Секфю

ПОСЛЕ РЕВОЛЮЦИИ

Дюла Секфю

ПОСЛЕ
РЕВОЛЮЦИИ

Дюла Секфю

**ПОСЛЕ
РЕВОЛЮЦИИ**

*Перевод с венгерского
О.В. Хавановой*

Водолей
Москва
2011

ББК 84 (4Вн) 6-5
УДК 821.51
С28

ИСТОРИК, НАЦИЯ, ОБЩЕСТВО

Из предисловия к венгерскому изданию 1983 г.

Книга издана при содействии Архивного института
Культурного, научного и информационного центра
Венгерской Республики

Оформление *Марины и Леонида Орлушиных*

Перевод с венгерского: *О.В. Хаванова*

Предисловие: *Ф. Глац*

Комментарии: *А.С. Стыкалин при участии О.В. Хавановой*

Szekfű Gyula: Forradalom után
Budapest, Gondolat Kiadó, 1983

ISBN 978-5-91763-058-8

© Д. Секфю, наследники, 2011

© О.В. Хаванова, перевод, комментарии, 2011

© Ф. Глац, предисловие, 2011

© А.С. Стыкалин, комментарии, 2011

© Архивный институт КНИЦ ВР, 2011

© М. и Л. Орлушины, оформление, 2011

© Издательство «Водолей», оформление, 2011

*«Было ли это по-прежнему государством? Венгерским государством?
А общество? Венгерским обществом?»*

И то и другое давно перестали быть самим собой, государство рухнуло, общество распалось.

Оборвалась линия, длинная историческая линия, бесславно, позорно, или, если хотите, гротесково-кровавой трагикомедией.

Оставалось одно спасение: революция».

Этой горькой, самокритической сентенцией (с. 98) завершает очерк о пути, приведшем буржуазную Венгрию к катастрофе 1944 г., историк Дюла Секфю в своей работе «После революции».

Что же привело самого известного – в период между двумя мировыми войнами – венгерского историка и публициста, пользующегося заслуженным признанием ученого к тому, чтобы отвернуться от венгерского буржуазного общества и возвестить среднему классу о неизбежности народно-демократической революции? Современники Секфю, листавшие в годы молодые его книгу «Три поколения» и полагавшие, что в ней сформулировано историческое обоснование последовавшей за 1919 годом контрреволюции, и впоследствии поставившие на свои книжные полки один из лучших обобщающих трудов той эпохи – написанную в соавторстве с Балинтом Хоманом «Венгерскую историю», ставшую настольной книгой для образованной части общества, теперь в глубокой растерянности читали субъективные рассуждения о духовной нищете среднего класса, о чувстве ответственности тех, кто еще недавно именовался ведущим общественным слоем, слышали призывы, что Венгрия должна жить в мире с Советским Союзом и сопредельными государствами, «нашими новыми соседями». Были такие, что шептались: Секфю вновь предаёт национальные интересы, как в молодые годы, когда книгой «Ракоци в изгнании» хотел выслужиться перед прогабсбургскими политиками, как в 1920-е годы, когда стал самым читаемым историком, представлявшим контрреволюцию, как в 30–40-е годы,

когда спешно пытался покинуть погружавшийся в пучину фашизма корабль под названием «Венгрия», так и теперь, в качестве венгерского посла, пытается писать, подстраиваясь под новое соотношение сил, и обелить себя. Но были и такие, – сколько их было и какую часть общества они представляли, сейчас уже не установить, – кто чувствовал: здесь речь идет о внутреннем очищении венгерской интеллигенции, о поиске новых путей.

Что намеревался сказать своей книгой венгерской общественности этот постоянно болевший, живший в Москве, как он сам признавался в письме одному из учеников, «в полной изоляции от событий на родине», историк? Отчего у него возникло чувство, что – вопреки неприятию, которое встретит на родине эта книга, – ее все-таки необходимо написать? Что породило тот пронизанный внутренним страданием, исполненный мудрости тон историка, в котором написана эта книга?

Читатель, который спустя многие десятилетия возьмет в руки новое издание этой работы, может с полным правом ожидать, что современная историческая наука попытается ответить на эти вопросы.

«После революции» – это не единственное такого рода сочинение, вышедшее из-под пера Дюлы Секфю. Оно стоит в ряду тех великих, нацеленных на осмысление национальной истории работ, который после революций 1918–1919 гг. пополнился книгой «Три поколения», вышедшей в 1934 г. в переработанном варианте «Что случится потом», и, наконец, этим томом. Чтобы ответить на поставленные здесь вопросы, придется вспомнить, как он стал историком, как и при каких обстоятельствах он сформировался как зрелый ученый.

Жизненный путь, 1883–1955

Дюла Секфю родился 23 мая 1883 г. в Секешфехерваре. В 1900 г., по окончании местной гимназии при католическом монашеском ордене цистерцианцев, он становится студентом гуманитарного факультета Будапештского университета и поступает в Коллегиум

им. Этвёша. В 1904 г. его принимают на службу в архив Национального музея, затем – в Венгерский национальный архив. В качестве архивиста Секфю в 1908 г. попал в Вену, в находившийся в ведении австро-венгерского министерства иностранных дел Архив придворной казенной палаты (*Hofkammerarchiv*), которым в то время руководил венгерский историк Лайош Таллоци. В 1910 г. Секфю переходит протоколистом второго класса в Придворный архив (*Haus-, Hof und Staatsarchiv*). В 1913 г. из печати выходит «Ракоци в изгнании», в 1916 г. немецкое издание книги «Биография Венгерского государства», а в 1917 г. – ее венгерское издание.

В 1919 г., в дни Венгерской Советской республики, Секфю назначили заведующим кафедрой вспомогательных исторических дисциплин Будапештского университета, но он отказался от поста; зато, помимо прочего, взялся за написание совместно с Балинтом Хоманом ряда разделов в обобщающий труд по венгерской истории с историко-материалистических позиций. В 1920 г. была издана его книга «Три поколения», выдержавшая за довольно короткий срок три издания. В 1925 г. Секфю назначили профессором Новой истории Венгрии Будапештского университета. Параллельно историк работал над хрестоматией «Документы и материалы по истории венгерского государственного языка» (1926 г.).

Начиная с 1929 г. в свет начали выходить тома написанной совместно с Хоманом обобщающей «Венгерской истории»: в ней перу Секфю принадлежали главы, начиная с XV в., то есть с эпохи правления короля Матяша Хуняди. В 1925 г. историка избрали членом-корреспондентом Венгерской академии наук, в 1941 г. Секфю станет ее действительным членом. В 1930 г. вместе с композиторами Белой Бартоком и Золтаном Кодаем он удостоился высшей награды в области науки – «Венка Корвина». Еще в 1927 г. Секфю начал редактировать журнал «*Magyar Szemle*» («Венгерское обозрение»), основанный и руководимый премьер-министром Иштваном Бетленом. В 1939 г. историк вышел из состава редколлегии. В 1938 г. написал статью о важности политики национальной терпимости в сборник, посвященный памяти первого венгерского короля Иштвана I (Св. Стефана). В следующем году Секфю в качестве редактора выпустил сборник «Что есть венгры?», где среди авторов числились поэт Михай Бабич, музыкант Золтан Кодай, филолог Шандор Эк-

харт. Вплоть до 1944 г. Секфю продолжал регулярно печататься в газете «*Magyar Nemzet*» («Венгерская нация»).

В 1941 г. имя Секфю встречается в ряду авторов знаменитого рождественского выпуска газеты «*Népszava*» («Народное слово»). После прихода к власти Салаша историк замолчал. В 1945 г. он занял пост проректора Будапештского университета. С января 1946 по сентябрь 1948 г. Секфю был послом Венгерской Республики в Советском Союзе. В 1947 г. он написал «После революции», затем в 1952 г. книгу о последних годах жизни лидера венгерской революции 1848 г. Лайоша Кошута. Последним сочинением Секфю стала работа 1955 г. о «смене вех» у интеллигенции после революции.

В 1953 г. к тому времени уже прикованный к постели, тяжело больной Секфю стал депутатом Государственного собрания, в 1954 г. вошел в Президиум ВНР. Дюла Секфю умер в Будапеште 9 июня 1955 г.

Такова его краткая, подобная статье в энциклопедии, биография. Наша историческая наука, размышляя в свое время о внутренней взаимосвязи событий на классовом и формационном уровне, пытаясь найти движущие пружины тех или иных событий, часто забывала о необходимости видеть в любые исторические времена биографии отдельных людей и принимать во внимание коллективные портреты поколений. Между тем только так и можно получить зацепки для понимания причин человеческих поступков и объяснения происшедшего. Впрочем, нас от этого отучали, когда – в недавнем прошлом – пытались тут же выдать историческое объяснение за оправдание.

Поколение Дюлы Секфю, как никакое другое, испытало на себе национально-социальные деформации венгерской истории. В их молодые годы Венгрия была составной частью одной из пяти мировых великих держав и одной из крупнейших по территории стран в Европе. В зрелые годы это поколение не оставляла надежда, что пересмотром границ можно вернуть то чувство уверенности, которое переполняло государствообразующий средний класс некогда большой и сильной страны. В старости, после Второй мировой войны, им пришлось осознать – по крайней мере, Секфю это осознал, – что Венгрия – это «*всего лишь маленькая точка... на полотне, что, протянувшись с севера на юг, связывает эти, без преувеличения, две*

части света» (с. 132), иными словами, Советский Союз и зону западных буржуазных государств. Это поколение родилось при государственном строе, именуемом монархией, оно распланировало свои карьеры на годы вперед по ступенькам бюрократических лестниц, овладело многовековым этикетом социальных коммуникаций в мире надворных советников и конституционализма, пока 1918–1919 годы не принесли с собой Советскую республику и пролетарскую диктатуру. Короткий, ознаменованный рядом реформ период 1920-х годов сменило время, когда на них обрушилась громкая фразеология фашистского режима о социальной революции, корпорации и «руководящем принципе», студенческое движение «Турул» и хаос расовых теорий. В старости, после очередного поражения в мировой войне, их ждало упокоение в республике, а в конце жизни им довелось пережить такую форму пролетарской диктатуры, которая записала их в обломки прошлого, да и они сами больше не понимали, что происходит вокруг.

Дюла Секфю принадлежал к тому поколению, которое в молодости с интересом наблюдало за возвышением буржуазного среднего класса. Это вселило в них уверенность, что современное буржуазное управление в государственной и культурной сфере, создание администрации в области экономики требовали увеличения слоя высокообразованных управленцев. Им казалось, по праву или без оно, что они – хранители государства, института, задающего рамки и гарантирующего прочность формам социальных взаимодействий. Своим естественным противником они считали верхушку монархически-феодальной пирамиды – аристократию, а в еще большей степени джентри – обломки сословного общества, закрепившие за собой ведущие посты в администрации. Буржуазную революцию он еще принял, ведь на руководящие должности пришли в подавляющем большинстве те, с кем он вместе проводил лето в Аббазии, Ломнице или Херкулесфюрдэ, с кем весело кутил в годы молодые. Зато пролетарскую диктатуру Секфю считал односторонней, транжирящей древнюю энергию нации диктатурой нового «конкурента» – еврейского среднего класса, и прежде не принимавшегося в расчет пролетариата. Историк еще предстояло после краха государственной администрации в 1918 г. и подписания Трианонского мирного договора в 1920 г. пережить

гибель хлынувшего в сократившуюся в размерах страну буржуазного бюрократически-интеллигентского слоя, потом, в 30-е годы, привыкнуть к новым социальным программам, к стремлению крестьянства выбиться в люди, позднее, в 1943 г. и после 1948 г. пришлось наблюдать окончательную и бесповоротную гибель старого, христианского среднего класса, призванного, в глазах Секфю, быть ведущим слоем в обществе.

ЦЕРКОВНАЯ ГИМНАЗИЯ – ЛИБЕРАЛЬНЫЕ ПРИНЦИПЫ

Нелегко показать, как повлияло на ученого, творца, мыслителя, писателя полученное в детстве воспитание, какой след оставили в его душе интеллектуальные течения, с которыми он тогда соприкасался. Историки порой слишком увлекаются вредной для нашей науки методологией, когда из факта прочтения той или иной книги, о чем невзначай упоминает историк или писатель, или знакомства с тем или иным идейным направлением, от которого он что-то заимствовал, выводят стройные концепции о мировоззренческих основах наших героев. Так нельзя восстановить подлинную картину, потому что интеллектуалам свойственно, и именно об этом идет речь в случае Дюлы Секфю, свободно обращаться с прочитанными книгами, заимствовать из их историко-философского богатства только то, что относится к делу, годится для формулировки собственной теории, органично в нее встраивается. Подобный метод бесплоден еще и потому, что самых передовых мыслителей в особой степени отличает – в том числе при чтении книг – восприимчивость к влиянию интеллектуального и социального окружения. В XX в., когда с развитием культурной инфраструктуры и средств массовой информации у интеллигенции вырабатывается насущная потребность в ежедневном чтении газет и слушании радио, влияние культурной среды на образ мыслей усиливается в невиданных прежде размерах. Круг чтения (в случае Секфю речь может идти о политиках «эпохи реформ» Иштване Сечени, Йожефе Дежёффи, централиста Йожефе Этвёше, Антале Ченгери, Морице Лукаче, западно-европейских историках Леопольде Ранке, Тэне, Мейнеке,

Отто Хинце), но также учеба, опыт рутинной работы в бюро, дружеское окружение создают тесно переплетенный, усиливающий или ослабляющий друг друга конгломерат влияний. По мере того как в конгломерате день за днем меняются определяющие векторы, под их воздействием историк или писатель находит в прошлом все новые взаимосвязи, по-другому прочитывает давно знакомые ему тексты, обнаруживает ранее незамеченные нюансы в истории.

Почему же нам так важно обнаружить общие черты в историческом мышлении именно здесь, в воспитании Дюлы Секфю? Потому что, если не примем этого в расчет и пожелаем очертить историческую концепцию Секфю жесткими историко-идеологическими линиями, мы не сможем объяснить того поведения историка, которое вело к новым и новым истолкованиям венгерской истории, «внешнему пересмотру позиций». Мы также не сможем обнаружить того фактора, который прошел красной нитью через все его творчество.

Как говорилось выше, Дюла Секфю окончил цистерцианскую гимназию в Секешфехерваре. Религиозное окружение, регулярные церковные службы, требование соблюдать нормы христианской морали в обществе и в дружеском кругу – в такой обстановке прошли восемь лет жизни старшего сына местного адвоката. Частое соприкосновение с предметами культа, ежедневные мессы, католический календарь, богатый на всякого рода празднества – святые, блаженные, события национальной истории, обретшие место в литургическом году, осмысление событий повседневной жизни с точки зрения христианской морали и требование их глубокого, искреннего переживания – все это элементы того мира, что с 10 до 18 лет, в пору отрочества и ранней юности, оказали решающее влияние на мировоззрение молодого человека. В особенности такого, как Дюла Секфю, у которого все это накладывалось на сходный дух домашнего воспитания и на личность застенчивого, подверженного комплексам подростка.

Дюла Секфю до конца жизни оставался глубоко верующим католиком, у которого в дни величайших личных трагедий, – будь то скандал с выходом в свет работы «Ракоци в изгнании», месяцы, последовавшие за катастрофой 1919 г., наконец, в конце жизни – в дни осмысления нашей коллективной вины во Второй мировой

войне, – обострялось христианское восприятие мира. Так и в 1947 г., в дни написания «После революции», это прорвалось в предложении, которое не очень вписывалось в контекст: *«Ведь найдись в наш бесславный век хоть одно – в полном смысле этого слова – христианское государство, не случилось бы ни Первой, ни Второй мировой войны, и не пугал бы людей призрак третьей мировой войны – атомной»* (с. 164).

Секешфехервар – самый католический из городов венгерского Задунавья – и цистерцианская гимназия внушали школьникам не только религиозность, но и усидчивость, и национальную гордость. К сожалению, в недавнем прошлом наши общественные науки, когда речь заходила о церкви и церковных школах, не видели в церкви силу, которая не только консервировала, но и сохраняла культуру. Церковная гимназия с ее распорядком дня, уважением к усердию и трудолюбию, не чуждым и мирянам, своим истолкованием истории ставила перед воспитанниками много светских вопросов. Достаточно полистать ученические сочинения Секфю и его одноклассников, и мы там прочтем, что важнейшим результатом крестовых походов стало развитие европейской торговли и подготовка великих географических открытий и что кардинальными для судеб человечества событиями стали новые завоевания в области земледелия, промышленности, транспорта. Торжественные речи учителей были вдохновлены идеями прогрессивного дворянского крыла «эпохи реформ», в данном случае ощущается влияние Кёлчеи и Сечени, в историографии – теории продолжателя централистских традиций Ференца Шаламона. Историческое значение революции 1848 г. состояло в том, что она сделала Венгрию демократическим государством, упразднила крепостное право и сословные различия между людьми. Политическая роль среднего дворянства проявлялась в изучении одной-двух латинских речей в защиту дворянских свобод, произнесенных в комитатах или на Государственном собрании. В текстах торжественных речей говорилось о том, что старый порядок, феодальная Венгрия утратили жизнеспособность, там не уважался труд, не было свободного оборота капитала, предпринимательство, дороги находились в упадке, транспорт – в зародыше и т. д. Работа 18-летнего Дюлы Секфю была посвящена связи нации и человечества и роли в ней литературы. Последняя – это связующее звено между нацией и человечеством. Судьба человечества – борьба

и прогресс. Такова же и судьба нации. Космополит остается одновременно и патриотом... Мысли, которые, как мы увидим, не раз возникнут у историка в разных формах, мысли, которые включают гражданские и национальные идеи в рамки религиозного христианского воспитания.

ПРОФЕССИОНАЛЬНЫЙ УРОВЕНЬ – ЕВРОПЕЙСКАЯ ОБРАЗОВАННОСТЬ

Историческое образование, предлагавшееся в начале XX в. в Будапеште, соответствовало мировым стандартам. В нескольких абзацах вводной статьи нелегко показать, в чем заключалась его прогрессивность. Это, несомненно, связано с тогдашним положением Венгрии, с тем, что молодые, талантливые историки конца XIX столетия – одним из них был профессор истории в Коллегиуме им. Этвёша, Шандор Мика – при финансовой поддержке богатого государства получали стипендии в Германию и Францию, чтобы там посещать семинары тамошних ведущих историков. Связано это и с тем, что венгерская интеллигенция на рубеже веков – и оставим адвокатские по своей логике споры о природе австро-венгерского дуализма – на самом деле ощущала себя частью Европы. Скажем, плиточник-штукатур, проживавший на рубеже веков в каком-нибудь пригороде Пешта, свободно брался за ту или иную работу, перемещался по стране с лицензией, отпечатанной на четырех языках, и в этом ничем не отличался от проживавших в иных частях монархии итальянцев, хорватов, словаков или румын. Точно так же и историки, литераторы, философы; достаточно полистать письма Марцелла Бенедека, Балинта Хомана или Тибора Геревича в их личных фондах: для молодых интеллектуалов из среднего класса посещения Вены и Берлина, а для художников и писателей – Италии или Парижа, были чем-то привычным и само собой разумеющимся.

Наконец, не следует забывать о факторах социально-исторического порядка: у этой молодой интеллигенции было исключительно сильное чувство призвания – миссия культуры, образования в государственных учебных заведениях, учителя, растящего и пестующего мыслящие головы, писателя. Бывший студент венского Института

исследований по австрийской истории (самого престижного в тот период заведения с передовой по тем временам филологической методикой по палеографии и дипломатике) Ласло Фейерпатаки был в годы учебы Секфю профессором кафедры вспомогательных исторических дисциплин. Лекции Хенрика Марцали, знаменитого своей европейской эрудированностью, широким кругозором профессора, были, согласно записным книжкам Секфю и его собственным воспоминаниям, самыми посещаемыми. Беспрецедентно глубокие познания в европейской истории, знакомство с методологическими достижениями немецкой, французской и английской историографии (после лет обучения в Берлине, Париже и Лондоне), способность с одинаковой легкостью погружаться в проблематику раннего Средневековья и современной истории, пионерские исследования по истории общества и государства в раннее Новое время, недюжинный литературный талант, даже если обратной стороной было вольное цитирование источников по памяти и встречавшиеся порой неточности, – таким был для Секфю и его сокурсников Марцали. В компании Балинта Хомана и «маленького» Ференца Экхарта студенты семинара регулярно ходили в Венгерский государственный архив к Карою Тагани – самому знающему архивисту тех лет, основателю венгерской социальной и экономической истории, главному редактору первого венгерского историко-экономического журнала «*Magyar Gazdaságtörténeti Szemle*» («Венгерское историко-экономическое обозрение»), находившему удовольствие в конспектировании средневековых архивных источников на специальных карточках, в регулярном чтении европейских (французских и немецких) журналов, в дискуссиях с коллегами. Как сказал один его современник, он был «ходячей энциклопедией».

За источниками следовала точная реконструкция истории института, эти источники произведшего – будь то издававшая королевские дипломы канцелярия или министерский орган современного государства; это требовало детальной, вездливой критики и строгого соблюдения принципа провениенции (т.е. происхождения), что было большим достижением европейской исторической науки конца XIX в. – специализированной отрасли знания с архивными и музейными документохранилищами, кафедрами, специализированными библиотеками, учебниками, справочниками и

обобщающими трудами методологического характера. Секфю и его товарищи впитывали все это долгими послеполуденными часами, проводимыми в архиве у Тагани, или на семинарах Фейерпатаки.

Здесь нельзя обойтись без, пусть краткого, упоминания роли Коллегиума им. Этвёша в формировании взглядов любимого ученика Шандора Мики – Дюлы Секфю. Областью специализации Мики была всеобщая история. Он не был выдающимся исследователем, но слыл начитанным историком и лучшим педагогом своего времени. В наши дни, когда мы стремимся, так сказать, осовременить образование, создавая специализированные педагогические учебные заведения, открываем методические кабинеты, проводим реформы и сопровождаем их изданием бесчисленного числа инструкций, не будет лишним упомянуть о решающей роли личности учителя.

Шандор Мика том за томом читал со своими студентами классиков европейской историографии, например Леопольда Ранке, который для Секфю навсегда остался образцом великого историка, Моммзена, Нибура. Иными словами, фундаментальные труды по древней, средневековой и новой истории. Читали сочинения великих авторов французского Просвещения: Вольтера, Руссо, Монтескье, «Декларацию прав человека и гражданина» из истории Французской революции, по венгерской истории – статью Закона XXVI от 1790 г. о свободе вероисповедания, потом дебаты по крестьянскому вопросу в «эпоху реформ»; все это войдет в хрестоматию по истории для гимназий, которую под руководством Шандора Мики составят его ученики Дюла Секфю, Ференц Экхарт, Имре Сентпетери, Имре Маджар. В Коллегиуме им. Этвёша они получили европейскую широту взгляда на историю, уверенное знание источников и специальной литературы. Сравнивая впоследствии современное западное и полученное им самим образование, Секфю упомянет изощренность, проявлявшуюся в искусстве критики источника, в более пристальном – по сравнению с западноевропейским образованием – внимании к деталям. Здесь же следует отметить еще одно обстоятельство, не имеющее прямого отношения к исторической науке, а именно открытость, свободомыслие Коллегиума им. Этвёша, отношения между преподавателями и студентами, где – наряду с уважением к подлинной образованности – имели место подтрунивание, ирония, способность к утонченному наслаждению жизнью,

вытекающая из буржуазного мировоззрения, уважение к личности, национальности, религиозной принадлежности другого. Уважение к личности – буржуазная терпимость: вот те поведенческие формы европейской культуры рубежа веков, о которой сегодня вспоминают с ностальгией.

Чиновничье мировоззрение – буржуазная национальная идея

Следующей остановкой для Дюлы Секфю стала имперская столица Вена. Как следует из биографической справки, там он провел 17 лет, с 1908 по 1925 г. После лет студенчества это стало периодом превращения в историка, точнее в автора исторических исследований. В более узком смысле Секфю попал в круг служащих в министерстве по общим, австро-венгерским делам. Этот «хутор» располагался в доме Лайоша Таллоци по адресу Траунгассе, дом 3, где долгое время проживал и сам Секфю.

Ласло Таллоци был специфической фигурой в Австро-Венгерской монархии. Этого молодого историка, изучавшего экономическую историю и обладавшего исключительными познаниями в иностранных, в том числе славянских языках, привез с собой тогдашний министр общего министерства финансов Беньямина Каллаи. На рубеже веков, когда вес Венгрии в монархии в целом вырос, стало, естественно, звучать требование, чтобы число венгров в общих министерствах было увеличено. В начале XX в. Таллоци уже был влиятельным чиновником. Он служил «всего лишь» директором Архива придворной казенной палаты, но среди его друзей числились не только Каллаи, но и глава общего министерства иностранных дел Буриан. И не будем забывать, в ту эпоху архивы, и в Европе, и в Венгрии, относились не к сфере культуры, а были составной частью министерства внутренних дел, т.е. имели государственные, политические, административные функции. Таллоци к тому же принимали при дворе, считали одним из любимчиков императора, современники даже полагали, что Франц Иосиф доверял историку неофициальные дипломатические поручения. К числу ближайших друзей Таллоци принадлежал Арпад Каройи, который,

несмотря на то, что был протестантом и венгром, в 1909–1912 гг. стоял во главе семейно-придворного архива самой католической династии. Секфю считал его одним из авторитетнейших венгерских историков и, как и о Тагани, до конца дней говорил с величайшим уважением. В кружок входили историки, архивисты, несколько чиновников министерства иностранных дел. С этими людьми связано формирование у Секфю очень важной, занимавшей его до конца дней теории о нации и государстве.

Таллоци и его гости считали, что в споре между Венгрией и Наследственными провинциями, в борьбе между двумя половинами дуалистической монархии упор следует делать не на государственно-правовые вопросы и не на вопросы единой армии, подчиняющейся общему правителю. Такие дебаты, – говорили они, – хороши только для того, чтобы там, в Будапеште, радеющие о независимости горластые господа произносили в парламенте свои долгие речи. Венграм необходимо расширить свое присутствие в общеимперском государственном аппарате и стать там решающим большинством. Государь – не только австрийский император, его чело увенчано короной Св. Стефана и потому он законный венгерский король. Венгрии необходимо добиться конституционной самостоятельности в рамках Австро-Венгерской монархии. Залогом этой конституционной независимости и является государственная администрация со своими учреждениями и чиновниками. Именно они способны поднять удельный вес Венгрии. Правовые вопросы отвлекают внимание от важнейшей национальной проблемы – закрепление за Венгрией статуса великой державы.

Таллоци и «венские венгры» выступали против мадьяризаторской программы партии независимости, на смену которой пришло коалиционное правительство 1906–1910 гг. Они проявляют живой интерес к невенгерским национальностям королевства. Таллоци инициировал издание серии, где публиковались документы по истории составных частей Венгрии, при этом не уставал подчеркивать, что в Венгрии к национальным меньшинствам в прошлом всегда относились с уважением. Семейства Благаи, Франгепан, Зрини дали Венгрии ее величайших государственных деятелей. (Кстати, к кружку Таллоци принадлежали такие в будущем выдающиеся деятели национальных движений Габсбургской монархии, как

хорват Милан Шуфлай, чех Камиль Крофта, румын Иоанн Лупаш, австриец Родерих Гоосс.) Балканская война 1912 г., появление и укрепление новых государств заставили их обратить внимание на проблему мирного сосуществования находившегося в собственной стране в меньшинстве венгерского этноса со славянскими народами королевства. Национальную программу «венских венгров» можно суммировать в следующих пунктах: гражданско-ответственная работа чиновников по закреплению правовых гарантий независимости Венгерского государства в имперской администрации; терпимость во взаимоотношениях с национальными меньшинствами; придание Венгрии – в сравнении с Наследственными провинциями – статуса великой державы. Эти идеи на жизнь вперед предопределили взгляды Секфю на государство и нацию. Напоминание об этом можно обнаружить и в его первой работе, и в главах книги «Три поколения», посвященных национальному вопросу, и в самой концепции многоотомной «Венгерской истории», даже в полемике по поводу велико- и маловенгерского пути развития и, по моему мнению, в базовой концепции «После революции», той ее части, что посвящена национальной миссии интеллигенции, среднего класса...

В первой крупной работе, посвященной сервиентам и фамилиям, он рассуждает, почему Венгрия не попала в число западноевропейских бюрократических государств. Потому, отвечает Секфю, что в Венгрии XVI в. восторжествовала концепция среднего дворянства Иштвана Вербёци, которая провозгласила фикцию единого и неделимого дворянства и не позволила фамилиям превратиться в бюрократов, вынудила их оставаться дворянами, т.е. составной частью сословного общества. Это исследование содержало робкую, но весьма последовательную научную критику современного сословного общества (не будем забывать, что на рубеже веков юридическое образование основывалось на культе Вербёци и дворянско-сословного правоведения).

Следующая работа – «Литература по истории центральных австрийских органов управления» – препарировывает один из спорных историографических вопросов о формировании государства раннего Нового времени. В ней Секфю демонстрирует несостоятельность доводов австрийских правоведов. Те утверждали, что в момент, когда король перестал существовать как независимая величина и прави-

телем стал Габсбург, Венгрия потеряла свою независимость. История центральных органов управления показывает, – пишет Секфю, – насколько неправы австрийские историки. Венгрия всегда обладала независимостью. Изучение эпохи Фердинанда I и Максимилиана I доказывает: начиная с XVI в. декреты центральной власти, изданные для Венгрии, имели отличия от декретов для Наследственных провинций. Австрийские историки и юристы пытаются это отрицать. Венгерским историкам следует внимательнее присмотреться к истории центральных властных институтов, габсбургских органов власти. Следует оспаривать австрийскую позицию, но одновременно показывать, как велика была роль того управленческого слоя венгерского происхождения в центральном аппарате, который начиная с XVI в. обеспечивал торжество венгерских интересов на имперском уровне. Вместо этого венгерские историки слагают гимны отцу венгерской юриспруденции Вербёци и уступают международное поле битвы враждебно настроенным по отношению к Венгрии авторам. Те же присваивают себе историю центральных органов власти – становой хребет венгерской истории. Пристальное внимание к подобной роли органов государственной власти, осмысленный, выходящий за узко-венгерские рамки взгляд на проблему уже тогда требовали переосмысления дворянско-сословных представлений о государстве. Из Средневековья, из XVI века уже звучат слова, обращенные к современности, современной историографии, политике.

Историк – вопросы национальной судьбы

Историографическая программа – исследуя прошлое, обращаться к современности – сформировалась в 1913 г. по следам дискуссии вокруг книги «Ракоци в изгнании». Книга – до наших дней одно из самых совершенных творений венгерской исторической литературы – посвящена годам изгнания Ференца Ракоци. В ней с поразительной психологической силой представлен князь скитальцев, молящийся и бранящийся, постепенно оказывающийся в полном одиночестве государь. После провала коалиции либеральной и народной партии политическая оппозиция увидела в этой книге глумление над Ракоци (ведь совсем недавно прах князя был при-

везен из Турции и перезахоронен на родине) и направленную против либералов атаку из Вены. Пусть в этом они ошибались, зато правильно и верно почувствовали, что за концепцией молодого архивиста – с какой бы симпатией и какими бы добрыми словами он ни писал о Ракоци – скрывается убеждение: эмиграция не в состоянии поддерживать живую связь с нацией, она неспособна выработать реально-политическую программу. Выразимся иначе: в книге уже тогда, в 1913 г., прозвучала критика коштувской эмиграции.

В нашей исторической науке уже достаточно много написано о том, какую бурю вызвала эта книга, и как ее автор стал жертвой политических комбинаций и либеральных нападков в газетах и в парламенте. Как и о том, что растянувшийся на годы спор – Секфю ответил оппонентам в отдельной статье – оставил глубокий след в душе молодого историка.

Укажем здесь только на два, важных с точки зрения нашей темы, обстоятельства. Во-первых, эта дискуссия, ее сиюминутные политические последствия убедили Секфю в том, что обращение к венгерской истории неизбежно переплетается с вопросами современности. Переплетается, потому что живучесть не решенных в историческом прошлом проблем осовременивает и превращает в горячий материал саму национальную историю. Дискуссия по вопросам национальной истории – это одновременно обсуждение проблем современности. «Вместо того, чтобы вести себя тише воды и ниже травы, – писал он о своих гонителях, – эти люди по сей день нагло разгуливают так, словно бы не в них был корень современных бед... Бандиты, которых следовало бы пристрелить, как собак...» Это те политики из числа защитников Ракоци, «которые [речь идет о самом начале Первой мировой войны. – Ф.Г.] сейчас возглавляют организации в помощь фронту, а ведь пару месяцев назад [в ходе дискуссии о Ракоци. – Ф.Г.] они бранили нацию и превозносили москвитов... Вечные возмутители спокойствия...»

Если мы перечислим основные исторические труды Секфю, написанные им в последующие годы – «Биография венгерского государства» (1916–1917 гг.), «Три поколения» (1920 г.), источниковедческую серию «*Fontes*», «Документы и материалы по истории венгерского государственного языка» (1926 г.), наконец, «После ре-

волюции» (1947 г.) – выяснится, что на самом деле в каждой из них он стремится рассматривать актуальные социально-политические проблемы, доискаться до их предыстории. «Биография венгерского государства» – это, по сути, анализ, как случилось так, что Венгрия – союзник Германии в Первой мировой войне – усилиями основателя венгерской государственности короля Иштвана Святого попала в христианско-германскую сферу влияния; в «Трех поколениях» историк задается вопросом, каким образом социально-культурное развитие привело к катастрофе и революции; в томе «Документы и материалы к истории венгерского государственного языка», развивавшем гипотезы, высказанные в «Трех поколениях», дают критику запутавшегося в формально-государственных аргументах либерализма; в «После революции» с прежним упорством ищет ответа на вопрос: что привело буржуазную Венгрию в 1945 г. к полному краху.

Второе важное обстоятельство, имеющее отношение к поведению Секфю как историка, позволяет понять позицию ученого в национальном вопросе: именно тогда он сформулировал тезис об отношении национальной традиции и освободительной борьбы в венгерской истории; тогда же определил свое представление об *ars historica* как национального призвания историка.

«Это представление, – чеканно провозглашал Секфю в ходе полемики с либеральной куруцской концепцией, – под предлогом защиты национальных идеалов с безответственным транжирством разбрасывается национальной духовной культурой, всеми теми богатствами, которые не служат опорой для своих перенесенных в наши дни куруцских устремлений». Им невдомек, что «мировоззрение Ракоци, идеалы куруцев – это лишь часть национального мировоззрения и что наряду с ними есть целый ряд существенно отличающихся от них национальных чувств, устремлений и мировоззрений». Он любит и тех венгров, признается историк, которые сложили оружие и после восстания остались дома и принялись за созидательную работу. Все они для него такие же добрые венгры, как и скитальцы. Иными словами: освободительная традиция не подменяет собой национальную традицию. Почувствовать это – значило освободить венгерское национальное самосознание от тяжелого бремени XIX–XX вв. и одновременно выказать стремление

обогащать одностороннее (вследствие сожителства с иноземным государством) и зауженно трактующее круг национальных представлений освободительное национальное мышление. Ко всему этому современный историк, изучающий историю после 1945 г., мог бы добавить: возможно, Секфю не обратил достаточного внимания на то, что исторические темы обретают в общественном сознании значимость под влиянием современной политической обстановки. Обыватель не прислушивается к историку, не думает о независимости и самостоятельности, но живет днем сегодняшним...

Однако вернемся к замыслу «Ракоци в изгнании», к тому национальному шоковому эффекту, который не давал покоя историку и повлиял на его жизнь. Эти годы не только принесли Секфю разочарования, но и «закалили» его. В пылу полемики он перечитывает труды по венгерской истории, прослеживает в сочинениях Яноша Чечи, Иштвана Катоны, Михая Хорвата, Ласло Салаи отношение историка к вневременной национальной идее; и эта полемика, как Секфю писал своему наставнику Давиду Андялу, лишь укрепила его в уверенности, что он движется по правильному пути и в состоянии сказать своей нации нечто важное и актуальное. Как свидетельствуют письма из Вены, именно тогда – ночами бесконечных месяцев, в одиночестве за бокалом вина – в нем окрепла уверенность, что призвание историка – *исследовать и давать ответы на вопросы о судьбах нации*. Связь с современностью, однако, выражается не в поддержке парламентской политики той или иной партии, политиканстве, участии в правительственных программах, но в суверенной, можно сказать, наблюдательской позиции.

Если бы мы совершили сейчас экскурс в историю общественной мысли, мы бы увидели, как в буржуазном конституционном государстве XIX в., а также в бюрократически-интеллигентских слоях, сформировалось то классическое, восходящее к Токвилю представление об отношении в парламентской системе партий и нации, партий и государства, что государство – орудие политических сил. Служить ему в качестве бюрократа или интеллигента не значит быть политизированным. Политикой занимаются политики, партийные руководители, депутаты парламента. Они, служащие, представляют национальный интерес – обеспечивают работу государственной машины. Правительства и партии приходят и уходят,

неизменными остаются только государство и нация. В основе символа веры Секфю лежат два исторических образования – государство и нация. Подобно тому, как Дюла Секфю не принимал выдвинутых против него в 1914 г. обвинений, что к написанию книги о Ракоци его подтолкнуло желание заняться политикой и нанести удар по либеральной партии, так же и в 1943 г. он отверг упреки в том, что его статьи в «*Magyar Nemzet*» и даже «*Népszava*» были продиктованы стремлением к политиканству. В письме к другу студенческих лет Балинту Хоману, написанном в связи с их расставанием после сорокалетней дружбы, Секфю утверждает: в то время как Хоман занялся политикой, стал министром, он, Секфю, никогда не взялся бы выступать с лекциями, речами и т.п. в партийных организациях. Когда же в апреле 1945 г. он выступил со знаменитой речью в профсоюзе учителей, когда бородатый, с котомкой в руке говорил перед своими бывшими учениками, своими читателями, что все обрушилось, следует отказаться от древней теории Венгрии Иштвана Святого, от ведущей роли венгров в бассейне Карпат, он снова не чувствовал, что занимался политикой. Он думал, что говорит о проблемах своей нации и дает своей нации совет. В этом и состоит обязанность историка.

И еще – это впервые появилось в образе мыслей Секфю под воздействием дискуссии вокруг книги о Ракоци и со временем превратилось в мировоззренческий принцип – критическое отношение к себе, критическое отношение к нации. В Секфю – и здесь мы, скорее всего, с полным правом можем напомнить о религиозном воспитании, о формирующей личности роли исповеди и постоянного углубленного самоанализа – постепенно крепло убеждение: задача историка заключается в том, чтобы указывать нации на ее ошибки и тем самым улучшать составляющее нацию общество.

Если мы вновь обратимся к тем произведениям из творческого наследия историка, которые указывают на, так сказать, смену вех, то увидим, что «Три поколения» – не что иное, как суровая национальная самокритика ведущего в национальной жизни класса – либерального дворянства; историк бичевал извечные недостатки нации, бездействие, горячечный восторг, упрекая элиту в том, что та не захотела обратить взоры к Сечени. Написанная в 1934 г. глава «Что случится потом» (для нового издания «Трех поколений»)

стала самокритикой национального сообщества после Трианона, книга «После революции» – горчайшей самокритикой венгерского национального среднего класса, членом которого Секфю никогда не переставал быть. Раньше, в 1920, 1934, 1943–1944 гг. он брал на себя эту роль порывисто, самоуверенно; впоследствии, в 1947 г., повинясь не дающим покоя прежним убеждениям. «Я не питаю иллюзий, – писал он в 1947 г., доказывая читателям в общности судеб с Советским Союзом, – и предвижу, какую реакцию вызовет созданный мною образ Советского Союза у тех моих соотечественников, о которых я, к сожалению, не могу даже предположить, что они поймут, почему мне нужно было высказать об этом – искренне и открыто, без всяких задних мыслей – свое мнение» (с. 163). Затем пожилой, усталый человек с сентенциозной осторожностью вновь рассуждал о столь характерных для мышления венгерского среднего класса склонности к иллюзиям и вере в чудо: «Не думаю, что могу оскорбить мой народ, у которого я за прошедшие десятилетия не считал много ошибок и недостатков...»

НАЦИОНАЛЬНЫЙ ИСТОРИК – КОНСЕРВАТИВНЫЙ ГРАЖДАНИН

Сколь заманчиво было бы попробовать сегодня заглянуть в то, какие концепции, какие системы оценки ценностей выработал сложившийся историк Дюла Секфю о том или ином периоде национальной истории. И как они изменились после сопровождавших Первую мировую войну революционных и национальных потрясений, под воздействием распада исторической Венгрии. Впрочем этой книге, которой Дюла Секфю хотел дать в руки читателя полемическую брошюру, а не аналитический труд всей жизни, такая задача не под силу. Но одним вопросом, который тесно связан с нашей отправной точкой, задаться, по нашему мнению, необходимо: каков был социально-исторический характер программы Секфю-историка? Чем объяснить, что историк, изучавший либерально-буржуазные идеи, обладавший энциклопедическими познаниями в мировой истории, усвоивший просвещенческие идеи Французской революции, критически относившийся к историческому сословному ми-

ровоззрению, после 1919 г. превращается в контрреволюционного сторонника консервативных реформ и противника революции? И почему тогда Дюла Секфю отреагировал на другое крупное революционное потрясение в истории Венгрии XX в., на 1945 год и то, что произойдет после 1948–1949 гг., так, как это описано на нижеследующих страницах.

В работах до 1918 г. поиски исследовательских тем у молодого госслужащего шли рука об руку с критическим анализом мелкого и среднего дворянства. Его излюбленными авторами были централисты: работы Этвёша, Трефорта, Салаи; он восхищается их европейским кругозором, включением венгерской судьбы в господствующие европейские течения, восхищается их современной образованностью, умением анализировать сложные вопросы общественного развития. В книге «Биография Венгерского государства» он представляет Иштвана Сечени фигурой, подготовившей возникновение движения Кошута, к числу его величайших достоинств, по мнению автора, относится то, что при проезде через Цепной мост пошлину платили как недворяне, так и дворяне. Еще в 1918 г., накануне окончания мировой войны, он пишет, что пора покончить с засильем джентри и венграм необходимо проникнуться буржуазными ценностями, любовью к порядку и порядочности. Как видно из простого перечисления биографических данных, революцию осени 1918 г. он не отверг. Он принял участие в работе возглавляемого социал-демократами архивного комитета Австрийского государственного архива. Он поддержал инициативу председателя комитета, первоклассного специалиста Хартманна, отменить в архиве феодально-монархические порядки, открыть исследователям доступ к фондам правительственных учреждений и даже Габсбургской династии до Нового времени включительно. Вспомним и о том, что вместе с другом юности Балинтом Хоманом, который, кстати, в феврале 1919 г. в панегирической брошюре описал события революции под руководством Каройи, он взялся за подготовку нескольких глав для учебника истории, написанного с материалистических позиций. Весной 1919 г. Секфю получил кафедру в Будапеште. Даже если историк отверг это предложение, и нет никаких свидетельств, что он сблизился с Венгерской Советской республикой, как это сделали другие представители буржуазной интеллигенции – Бела Барток,

Золтан Кодай, Балинт Хоман и другие, Секфю чувствует необходимость реформирования государства на национальных принципах и желает этого.

Революция захлебнулась, историку за то, что получил кафедру от Советской республики, грозило лишение средств к существованию. Эти месяцы, как свидетельствуют горькие, полные отчаяния письма, были посвящены самоанализу, переосмыслению жизненного пути. Под впечатлением от распада государства и румынской оккупации Секфю перечитывает «Новый завет», и под воздействием английского издания «Мир Христа» приступает к работе над национальным брeвиарием (хрестоматией) из высказываний Сечени. Тогда из более раннего очерка социальной венгерской истории раннего Нового времени родилась – дополненная еврейским вопросом, критикой либерализма и главой о Сечени – книга «Три поколения». В этой работе Сечени уже не представитель европейских идейных течений, но, напротив, такой национальный герой, кто в противовес родившемуся в европейских и иностранных обществах либерализму, как течению, ведущему к революции, воплощает национальную доблесть. Историк бичует заимствования из европейской буржуазной общественной мысли, полагает, что это сводилось к формалистическому имитированию либерализма, копированию западноевропейских идей, прежде всего – к вере в силу государства. В этом причина того, что венгерское джентри желало служить только в государственной администрации, не считало своей обязанностью осмыслить социальные программы, не замечало влияния современного капитализма на преобразование общества; и пока государство силой пыталось беззастенчиво овенгерить невенгерские народы, подавляя их сопротивление, современное общество уступило экономические и культурные позиции притекавшим во вступившую на путь капитализма Венгрию новым элементам, чуждым национальному менталитету, отчасти невенгерским по происхождению рабочим и евреям. Так сложилась ситуация, когда в обществе усилились чуждые национальному мышлению социальные слои, и, как следствие, венгерское государство после пертурбаций 1918 года не смогло выполнить своей национальной миссии. Государство распалось, мы оказались ввергнуты в национальную катастрофу. Нам нужны не революция и не осуществление пересаженных из чужих

стран идей, а консервативные, то есть укорененные в национальных традициях реформы, органическое развитие.

Здесь мы также можем процитировать рассуждения, неоднократно высказанные в работах 1920-х годов: о вредоносном влиянии идей Просвещения на венгерскую общественную мысль «эпохи реформ», что революции привносят в жизнь общества только хаос и являются не чем иным, как симптомами болезненного, аномального развития. Теперь же перепрыгнем во времени к другой революции и ее воздействию.

В конце 1943 – начале 1944 г. Дюла Секфю опубликовал серию статей в газете «*Magyar Nemzet*», которые затем в 1947 г. встроил в текст книги «После революции» в качестве первой главы «Мы где-то сбились с пути». В серии статей он вновь возвращается к идеалам своей юности, к централистам, и теперь уже – под воздействием реформаторских устремлений 30-х годов, мировой войны и фашизма – выделяет радикальные элементы в теоретических построениях централистов. Историк рассуждает об общинном самоуправлении, в котором крестьянство обрело бы новые, демократические формы управления; посвящает отдельную статью Морицу Лукачу, который одним из первых указал на решающую роль рабочего класса; пространно рассуждает о вопросах политической демократии.

В 1945 г., как говорилось выше, Секфю пошел против своих собственных более ранних убеждений, взял на себя ведущую роль в реорганизации научной жизни в Венгрии. В 1946 г. он произносит речь о Ленине, позднее в том же году принимает предложение отправиться в Москву в качестве венгерского посла. Здесь можно привести горькую цитату, которой мы еще в начале нашей статьи охарактеризовали рабочее настроение в период написания «После революции»: о распаде государства в 1944–1945 гг. «Подобно тому, как рушились стройные ряды домов, так же превратилось в пыль и пепел то, что еще оставалось от Венгерского государства» (с. 97). Но можно процитировать много похожих, порожденных необходимостью национального самоанализа, горьких слов о новом положении венгерской нации и Венгрии. Революция как единственное спасение для него снова национальное дело. Самокритика: венгерский средний класс и сегодня не может взять в толк, что войны мы проиграли, что теперь мы – оккупированная страна.

Они все еще живут в плену старых идеалов, все еще верят, что между англосаксонскими державами и Советским Союзом начнется война, в результате чего мы снова сможем вступить на путь, ведущий к буржуазной демократии. Средний класс сегодня столь же слеп и так же не видит место нации в современной общеевропейской политике, говорит Секфю, как и в дни Второй мировой войны, когда в месяцы окончательного поражения гитлеризма не был в состоянии выполнить свое национальное предназначение – приспособить страну к реально-политическим переменам на континенте и тем самым спасти нацию. Секфю не скрывает: он не марксист, более того, он считает необходимым поддержать революцию и создание восточноевропейской демократии именно потому, что видит в этом единственную возможность для выживания нации.

По мере того, как развивается повествование в последующих главах (первую часть историк написал летом 1947 г., последнюю главу уже после выборов 1947 г. в Государственное собрание, т. е. в октябре), оптимизма у него все убавляется: в последней главе он уже не так уверен насчет новых форм, то есть новых форм общественного устройства. Спустя год, в конце 1948 г., когда на родине историк ведет жизнь старого, больного, всеми оставленного человека, которого разве что иногда навещает кто-то из учеников, он обреченно бормочет: к тому, что здесь произошло, мы не имеем никакого отношения. В последнюю неделю жизни, как вспоминает один молодой семинарист, Секфю произнес слабым голосом: «Мы просто цыгане какие-то!»

Что стало причиной того, что либерально-буржуазная программа начала века забуксовала в ходе революций и государственных преобразований 1918–1919 гг.? И в чем причина того, что жаждавший революции, по-прежнему приветствовавший союз с рабочими партиями, принадлежавший к среднему классу историк после 1943 г. испугался пролетарской диктатуры, той революции, которую еще пару лет назад считал для нации единственным выходом? Прежде всего, ответим мы, буржуазное мышление в принципе отвергает пролетарскую диктатуру с ее инструментами внутреннего социального насилия. Теперь, когда историческая наука имеет возможность объективного анализа уроков революции 1918–1919 гг., так и тех радикальных преобразований, кото-

рые имели место во второй половине 1940-х годов, нам предстоит ответить и на такой вопрос: имело ли альтернативу отчуждение этого слоя от революций и исключение из нового общественного устройства?

Современным молодым людям трудно себе представить, сколь яростное отторжение родилось в душе у Ласло Фейерпатаки, директора Венгерского национального музея, этого буржуа, приученного к обходительной и уважительной манере поведения, когда комиссар по культуре Дёрдь Лукач в собственноручно написанном коротеньком письме известил о том, что тот снят с должности директора и на эту должность назначается Хуго Кенцлер, младший музейный хранитель. Точно так же и Барток с трудом понимал все те личные и нацеленные на быстрый результат изменения, которые в дни Советской республики произвели с домами, собственностью, так что даже молодые ученые-гуманитарии, еще только искавшие место в буржуазном обществе, не поддержали этот прямой разрыв с традицией, который революция осуществляла в области государственного управления и повседневного социального строительства. После поражения революций и для Секфю, и для его искушенных в общественных науках товарищей был очевиден только один вывод: революции не смогли обеспечить самого главного, того, чему сами они придавали решающее значение – сохранения целостности страны и государства и врачевания тех социальных язв, которые были предвестниками грядущей катастрофы. Ту нетерпеливость, которую продемонстрировала в их адрес когорта молодых революционеров, не имевших опыта публичной политики и государственного строительства, они приняли за суть революции.

Венгерская историческая наука уже давно объяснила допущенные Советской республикой кадровые ошибки тем, что (ведь так и есть!) революционной практике нельзя научиться заранее; историкам приходится также признать, что у буржуазного слоя, при иных обстоятельствах готового принять участие в общественных преобразованиях, тоже не было опыта, как мириться с филистерством неопытных революционеров. Не эта ли путаница мешает порой понять, почему Секфю, как член старого среднего класса, после 1948–1949 гг. дистанцировался, отстранился от революции? В 1948–1949 гг., хотя, конечно, в совсем иных исторических условиях,

традиционный буржуазный средний класс отталкивало от пролетарской революции то же самое, что и в 1919 г. ...

Дюла Секфю, как мы уже говорили и постарались доказать, мыслил национальными категориями, считал себя историком буржуазного среднего класса, и потому подверг этот класс в 1947 г. суровой критике за то, что, по его мнению, тот не справлялся со своей ролью национального лидера. Не следует ли историкам извлечь тот же урок при анализе творчества Секфю? Первейшей задачей историка было и остается обращать внимание на ошибки, допущенные в ходе достижения социально-значимых целей, и призывать к их исправлению...

Сегодня, когда череда кризисов уже ясно дала нам понять, что современным обществом нельзя управлять старым способом, разве не должны историки выступить с такой же суровой критикой ошибок в национальном и социальном развитии, как попытался это делать всю свою жизнь Дюла Секфю, привлекая внимание к изъянам буржуазного общества? Если с точки зрения идеологии и мировоззрения старая и новая историческая наука далеки друг от друга, стоящие перед историком задачи и способы их решения во многом сходятся...

*

Когда мы вручаем современному читателю аутентичное издание последней книги Дюлы Секфю, мы понимаем, что прочтут ее те, для кого Вторая мировая война, немецкая оккупация и депортации, вынужденная эмиграция лучших умов нации уже не личный опыт, но «история», знакомая по рассказам и книгам. Как, впрочем, и первые годы после освобождения от гитлеровской оккупации, о которых здесь идет речь, для них уже сюжет из учебника истории. Потом нам подумалось: мы не погрешим против целостности книги Секфю, если сопроводим оригинальный текст ссылками на научные работы, трактующие важнейшие события, о которых идет речь в книге, и тем самым покажем направление, в котором современная историческая наука рассматривает события 1943–1947 гг.

Тем не менее мы считаем необходимым уже здесь, в Предисловии, обратить внимание читателя на то, что он получает в руки не

систематическое изложение событий этих нескольких лет, но такую работу по новейшей истории, где Секфю преподает венгерскому политическому общественному мнению несколько уроков, основанных на личном опыте и непосредственных наблюдениях лет, проведенных в Москве в качестве посла.

Но задавался ли Дюла Секфю в 1947 г. действительно важными вопросами? И тот совет, который он дает венгерскому обществу, действующим политикам, прозвучал ли в тот момент «актуально»? И какие переживания и впечатления стояли за этими теоретическими рассуждениями?

Современный историк не дает сегодня на это готового ответа, ведь он знает, что величайшая ценность книги в том, что она заставляет задуматься, а самое плохое предисловие – то, которое обращается с читателем как с младенцем. Однако несколькими важными соображениями мы здесь с читателем поделимся.

На страницах Предисловия мы попытались убедить читателя в том, что основополагающим элементом исторического мышления Секфю была национальная точка зрения. Именно поэтому в своих более ранних работах он рассматривал венгерское общество и его различные силы, делая акцент на среднем классе, предназначением которого считал решение национальных, государственных задач. Вопросы международного положения Венгрии, поиска ею возможных союзников Секфю всегда рассматривал с точки зрения национального сообщества. От союза с нацистской Германией в 30-е годы его удерживало не только «коричневое язычество», но и та угроза, что исходила для венгерской нации от Третьего рейха, строившего планы переустройства континента на принципах германского превосходства. К союзу с англосаксами и французами в 1942–1944 гг. его подталкивали не только социальные, внутривнутриполитические реформы и программа западных буржуазных демократий, но и стремление гарантировать выживание нации. Однако к лету 1947 г., когда Секфю принялся за написание этой книги, международная обстановка после неразберихи первых послевоенных лет начала для историка проясняться. Не будем забывать, что в июле 1947 г. Национальное собрание в Будапеште ратифицировало подписанный 10 февраля того же года мирный договор с великими державами, что окончательно определило статус Венгрии; политические

силы, желавшие установления в стране западнобуржуазных форм и развития буржуазной демократии западного типа начали быстро «выветриваться» (об этом свидетельствовал переезд на Запад руководителя Партии свободы Дежё Шуйока, пришедшийся на период написания книги и вызвавший широкий общественный резонанс); рабочие партии заметно укрепили свои позиции (1 июля Национальное собрание приняло закон о первой трехлетке). Дюла Секфю, который еще несколько лет назад, в канун мировой войны, полагал, что есть еще возможность восстановления проводящей мудрую, терпимую по отношению к национальным меньшинствам политику исторической Венгрии в границах державы Св. Стефана и создание политически и территориально сильной Венгрии, теперь, в 1947 г., считал подобные перспективы окончательно провальными. Сегодня нет возможности выбирать, говорит он, имея в виду прозападное внешнеполитическое прожектерство сразу после освобождения от гитлеровской оккупации – планы возрождения австро-венгерского государства или создания польско-венгерско-хорватско-итальянской конфедерации. «С тех пор многое изменилось. Все стало более прочным и постоянным, не только во властной политике, но и в социальной и экономической сфере» (с. 131). «Разница между победой и поражением [очевидно, что здесь Секфю имеет в виду разницу в положении Чехословакии и Польши, с одной стороны, и Венгрии – с другой. – Ф.Г.] в первую очередь стирается оттого, что все мы теперь соседи Советского Союза и отныне оказываемся в сфере его экономического и общественного влияния». [Курсив мой. – Ф.Г.] (с. 131). Жить в мире с новыми соседями («У нас к ним будет только одна просьба – гарантирование гражданских прав проживающим у них венграм и человеческое с ними обращение» – с. 199) и, пробуждая доверие, дружить с Советским Союзом. По мнению Секфю, это единственно возможная международная логика для Венгрии в Европе. Этим объясняется и то, что в качестве посла в Москве он считал своим призванием – и это неотъемлемое свойство глубоко верующего, мыслящего нравственными категориями индивида – убедить венгерскую общественность в необходимости дружить с Советским Союзом. Приучить читателя к мысли: наше будущее немислимо без дружественных отношений с СССР.

Можно долго рассуждать и спорить, почему Секфю перенял мыслительные рефлексии эпохи – прославление Сталина. Можно предположить, что это была тактика, или что он просто воспринял представления эпохи. Можно также докапываться, почему он показал в столь идеальном свете послевоенный Советский Союз, годы, прошедшие в разборке руин и борьбе с трудностями при налаживании мирной жизни. И если как читатели мы можем задуматься, отложив в сторону книгу, не следует ли нам сказать: в конкретных тактических вопросах Секфю не разбирался в тонкостях сталинской политики, зато его провидение, что место Венгрии все равно окажется в стане союзников СССР, сбылось в последующие десятилетия истории Венгрии.

Однако Секфю, могли бы мы сказать с полным правом, все-таки ошибся. Когда мы читаем его суждения о политике Советского Союза в отношении Венгрии, вновь и вновь звучит мысль: великодушные Советского Союза проявляется именно в том, что он не намеревается вводить ту систему, которую выстроил у себя – диктатуру пролетариата. Не западная демократия, не пролетарская диктатура, а своеобразная «восточно-европейская демократия» становится в 1947 г. идеалом для Секфю, которая, как он пишет на последних страницах, вырастет «снизу», гарантирует – через упорядочивание низшего звена местного самоуправления – крестьянству, а через производственные комитеты – рабочему классу, большую общественную роль. Тут напрашивается возражение книге Секфю: разве историк не хотел дать совет отечественному политическому руководству, когда столь почтительно и настойчиво говорит: великодушные Советского Союза показывает, что он не ввел в Венгрии свою государственную форму, пролетарскую диктатуру и вопреки недавним досужим рассуждениям не присоединил Венгрию к СССР? Хотел ли он тем самым дать понять читателю, что такое решение неприемлемо? Мы можем лишь гадать, источников об этом не сохранилось. И не ошибался ли Секфю, спросим мы с полным правом, когда в заключительных строках своего труда – как верующий христианин и уважающий традиции национально ориентированный историк – назвал христианство и традиционную культуру основами будущей истории венгров? Ведь наше историческое развитие после 1948 г. пошло по совсем иному пути.

Но должен ли историк выдавать рецепты, достоверные сценарии будущего? Может быть, просто предъявлять настоящему, как реально существующей возможности, извлеченные из прошлого уроки, в которых отражены его собственные взгляды.

Ференц Глац

ДЮЛА СЕКФЮ
ПОСЛЕ РЕВОЛЮЦИИ

ВВЕДЕНИЕ

В последние годы Второй мировой войны едва ли не весь венгерский народ жаждал революционных перемен куда сильнее, чем в конце Первой мировой. Показавшаяся бесконечной цепь перемен, с виду вполне революционных и внезапно, неожиданно и неумолимо изменивших жизнь людей, последовала уже после Первой мировой войны: две революции (октябрьская и большевистская), белый террор, установление режима Миклоша Хорти, надолго отсрочившего проявление новых революционных порывов. По сравнению с теми тремя-четырьмя годами невзгод, эта пара лет, что минула по окончании Второй мировой войны, могла показаться современнику порой затишья, тем более что революционная фразеология достигала его слуха крайне редко, правящие же партии изо всех сил успокаивали: цель их – не революция, а постепенные, обдуманые, спланированные преобразования, иными словами, эволюция. И в самом деле, после проигрыша в войне, в дни оккупации в стране наблюдалось куда меньше охоты к революционным переменам, чем в 1918–1920 годы. Так или иначе, но – по сравнению с тем периодом – наше время изголодалось по революционным переменам, именно на наших глазах (в отсутствие эволюции) долгожданная революция приступила к преобразованиям, никак не связанным с недавним прошлым, более того, направленным против него, и, можно добавить: работа в разгаре и продолжится завтра.

В нашем сегодняшнем положении немало таких кажущихся противоречий, которые объясняются тем, что представители некоторых направлений до сих пор не верят, что пришло время произнести решающее слово, и надеются достичь новых целей неспешно; с другой же стороны, общество, а вместе с ним и общественное мнение, не хотят или не могут усвоить серьезных уроков, преподанных со времени окончания войны, и по-прежнему верят, что жизнь рано или поздно вернется в политическое русло военных или предвоенных лет. Понятно, что о каком-либо еди-

номыслии в рядах врагов прогресса говорить не приходится. И даже если принять нашу разобщенность как данность, то можно сказать, что в каждом сердце живет некий политический идеал, вот только пока никому не удалось его ясно сформулировать. Нет, впрочем, никаких сомнений: большинство тех, кого прогрессисты называют реакционерами, являются сторонниками так называемой западной демократии и в этой своей ипостаси громко требуют провозглашенных в конце XVIII в. в Америке и революционной Франции прав человека и тех сопутствующих институтов защиты свободы, которые – ценой двух кровавых революций – в наиболее полной форме удалось создать только в Англии, и практически нигде на континенте. К тому же лишь малая часть наших сегодняшних записных прозападных демократов прежде верила в демократические принципы; большинство еще вчера были сторонниками тиранического произвола в его самой жестокой форме, еще вчера они ненавидели англосаксонскую демократию и хотели уничтожить ее руками Гитлера, а сегодня ожидают установления ее не менее классической венгерской разновидности. Эти перемены наступили столь неожиданно, и гитлеровские Савлы так быстро усвоили принципы демократических Павлов, что перемены эти тоже можно было бы без преувеличения назвать революционными, если в хаосе нашего общественного мнения не наблюдался бы один примитивный симптом.

Пожелай мы навести порядок в этом хаосе и для начала определиться с терминологией, нам пришлось бы мириться с тем противоречием, которое наблюдается между современной реальной демократией, с одной стороны, и созданной по западным образцам демократией – с другой. Несомненно, основанная на уважении прав человека и стремящаяся к их реализации демократия служила с конца XVIII в. идеалом для всех «добропорядочных» венгров, для всех, кто не заблудился в лабиринте современной политики и не захотел принести нравственность в жертву политическим целям. Самое благородное поколение в нашей новой истории – герои эпохи, предшествовавшей 1848 году – все без исключения были подобны борцам за гуманисти-

ческую демократию американско-англо-французского образца. Более десяти лет минуло с тех пор, как я – через неудачи их усилий в 1849 и 1867 гг. – попытался показать начала и причины той трагедии, последнее действие которой мы пережили с поражением во Второй мировой войне. Неужели те, кто сегодня взывает к свободолюбивому наследию Кёлчеи, Сечени, Деака, Этвёша, Кошута, являются потомками этого величайшего поколения; предатели же демократии – это те, кто трезво смотрит на ситуацию и не верит, что мы на развалинах венгерской жизни (при нашей нынешней материальной и духовной, внутренней и внешней разрухе) сумеем насадить дух и институты демократии, к которым венгры за прошедшие сто лет так и не стали ближе. Автор этих строк однажды уже брал на себя миссию объяснить, как и почему после 1848 г. наступила эпоха упадка, когда мы не смогли продолжить великие традиции и воплотить их идеалы; сегодня передо мной стоит похожая задача: приведя в порядок внутренние и внешние изменения последних лет, я буду вынужден в конце концов показать: время того, что мы так и не смогли за прошедшие сто лет и чего наши ведущие слои даже не хотели достичь, минуло раз и навсегда. В нашей истории недостает тех стадий (промелькнувших у нас без видимых последствий), когда в более западных и более счастливых частях Европы были заложены основы национального развития. Боюсь, что мне еще придется сказать, что к таковым относится и эпоха демократии по западным образцам: несмотря на долгие родовые схватки и великолепную «генетику» она так и не пустила у нас корней, разве что в той чахлая форме, в какой демократия и гуманизм явились миру в конституционализме и общественном устройстве эпохи дуализма.

Расстояние, на которое мы отстоим от чистых демократических идеалов столетней давности, (что к ним нет возврата, повествует, помимо прочего, эта книга), легче всего измерить, если в последующих главах я перескажу содержание тех статей, что опубликовал в период с ноября 1943 по январь 1944 г. в газете «*Magyar Nemzet*» («Венгерская нация»). Мне представляется, что эти статьи ясно показали: западная демократия в том виде, в

каком ее сто лет назад очертили Этвёш, Салаи и другие, у нас, в Венгрии, невозможна.

Прежде всего, необходимо оговориться: слово «революция» используется нами не в марксистском смысле, но как противоположность «эволюции»; после того как эволюция, мирный путь окончательно не удались, им на смену должна была прийти стадия непредсказуемого, стремительного развития, которая не обязательно сопровождается кровопролитием и возведением баррикад, но, по моему мнению, уже сегодня проявляется в более ускоренном и уплотненном (по сравнению с изначальным) ритме.

Эта книга, к написанию которой я приступаю, – не излагающее факты историческое сочинение, не повествование о поражении в мировой войне и последовавших за тем годах. И все-таки это история. Как несколькими месяцами ранее написал Бенедетто Кроче (тоже недавно переживший трагедию своего народа): лишь то сочинение в праве именоваться историческим, в которое вложена частица души, взяты за перо побудили нравственная неудовлетворенность и беспокойные мысли, а по завершении дух пробудится для действия и изменения положения вещей*. Эта книга, я надеюсь, отвечает выдвинутым Кроче условиям.

* Croce B. Il concetto moderno della storia. Bari, 1947. P. 26. (Здесь и далее примечания автора.)

I. «МЫ ГДЕ-ТО СБИЛИСЬ С ПУТИ»

1.

Член аскетического и ученого монашеского ордена, самый заметный представитель схоластической философии, равных которому нет во всей Центральной Европе до самых границ Франции, с удивлением, приправленным иронией, упомянул, что и его, и меня называли либералами и как таковых очень жалели. У него были основания для удивления, ведь не один год на многих языках он излагал социально-экономические взгляды Фомы Аквинского, до самого последнего времени осуждая существующий повсеместно без всяких ограничений либеральный порядок. Обвинение понятно, и было бы удивительно, если бы сегодня оно не повторялось ежедневно. Оно обращено ко всем тем, кто упорно не желает следовать духу времени. Иными словами, обозначение «либеральный» прикрепляется к человеку не на основании какой-либо социальной или экономической критики, но как выговор, укор, выражение недовольства тем, что кто-то смеет думать иначе, нежели диктует дух времени. Как синоним и ярлык неприятия системы оно еще не относится к самым резким: в современном обиходном языке есть и не такие крепкие словечки.

Итак, обвинение в либерализме никак не связано с его идейной составляющей, нельзя даже сказать, что тот, кто сегодня старается не следовать «духу времени», точно так же не приемлет либеральные идеи, как и поборники духа времени. Он может быть врагом ничем не ограниченного, бездумного принципа свободы, выступать против свободы личности, когда она идет в разрез с общим благом, считать, что либеральная экономическая политика столетней давности, когда произвол феодалов уступил место диктату владельцев заводов, привела к всеобщему обнищанию. Все это может возмущать его до глубины души. И все-таки ему и в голову не придет поддержать то, что у нас на-

зывается либеральной политикой и экономическим порядком. Впрочем, из этого не следует, что он огульно отвергает всё, что связано с идеологией либерализма.

На этом духовном ведьмацком шабаше (язык не повернется на классический манер назвать его Вальпургиевой ночью), который нам пришлось досмотреть до конца, в глаза бросилось много странного, причудливого, нереального. Я прекрасно помню теорию, согласно которой основанный на языке национализм изобрели масоны в Европе и завезли на нашу многострадальную родину. Примерно по тем же критериям судят и о духовной составляющей либерализма, причем с такой категоричностью, что было бы ребячеством попытаться эти взгляды опровергнуть. Но мои читатели, которые не пустились в ведьмины пляски и сохранили ясность рассудка, рациональное мышление, и без того знают, что ни рациональное мышление, ни свобода, ни тем более равенство не были масонскими выдумками. Неверно утверждать, что их породил XVIII век или претворил в жизнь век XIX, что их выдумали Адам Смит, Ротек с Велькером или даже Дежé Силади с Альбертом Берзевици, широко использовавшие эти понятия. Если бы определение «вечный» не застолбили бы для описания господствующих в наши дни идей, отчего нам не придется им воспользоваться, можно было бы сказать, что речь идет о вечных ценностях человечества, рожденных с самим человеком, находившихся в его распоряжении и всегда готовых прийти ему на помощь. Но прошло немало времени, прежде чем человек обратил на них свой взор, в котором отчетливо читалась жажда власти над собратьями, требование беспрекословного повиновения. Лишь античная философия, да и та довольно поздно, во времена стоиков, признала права человека, чью древность и неизбывность на тысячелетия вперед провозгласило Христианство. Поскольку все мы единообразные творения Создателя, из этого вытекает равенство и свобода, христианское учение о разумной свободе обладающего свободой воли человека.

С тех пор как мировоззренческому единству христианского мира пришел конец, в пришедшем ему на смену хаосе человечество не раз приближалось к этим вечным ценностям, но, обрета

их, всякий раз вновь теряло. Французская революция провозгласила по пунктам права человека и идею равенства, чтобы затем разгул узаконенного террора утопил их в крови. Позднее политический и экономический строй, покоящийся на принципах свободы, начертав на своих знаменах либерализм. Что из этого вышло – о том свидетельствуют те два мировых пожара, жертвами которых стали мы все. Новый либеральный порядок второй половины XIX – начала XX в. не заботился о защите орд бедняков – он оставался рабом индивидуальных свобод и, служа разросшемуся до устрашающих размеров государственному монстру (чью неприглядную сущность от глаз обывателя удачно прикрывала национально-государственная риторика), уже не помнил о своих корнях и о христианском происхождении большинства идей. В большинстве стран окрепла уверенность, будто сторонники свободомыслия по природе своей враждебно настроены к религии (что вступает в противоречие с подлинной христианской религиозностью Роттека и Велькера – авторов государственного лексикона, ставшего подлинной «библией либерализма»). Однако разве можно на этом основании – так сказать, по причине несовершенства надстройки – отвергать вечные ценности, которые в данном конкретном случае не смогли проявиться в полную силу? Наверняка нет. Мы по-прежнему равные творения Господа, у всех у нас одинаковая свобода воли, из чего вытекает, что после всемирно-исторической катастрофы необходимо вновь приступить к строительству – теперь уже на века, положив в основание те самые великие принципы.

Что касается принципов, то в рядах тех, кому удалось устоять перед обаянием «эпохальной идеи», нет больших разногласий, но и на принципиальном согласии не скоро удастся не то что построить новый мировой порядок, но даже представить себе это. Все мы высоко ценим свободу, но тем самым мы еще не даем ответа на непростой вопрос: как жить в условиях свободы? Период упадка, наступивший в Венгрии после 1867 г., не дает блестящих примеров ни этатистской политики, ни социально ориентированного мышления. В наши дни часто поминают государственную и национальную независимость (которые тоже относятся к

сфере идей и принципов), национальные формы воплощения принципов свободы и в качестве символа – имя Лайоша Кошута. То есть великие венгерские идеи, славные эпохи нашей истории и в их контексте – одного из самых выдающихся, по праву снискавшего всемирную славу представителей принципа свободы. Все это пока ответ на базовый и всем другим предшествующий вопрос «*quid*» («что»), но не на вопрос «*quomodo*» («каким образом»), как в большом и малом должны мы обустроить нашу жизнь так, чтобы принцип свободы и вытекающие из него права и обязанности обрели реальное воплощение?

А ведь мы не первые у нас на родине, кто искал институты, с помощью которых человеческие ценности согрели бы своим щедрым светом всех без исключения, подарили бы столь нужный человечеству воздух. Прошло ровно сто лет с тех пор, как в 40-е годы XIX в. группа политиков ломала (подобно нам) головы – правда, они были лучше подготовлены, более оптимистичны, действовали не в столь сложных условиях. Меттерниховская цензура к тому времени уже не представляла серьезного препятствия внутриполитическому развитию, ведь передовицы Кошута, в которых славилась идеалы свободы, уже появились на страницах газеты «*Pesti Hírlap*» («Пештская газета»). Эта небольшая группа, которую современные оппоненты называли централистами, а последующие поколения, не без высокомерия, доктринерами, попыталась очертить тот круг институтов, который был необходим венграм, чтобы, в конце концов, освободиться от связывавших их средневековых политических, социальных и экономических пут – с наименьшим риском, раз и навсегда.

Члены группы считали демократические институты гарантией свободы и равенства и были уверены, что с помощью демократии каждому венгерскому гражданину будет гарантирован образ жизни, сообразный с человеческим достоинством. Это были восторженные юнцы, но умели держать свой восторг в узде: познакомившись на собственном опыте, в путешествиях и по книгам с проблемами родной страны и внешнего мира, они словно хорошие портные скроили платье, которое, по их мнению, единственно только и подходило стране. Они были

одновременно книгоочаями, деятельными филантропами, опытными политиками сословных собраний, подлинными венгерскими аристократами, удивительными «продуктами горения». Они делали все для того, чтобы перемены не оказались кратковременными последствиями аффекта или гордыни, интриг в парламенте, передовицы в газете: политическое и административное устройство было призвано институционно гарантировать свободу и – из самосохранения – ее пределы. Поскольку тогдашние отношения им казались нетерпимыми с точки зрения человеческого достоинства, в значительной мере они намеревались распространить снизу вверх на все общество принцип «*tabula rasa*» и демократические нормы. Реформаторов в ту эпоху было достаточно, но никто не готовился к проведению таких коренных преобразований, как они: Йожеф Этвёш, Антал Ченгери, Ласло Салаи, Агошт Трефорт, Мориц Лукач, примкнувший к ним впоследствии несколько более консервативный Жигмонд Кемень.

Возможно, не будет лишним подробно рассказать о нескольких проектах этих благородных венгров, тем более что и по сей день есть основания для их тревоги: как силами здравомыслящих венгров – без любителей позаседать и политиканов от журналистики – сделать реформы явью.

2.

Более ста лет назад парламентский строй с народным представительством и ответственным правительством был первым и главным требованием венгерских государственных мужей: прежде всего на этом настаивали так называемые централисты, которые, между прочим, никогда не забывали напомнить, что одного парламентского строя в новой Венгрии было бы недостаточно. Вызывает улыбку всеобщее заблуждение, по которому централистами называли именно их, предостерегавших, что парламентский центр, не подкрепленный конституцией и существенными изменениями в административно-правовой системе, ведет напрямую к абсолютизму, к произволу центра.

Они действительно намеревались поставить в центр политической системы парламент и формируемое им правительство, наделив их большой долей власти, но лишь при условии, что в целях ограничения центральной власти будет реорганизована вся структура самоуправления в стране. Именно поэтому они подняли вопрос о «свободных общинах», который я считаю одним из самых интересных творений венгерской политической мысли середины прошлого века, хотя виднейшим политикам эпохи так и не удалось развить эти идеи в полную силу.

Наиболее детально модель свободных общин как станового хребта новой Венгрии разработал Антал Ченгери – в 1845 г. премник Ласло Салаи на посту редактора газеты «*Pesti Hírlap*», в 60-е годы XIX в. «правая рука» Ференца Деака в вопросах кодификации права – выдающийся знаток финансов и промышленности, утонченный писатель, второй президент Академии наук и председатель «Общества Кишфалуди». Если внимательно изучить серию его статей в «*Pesti Hírlap*» за 1845 г., нельзя не признать, что этот высокообразованный дворянин-«западник» как никто другой ясно представлял себе ту народную Венгрию, которую не желал видеть иной, нежели объединением тысяч крестьянских общин и нескольких сотен независимых городских самоуправлений. Вне всяких сомнений, западные образцы, прежде всего, самоуправляющиеся общины Северной Америки, сведения о которых, как и многие современники, он черпал из великого труда А. Токвиля, оказали на него свое влияние; но очевидно и то, что он обратился к этому иностранному образцу потому, что был убежден: сословный строй, который он и его единомышленники называли «феодализмом», можно побороть только с помощью свободного самоуправления и создания свободной венгерской нации.

Ченгери исходил из принципа свободы собраний и, опираясь на него, требовал «народный принцип устройства общин». Он считал, что в Средние века общины находились под охраной крепости или военачальника, он их защищал, они ему служили; постепенно они попали в зависимость от землевладельца, что, по мнению Ченгери, уже потому было несправедливым, что

предел произволу землевладельца мог положить только комитат, который в свою очередь состоял из одних помещиков, и, следовательно, контроль за взаимоотношениями землевладельца с крестьянской общиной осуществлял все тот же слой землевладельцев. Теперь же, полагал Ченгери, пришло время освободить общины, поскольку невозможно стало и дальше поддерживать в нашей стране «крепостное право».

«После семьи община является первейшим звеном, что связывает человека с государством», она учит нас тому, что, помимо личного интереса, необходимо действовать во благо других. Община и семья, как известно, относятся к более широким социальным группам, поэтому Ченгери повторяет вслед за Токвилем его знаменитое высказывание о североамериканском самоуправлении: свободная община – это начальная школа патриотизма и свободы.

Его план состоял из двух частей: первая была посвящена созданию свободных общин, вторая – принципам управления основанных на свободных общинах комитатов и страны в целом. Во внутреннем управлении большой, состоящей из нескольких сотен граждан свободной общины должны были равноправно участвовать все ее члены. Для этого требовались два органа управления: один – коллективный, в его задачи входило бы советовать от имени народа, это общинный совещательный орган; другой – индивидуальный, его роль – действовать от имени народа, ведать администрированием общины, его функции выполняет совет, а в более крупных объединениях – собрание представителей. И тот и другой орган выбирается народом. Выборы только тогда обретают законную силу, если избирательный закон, ясно и недвусмысленно выражающий волю большинства населения, составлен так, что ни один частный голос не остается не услышанным, дабы выборные представители не попали под влияние зажиточных слоев общины. Этот принцип всеобщего избирательного права по тем временам затрагивал привилегированное положение дворянства. Однако Ченгери был убежден, что всеобщее избирательное право, упразднявшее исключительный статус дворянства, было в их собственных интересах: ведь пре-

жде мелкое дворянство на комитатских собраниях находилось в услужении у имущей части сословия, они голосовали так, как им велели, и по таким вопросам, в которых не разбирались; теперь же, сосредоточившись на общинной жизни, советуясь с крестьянами и голосуя вместе с ними, они начнут заниматься вопросами, в которых разбираются, и, таким образом, вместо утерянных привилегий в них пробудится гражданское самосознание и они станут полезными членами большого национального сообщества. Если собрание представителей формируется на прямых всеобщих выборах всеми членами общины, то совет избирается опосредованно, ибо члены совета и общинной администрации должны обладать профессиональными навыками, а об этом проще судить совету представителей, нежели народу в целом. Хотя одной из отличительных черт американской демократии были прямые выборы администрации, Ченгери с этим никак не мог согласиться, потому что видел таящуюся в демократических институтах известную шаткость, особенно опасную в вопросах управления. По той же причине он требовал, чтобы голосование было тайным, обсуждение же в совете представителей максимально публичным и подконтрольным общественному мнению. Действующая на таких принципах свободная община будет сама себе хозяйкой, начнет распоряжаться собственностью и доходами, в административных вопросах получит право вершить суд, исполнять полицейские функции и без постороннего вмешательства разрешать конфликты: комитат и государство будут лишь контролировать ее деятельность.

На это широкое, можно сказать полное, самоуправление крестьянства и больших и малых городов Ченгери надстраивает новую комитатскую систему. Комитат стоит посередине между общиной и государством, с его помощью государство осуществляет надзор за общинами и городами. Именно комитат передает общинам государственные декреты, организует среднее звено полиции, он является вышестоящей инстанцией в вопросах гражданского судопроизводства, имеет право время от времени запрашивать у общин те или иные отчеты. Поскольку комитат в известном смысле ведает делами общин, демократия, соглас-

но Ченгери, требует, чтобы ее конфигурацию определяли те, чьими делами она ведает. «В конституционной стране принцип самоуправления должен пронизать все институты», – утверждал он, иначе соотечественники никогда не преодолеют раскола, продолжая образовывать две категории, живущие одна подле другой, а точнее, одна под другой: управляющие и управляемые, опекуны и опекаемые. Членов комитатских собраний должны путем выборов делегировать именно общины. И потому комитат – «не что иное, как сумма общин», – говорит Ченгери, где «общинная организация – базис, а ее производные – комитатские и окружные структуры». Не говоря уже о том, как созвучна идея Ченгери дню сегодняшнему, сто лет назад, в эпоху дворянского комитата она означала не меньше, чем революционное преобразование не только традиционных политических структур управления, но и вековой социальной иерархии.

Ченгери и его единомышленники-централисты, требовавшие введения комитатской системы, основанной на свободных общинах, не нашли понимания не только у консерваторов и враждебных всему новому меттерниховских венских кругов, но и у широких кругов венгерской оппозиции. По мнению реформаторов, «то, что живо волнует общину, должно составлять предмет обсуждения на комитатских собраниях». Иными словами, новое комитатское собрание, которое избирают крестьянские общины, не будет больше заниматься государственной политикой и перестанет постоянно связывать руки правительству в жизненно важных вопросах: необходимость в этом отпадет, если парламент, избранный на основе народного представительства, будет на самом деле выражать интересы народа и начнет контролировать ответственное перед ним правительство. Комитат же сможет сосредоточиться на исполнении своих естественных обязанностей, к каковым относится не что иное, как забота об интересах населения и его административная защита: строительство дорог, что свяжут общины с прокладываемыми национальным правительством магистралями, комитатская социальная политика (полиция и здравоохранение), надзор за жизнью и деятельностью свободных общин. Все это означает, что

конституционно-охранительная функция комитата, в которую централисты не только не верили, но и считали вредной иллюзией, навсегда уходит в прошлое, государственная политика навсегда покидает залы комитатских собраний и сосредоточивается в парламенте, в то время как комитаты, как естественные центры области или края, заботятся исключительно о проживающем на их территории населении. Иначе и быть не может, если комитаты становятся «суммой» общин.

Ченгери «сотоварищи» отдавали себе отчет в том, что это раз и навсегда уничтожит политическую власть дворянства, или как тогда говорили «аристократии», их патриархальное влияние, их засилье в вопросах управления. Они сами принадлежали этому сословию и не были какими-нибудь санюлотами. Их вдохновляли революционные преобразования во Франции 1789 г., права человека и гражданина, но последовавшие затем кровавые события, конвент и его тираническое правление они принять не могли. Говоря о политическом устранении дворянства, его отречении от власти, реформаторы не имели в виду необходимость передачи власти крестьянам и горожанам свободных общин, ибо те используют ее в своих личных корыстных интересах. Целью и следствием введения системы сословных общин, по их представлениям, должно было стать «соединение воедино тех элементов», что сейчас противопоставлены друг другу или недостижимо далеки. Жители, все как один, работают ради процветания родной общины; депутаты, избранные населением комитата, совместно трудятся на его благо; и если народ (начав с себя) трезво и здраво управляет родной деревней или целой областью, то нет сомнений, что избранные им депутаты парламента будут не менее трезво и здраво контролировать деятельность правительства. Ченгери детально разработал эту общинную модель, к которой – выдвигая в качестве основного требования – не раз обращались в своих работах и другие централисты. Ласло Салаи хотел построить парламентскую централизацию «на фундаменте жизнеспособного общинного строя», и нет сомнения, что оба политика видели в этом строе действенное средство демократизации страны и достижения национального единства.

Историки не без оснований не любят вопросов, что было бы, если бы все произошло не так, как на самом деле, а иначе. Мы тоже не сможем ответить, по какому пути пошло бы наше общественное развитие, наша культура, стань общинная система реальностью уже тогда. Каждый отвечает в зависимости от своих предпочтений: одни полагают, что венгерский крестьянин – если бы его уже тогда втянули в жизнь страны, организованную на принципах самоуправления – давно достиг бы экономического и культурного уровня хрестоматийных датчан; другим подобные перспективы не нравятся или кажутся опасными – упразднение «исторических классов» могло бы привести к анархии и гибели страны. Придерживаясь мировоззренческих и исторических принципов, в соответствии с которыми я анализирую это старье столетней давности – ибо как еще, если не старьем, назвать то, о чем забыли на целый век – могу сказать лишь одно: тот не имеет понятия о демократии, кто, ведя о ней речь, забывает о том, что сто лет назад выдающиеся венгерские умы понимали под системой свободных общин.

3.

Жившие за сто лет до нас централисты пытались уравновесить власть парламента, находившегося в стадии упадка, который усугубляли лишь злоупотребления во время выборов, максимально широким и действенным применением индивидуальных прав и свобод. Особые надежды они питали в отношении «свободы собраний». Один только Л. Салаи в 1847 г. написал об этом четыре статьи, выводя право объединяться в группы из человеческой природы и древних инстинктов, и видел в этом одновременно зарю человечества и его будущее. Оставаясь сторонником прогресса, он в то же время верил, что объединившись – в самом широком смысле этого слова – народы и человечество в целом обретут безграничную силу и блаженство. Он считал это столь важной составляющей жизни человека, что выражение «свобода объединений» казалось ему слишком слабым, он мечтал заменить его на «право объединений», по-

добно тому как предлагал формулу «печатное право» взамен «свободы печати», напоминая о том, что свобода выражать на письме и распространять свои взгляды относится к коренным, базовым правам человека.

Однако более других в окружении Салаи занимался правом объединений Мориц Лукач. Этот чудаковатый (отнюдь не бедный) помещик сошел, казалось, со страниц романа: в эпоху министерства Александра Баха подолгу жил за границей, затем на старости лет женился и с молодой женой проколесил по Европе еще восемь лет, а похоронив ее, вернулся на родину. Этого тихого, застенчивого, ранимого человека силком усадили в кресло председателя «Общества Кишфалуди». Жизнь его похожа на психологический или социальный, но никак не на исторический роман. Биографию Лукача, наполнив повествование тончайшими наблюдениями, написал не кто иной, как Пал Дюлаи. Впрочем, до 1848 г. Мориц Лукач со всей нерастраченной силой числился в рядах самых горячих бойцов небольшого отряда централистов. Не стану, однако, исключать возможности, что сформулировать идею о праве объединений и изучать социализм его побудили отзывчивое сердце и сочувствие бедным. То, что он выразил на бумаге, несомненно, думали и чувствовали все централисты. Это следует уже из того, что самое значительное его произведение на эту тему вышло в свет в 1847 г. под редакцией Йожефа Байзы в официальной брошюре оппозиции.

Преимущества объединений не нуждались в те годы в особой рекламе: этот труд – идейно и практически – взял на себя Иштван Сечени, основавший Национальное казино и Академию наук. Если 30-е годы XIX в. прошли под знаком Сечени, то на 40-е наложил свой неповторимый отпечаток Лайош Кошут, боровшийся за создание и сохранение Общества защиты. Сечени пытался привлечь в Казино аристократию и образованные слои буржуазии, Кошут покусился на объединение всего гражданского общества. Мориц Лукач пошел еще дальше, распространил принципы права объединений на фабричный пролетариат. Он был готов подписаться под словами Салаи, что «идея объединений в будущем призвана решить великие задачи», притом

что уже в те дни многое прямо или косвенно не обошлось без нее: преодоление классовых предрассудков, оживление научной работы, пробуждение художественного вкуса, улучшенное воспитание, грамотное ведение народного хозяйства, начала промышленного производства, активизация торговли. Но все это меркнет перед той миссией, что ждет идею объединений в будущем, когда она сможет предотвратить разрушительный бунт униженных и оскорбленных.

Лукач имел свое, четкое представление о современном рабочем движении. В одной из своих работ с завидной даже по меркам дня сегодняшнего ясностью он описал модные в то время теории социалистически-коммунистического социального устройства. Ему были прекрасно известны учения Сен-Симона, Фурье, Оуэна, вся тогдашняя литература по общественным наукам. Современность и грядущее рисовались ему в довольно мрачных красках. По мнению мыслителя, современному буржуазному порядку грозила опасность не виданного прежде размаха – болезнь, подтачивающая сами основы общества – непропорциональное распределение собственности и жизненных благ. Действительно, различия существовали всегда, но никогда прежде не ощущались они столь остро и не таили такой опасности, как теперь. В Средние века все строилось на крепостничестве: в основе отношений между феодалом и зависимым крестьянином лежало насилие, нередко они принимали грубые, тиранические формы, порой сопровождалась жестокими унижениями человеческого достоинства, но народу было, чем прокормиться, не приходилось каждый день, замирая от ужаса, видеть оскал голодной смерти. Потом все изменилось. Несомненно, мало осталось стран, где крепостное ярмо давит народную шею, и нет такой власти на земле, что могла бы помешать его отмене. Но старая напасть приняла иные формы. «В самых цивилизованных странах на нашем континенте, – здесь Лукач прежде всего имел в виду Англию и Францию, – народ больше не стонет под железной дубинкой тирана, но по-прежнему вынужден работать от зари до зари, не на себя, на другого, ибо плодами его кровавого пота прирастают богатства толстосумов, ему же самому остается

ровно столько, чтобы продлить безрадостные дни своей жалкой жизни». Пожелай он посетовать на горькую судьбину и, окончив труд, потребовать себе причитающуюся долю, то лишится и той работы, которая позволяет, едва сводя концы с концами, прокормить семью. «На смену произволу феодалов и помещиков пришло беспредельное господство денежных мешков, народ не стал меньше страдать, изменилась лишь форма рабства: теперь не человек владеет человеком, но один класс стал хозяином, деспотом другого класса, что еще больнее, еще острее ранит чувство человеческого достоинства, которое – от лишений и страданий – пробуждается уже и в простом народе».

Беда разрастается в «ужасающей прогрессии» – этот венгерский дворянин прекрасно понимал, что означает концентрация капитала: власть становится уделом все более узкого круга лиц, крупный капитал поглощает более мелкий, по мере усиления «денежной аристократии» мелких капиталистических «рыбёшек» засасывает в водоворот обнищания, армия же пролетариев, думающих лишь как бы дожить до завтра, прирастает с каждым днем. Этот процесс являлся также перед мысленным взором Сечени, предвестившим грядущую катастрофу. «Кто не впал бы в уныние, увидев в дне сегодняшнем и грядущем столько нищеты и страдания, столько вопиющих противоречий, и кто бы не ужаснулся, представив себе, как со временем (пусть в отдаленном будущем) эти возмутительные отношения приведут к невиданным катастрофам, грозящим разрушением и гибелью самим основам гражданского общества, таким как святость частной собственности, алтарь семьи, благороднейшие плоды цивилизации, науки, искусства». Родина наша, правда, еще не достигла этой опасной стадии социального напряжения, но «не будем обманывать себя, пребывая в приятной безопасности, через эту стадию раньше или позже придется пройти и нам, ведь это судьба всего человечества», и потому следует заранее подумать о том, как избежать катастрофы.

Само собой разумеется, что Мориц Лукач не принял «мечтательных теорий социалистов и коммунистов». Он полагал, что их невозможно претворить в жизнь, и, возможно, это к

лучшему: настань их черед – «они погрузят род человеческий в монотонную, прозаическую, напряженную казарменную жизнь», и сам он не желал вести такой образ жизни. Но в их теориях ясно звучит принцип объединения, и если внедрить его в жизненный уклад рабочих, тем самым постигшее нас зло удастся если не искоренить, то значительно ослабить. И речь здесь идет не о благотворительных обществах, способных только подать милостыню и помочь сиюминутно, но о таких «ассоциациях, с помощью которых рабочий класс, опираясь на собственные силы, получит доступ к плодам своего труда и усердия». Этим рабочим объединениям предстояло добиться того, чтобы их члены получили долю в доходах предприятия, в прибыли.

«Ибо прибыль от промышленной продукции складывается из взаимодействия трех факторов: капитала, изобретательного и смекалистого ума и труда. Справедливости ради прибыль должна распределяться пропорционально между всеми тремя. На деле же львиную долю прикарманивает капитал, кое-что достается уму, а труд остается ни с чем. У кого повернется язык назвать заработную плату участием в доле прибыли, когда это не что иное, как поддержание в рабочем состоянии живых заводских станков и с тем же успехом к этому можно приравнять корм, что насыпает крестьянин ходящему под ярмом скоту». Сегодня у рабочего нет никакой возможности изменить условия этого несправедливого дележа, поскольку ничто не препятствует владельцам заводов и финансистам договориться о том, чтобы держать заработную плату на максимально низком уровне и увольнять тех пролетариев-одиночек, что вздумают протестовать, пожелай же они выступить сообща, закон покарает их за подстрекательство к мятежу. Единственным действенным выходом остается объединение, а именно – союз малого предпринимательства, которому грозит поглощение крупным капиталом, и рабочих, не ради совместного партийного строительства, но для создания общими усилиями крупных предприятий. Такое объединение, в котором сольются воедино мириады ничтожно малых единиц, сможет противостоять крупному капиталу,

ограничить его власть, положить конец рабской зависимости пролетариата, обеспечить справедливое распределение благ и таким образом смягчить нищету и сгладить самые вопиющие противоречия».

Создание таких акционерных обществ силами рабочих и мещан зависит от организации работы и ее ценности, но принцип объединения может прийти на помощь рабочему классу и в иных формах. Как сказали бы сегодня, в форме рабочей потребительской кооперации. Речь идет об обеспечении предметами первой необходимости по более низким ценам, чего можно добиться крупнооптовыми закупками. Тут Лукач, испытывая несомненное влияние Оуэна и Фурье, говорит о совместном ведении хозяйства, которое должно обходиться в два раза дешевле, чему пример дает «раздача продуктов по беспрецедентно низким ценам» прошлой зимой в Пеште. Кто, впрочем, возьмется перечислить все формы, в которых принцип объединения, восторжествовав, улучшает условия жизни людей, облегчает страдания? Вера, что «право на объединение таит в себе росток нового, лучшего общественного устройства, непосредственно защищающего интересы бесправных от произвола сильных мира сего, а тех – косвенно – от беспощадного гнева голодной толпы.

Действительно, говорит Лукач, идея объединения должна спасти общественный строй, но спасти по-консервативному, даже если это вызовет улыбку у оппонентов. Поскольку настоящими консерваторами вправе называть себя только представители прогресса и реформ, те, кто стремится к сохранению фундамента гражданского общества, вырывая с корнем разросшийся на нем и по кругу бурьян; лжеконсерваторы, напротив, «консервируют» лишь сорняки злоупотреблений, не замечая, что корни их не сегодня-завтра разнесут на куски стены здания. Так не дадим же им загасить искру объединительного движения или погубить его нелепыми мероприятиями. Последнее предупреждение: мы, кого заботят и волнуют судьбы отечества и рода человеческого, их настоящее и будущее, консервируем это священное право в его первоизданной целостности и чистоте для современников и потомков.

Нельзя сказать, что в баховскую эру или в эпоху дуализма наследие централистов было поднято на щит. Государство, именовавшееся либеральным, потребовало для себя в этой сфере слишком много власти, как если бы это предполагали одноименное политическое учение и демократия. Лукач и Салаи утверждали, что государство имеет право вмешиваться в процесс создания объединений, но его черед наступает, только если деятельность союза поставлена под угрозу, да и то не полицейскими или административными методами, но путем принятия парламентского закона. Между тем именно тот процесс, которому Лукач и Салаи от всей души желали успеха – самоорганизация промышленного пролетариата, – сталкивался с наибольшими трудностями и нередко рассматривался как вопрос не первой важности; это вело к одному, но крайне серьезному последствию: у трудящихся масс, такой дорогой ценой добывающих себе право на объединения, развилось неприятие государства и правящих кругов. Само по себе уже небезопасно, когда тот или иной класс добывает себе правовой статус ценой тяжелой борьбы, и память о тех «славных временах» продолжает отравлять душу и после того как удастся обеспечить свое положение.

Впрочем, пренебрежение к трудам Салаи и его единомышленников в области права создания союзов имело не менее губительные последствия и для других категорий населения. Ни для кого не секрет, что вплоть до 1918 г. мы так и не увидели фонтанирующей деятельности всяческих союзов, которые могли бы оказать положительное влияние на общество; и это, несомненно, стало одной из причин, почему ни у правящего класса, ни у крестьянского люда не было жизнеспособных объединений: общество было в прямом смысле слова атомизировано, и поверх этих толп без формы и структуры был наброшен защитный кожух государственной власти. И когда этот кожух снесло вихрем Первой мировой войны, большинство населения так и осталось стоять с непокрытой головой под пронизывающим зимним ветром. Кто-то возразит, возможно, что подавляющее большинство жителей страны было к тому времени объединено в политические партии, и мало нашлось бы таких, кто не числился в той

или другой из них. Это так, но не имеет отношения к предмету разговора: право создания союзов коренным образом отличается от партийного строительства, в центре которого государство и создание его властных инструментов, а не свободное развитие человеческих способностей путем объединения в союзы. Союзы крестьян, преследующие экономические цели, если создаются снизу, развивают в них не только умение хозяйствовать, но и воспитывают в них независимость и критическое отношение к окружающему миру, повышают культуру и культурные запросы. Все это по понятным причинам остается невостребованным в организованных и управляемых сверху, более или менее этатистских гигантоманских объединениях. Демократия – это кропотливый труд, каждодневный кропотливый труд маленьких людей, которые никогда не смогут добиться таких показных результатов, которыми гордятся финансируемые или поддерживаемые государством «союзы». Но добровольные и свободные объединения маленьких людей не перестанут существовать даже тогда, когда надстройке будет грозить кризис.

Беда только в том, что мы где-то сбились с пути, мы отказались и от нациообразующей силы права на создание союзов, и связанных с этим возможностей, и от потенциала, скрытого в свободных общинах. До 1848 г. патриоты несли на своих плечах бремя многовековой сословной системы, на наши же плечи давит гнет упущенных возможностей.

4.

Структура свободных общин и полноценное право на объединения, способное организовать общество, как и широкое обсуждение всех общественно значимых вопросов и гарантии основных свобод, непреходящее значение которых мы ощущаем по сей день (свободная пресса, суд присяжных, уголовный кодекс, защищающий граждан и способствующий исправлению преступников) – все это, в представлениях Салаи, Этвёша и др., составляло лишь часть новой венгерской политической жизни. Второй неотъемлемой частью было основанное на народном

представительстве государственное собрание – защита и опора всех прав и свобод, и ответственное перед ним, сформированное им правительство.

Под народным представительством уже тогда понимались разные формы избирательного права: политики 40-х годов XIX в. точно так же не могли прийти к единому мнению, как в последующее столетие обществом не было выработано общей, устраивающей всех платформы. У централистов был, несомненно, самый широкий спектр проектов об избирательном праве. Именно они без предрассудков и классового самолюбования проанализировали всеобщее избирательное право, ибо в нем содержалось близкое им понятие естественного равенства людей. Когда же после долгих размышлений эти политики все-таки отказали необразованной части населения в избирательном праве, они все равно оставались сторонниками куда более радикальных решений, чем любая другая политическая группировка, не исключая самого Лайоша Кошута. Позволю себе по ходу замечание, что в 40-е годы Кошут придерживался еще более консервативных убеждений, чем позднее, в 1848–1849 гг., или тем более в эмиграции. Не секрет, с какой страстью он защищал старые, сословные формы комитата, в особенности, что комитат является не только исполнительным, но и законодательным органом. Именно эти взгляды мешали ему вплоть до весны 1848 г. согласиться с созданием ответственного перед парламентом правительства. Куда менее известно, что в вопросах избирательного права Кошут придавал большое значение недвижимой собственности, в какой-то видел «стабилизирующий элемент», «непременное условие поддержания равновесия государственной конструкции»; например, в городах он предлагал наделить правом голоса – помимо владельцев домов, участков и прочей недвижимости – только интеллигенцию (духовенство, юристов, учителей, чиновников, деятелей литературы и искусства), «представителей промышленности и торговли», независимых предпринимателей, кустарей и ремесленников, имевших свою мастерскую, лавку или склад. Отобранных таким образом горожан он предполагал соединить со средним дворянством и,

опираясь на них, как на «средний класс», хотел построить новую, свободную Венгрию. Какими бы странными ни показались эти воззрения, как ни противоречили бы они его собственным более поздним взглядам, Кошут – этот пламенный революционер – оставался, прежде всего, политиком-романтиком, направившим свой взор в прошлое и не желавшим с ним расставаться; Франсуа Гизо с его июльской монархией (где избирательное право существенно ограничивалось) был ему куда ближе, чем будущий соратник Джузеппе Мадзини.

Централисты, в отличие от Кошута, занимали в вопросе об избирательном праве гибкую позицию. Они считали, что демократия в прямом смысле слова означает власть народа, и если уж речь идет об ограничениях на участие в общественной жизни, то говорить можно только об изоляции тех, кто представляет опасность для жизни демократии. Здесь имелись в виду неспособные к выработке политических суждений, необразованные массы, да и то только до тех пор, пока не обретут необходимой в политических вопросах самостоятельности. О том, насколько они были правы в этом вопросе, красноречиво свидетельствует печальный провал кандидатуры Шандора Петёфи на выборах в государственное собрание. Понятно, что отдаленное будущее они представляли себе каждый по-своему: некоторые вообще отказывались верить в возможность донесения культуры до самых широких масс, поэтому не считали всеобщее избирательное право возможным в принципе. Но даже в этом случае ими руководили не классовые интересы и не желание надолго законсервировать рамки избирательного права. Если бы при заключении Соглашения 1867 г. пожелали принять на вооружение их принципы, взяться за народное просвещение и распространение культуры, стали бы постоянно и неуклонно расширять эти рамки, то в последующие годы (и особенно в канун 1918 г.) нацию не бросало бы в жар от одной только мысли о введении всеобщего избирательного права. Говоря о позиции централистов, нет необходимости особо упоминать, что дебаты в парламенте им представлялись открытыми, а выборы депутатов, напротив, тайными. На деле же все было как раз наоборот:

открытое голосование и тайные, или открытые лишь узкому кругу лиц, дебаты. Кстати, сам Кошут настаивал на децентрализованных, проводимых в округах «при тихой, тайной подаче голоса» выборах.

Будучи реалистами, Салаи и его единомышленники отдавали себе отчет в том, что мало принять разумный и справедливый закон о выборах, да и проведенные в соответствии с ним выборы не во всех случаях вели к народному волеизъявлению: злоупотребления на выборах приобрели в те времена беспрецедентные масштабы, последние сословные государственные собрания были окроплены человеческой кровью, проливавшейся на улицах комитатских центров и в залах комитатских собраний, невежественные дворянские толпы в пьяном раже не пощадили бы ни Ференца Кёлчеи, ни Ференца Деака. Кошут не раз жаловался на подобные безобразия, констатируя, что даже самые гордые комитаты во избежание предвыборных беспорядков, разбоя и насилия вынуждены в эти дни просить правительство о введении столь ненавистных им войск. По натуре оптимист, он полагал достаточным, если депутатские мандаты будет утверждать сам парламент, но минувшее с тех пор время, к сожалению, показало: такая формальная процедура не способна предотвратить нарушения.

С особым пристрастием рассматривал вопросы злоупотреблений, коснувшихся его лично, барон Жигмонд Кемень, одним из последних примкнувший к дружескому кругу Этвёша и Салаи и до конца так и не разделивший их взглядов. Уроженец Трансильвании, в начале своей политической карьеры он входил в окружение Миклоша Вешшелени, откуда – познакомившись с Иштваном Сечени – перешел в стан более прагматически мыслящих централистов. Именно во время перехода из одного лагеря в другой – примерно сто лет назад – и была им написана пространная книга, о которой сегодня мало кто помнит, «Предвыборные противоядия» – проба пера начинающего писателя и политика. Стиль ее вымученный и неясный, текст перегружен выдающимися в авторе педанта литературными аллюзиями и примерами из зарубежной политической жизни; в собственных

же воззрениях Кемень, как и Кошут, – романтик, верящий в потенциал комитатов, где тон задает дворянство. Впрочем, это не мешает ему, видевшему причину злоупотреблений на выборах в необразованности бедной дворянской массы, предложить отказать им в праве участвовать в выборах. Для нас тут важны два момента: во-первых, проблемы на выборах в Венгрии он анализирует как частный случай общей, характерной для всего Европейского континента болезни; во-вторых, возмущение, которое при виде нарушений, ведущих к срыву едва ли не самой красивой буржуазной правовой практики – политических выборов, переполняло души всех централистов, но только Кемень выразил его с гневом и страстью, звучащими, словно знаменитое вергилиевское «quos ego» («вот я вас!»). Своей серьезностью и непреклонностью он напомнил Ференца Деака, сознательно отказавшегося от мандата, узнав, что из-за него была пролита человеческая кровь. Оттого что Деак сложил мандат, пострадала нация, ибо было бы гораздо более демократично и послужило бы гарантией чистоты рядов народного представительства, если бы вместо добровольного отказа от должности оскорбленных в своем благородстве политиков пассивного избирательного права лишили тех, кто предвыборными махинациями бросал тень на акт волеизъявления народа. Чем выше мы ценим установленное Господом природное равенство людей, тем жестче должны карать за препятствия к волеизъявлению отдельных людей, за бесовственную торговлю голосами и вмешательство в избирательный процесс, и мы можем себе представить такое законодательство, которое навсегда изолирует тех, кто подобными средствами добыл себе «доверие народа».

Примерно в таком или подобном ключе и рассуждает Жигмонд Кемень с глубоким презрением, прямо-таки с отвращением о тогдашних нарушениях в ходе выборов и об их типологизации. В их числе особо важную роль он придает вмешательству исполнительной власти, т.е. правительства, что выражалось, наряду с уговорами и убеждением, в таких «средствах соблазнения», как посулы и подношения, причем в таких масштабах, что «мало было в ту эпоху людей, способных в силу характера и нравствен-

ных убеждений отвергнуть иудины серебряники». А ведь тогда правительство не располагало этатистскими инструментами, не было у него и половины тех государственно-капиталистических возможностей, с помощью которых, не нарушая законов и соблюдая правила, оно обогащало бы лояльных избранников. Если принять во внимание ограниченность методов, которыми располагало правительство, станет понятным, почему Кемень видел подлинную угрозу в деятельности кандидатов в депутаты и их вербовщиков и нещадно ее бичевал.

Однако эти прискорбные явления в национальной политике не были присущи одной только Венгрии. «Я вообще полагаю, что коррупция со всей неизбежностью появляется на теле даже конституционных стран», – утверждал он, оставаясь последовательным сторонником учения о народном суверенитете и вообще конституционных форм правительства. Европейские страны, по его мнению, тоже делают не все возможное, чтобы богатые и власть имущие – защищая свои интересы – не нанимали пролетариев и тем самым не подтасовывали бы результаты выборов: и Англия и Франция могут считаться родиной помогающих обходить закон предвыборных технологий. Особенно широко они применялись в среде сельского населения, и именно этим обстоятельством объясняет автор довольно расхожее у нас явление покупки голосов.

Здоровое «социологическое» чутье здесь подсказывало Кеменью, что следует ясно видеть отличие английских злоупотреблений от венгерских.

В Англии значительная часть избирателей проживала в городах, и хотя материальное положение у этого слоя было лучше, а культурный уровень повыше, их голоса можно было купить самыми презренными, самыми материальными способами – деньгами, едой и выпивкой. Доход и духовные запросы английских фермеров и сельскохозяйственных рабочих были несравненно ниже, потому-то они и превратились «в кузницу коррупции». Но даже у них был определенный уровень благосостояния, их семьям хватало на пропитание, потому английский лорд в охоте за голосами избирателей, мог рассчитывать на успех

только применяя более изощренные средства. По секрету понижает он арендную плату, привозит из города отрезки тканей и раздает под видом благотворительной акции, отвозит людей на избирательные участки, дает денег на дорогу, жертвует средства на общественные нужды, основывает благотворительные фонды. Поскольку всем избирателям хватало на хлеб, пьяные дебоши и погромы перестали сопровождать выборы: в этом не было смысла, к ним никто бы не примкнул.

Другое дело в нашем отечестве с его проживающими в деревне избирателями – толпами беднейших дворян, вынужденных, словно крестьяне, жить сельскохозяйственным трудом. Депутат, ударив в деревенский колокол, направляется к церкви или корчме, за ним – повозка, на ней – жаркое и хлеб, сверху водружена бочка; депутат вскарабкивается на бочку и с «венгерской непосредственностью» обращается к толпе: «Так выпьем, друзья!». И это только вступление к избирательной кампании, которая длится не один день, когда согнанные на выборы люди с затуманенными брагой головами наслаждаются, на дорогах и в городах, дикой вольницей с сопутствующими ей волнениями и правонарушениями всех родов; они вламываются в частные дома, грабят продовольственные склады, нападают со свинцовыми прутьями и дубинками на мирных прохожих, что не раз приводило к трагическому исходу. Вспомним потасовки в Тюкоде и Ченгере, предопределившие поражение Кёлчеи в Сатмарском комитате, или кровавый поход людей Форинтоша в комитате Зала, в знак протеста против программы Деака: взбудораженные дворяне, пройдя через Кехиду, с ружьями ворвались во двор дома, где проживал политик.

Согласно Кеменю, предвыборные злоупотребления с отягчающими обстоятельствами связаны с условиями жизни бедных сельскохозяйственных слоев, тем более что нам известно, что подобные случаи наблюдались также в аграрных странах, лежащих к востоку и к югу от Венгрии, как только там перешли к системе народного представительства. В эпоху дуализма этому явлению не уделили, подобно Жигмонду Кеменю, достаточного внимания, зато Мор Йокаи, Кальман Миксат и их преемники

сделали из него сюжет для своих ироничных комментариев. Само собой разумеется, что чем более всеобщим и тайным становится избирательное право, тем меньше у отдельных индивидов остается возможностей для торговли голосами; впрочем, по мере усиления государства в этой сфере возникают новые проблемы, которых живший сто лет назад Кемень и представить себе не мог. Но даже тогда он со всей ясностью видел, что улучшение материального положения сельскохозяйственного населения в демократических обществах является непременным условием предотвращения злоупотреблений на выборах. В этой области у подлинно народной политики остается еще много работы.

5.

Сто лет назад только самые прозорливые умы догадывались о том, с чем любой современный человек сталкивается каждый день, даже несколько раз на дню, а именно: в политике есть только одна большая проблема – отгораживание государства от индивида и состоящего из индивидов общества. То, что сегодня люди ясно видят эту проблему, не означает, что за прошедшие сто лет они стали лучше разбираться в политике; просто сегодня граждане чувствуют государство на собственном горбу, ощущают его кожей, одеждой, впитывают его с едой и питьем, они внезапно обнаруживают, что оно сковывает свободу их движений, подавляет их давно, а не только во время или по причине войны. Эта безграничная государственная власть была творением так называемой абсолютной монархии, но с тех пор потеряла связь с какой-либо конкретной формой правления, принадлежность к которой более не имела никакого значения, так что мы знаем не одно сильное государство, не укладывающееся в типологизации Аристотеля или Монтескье. Совершенно очевидно, что абсолютная власть государства и в наши дни обосновывается всяческими соображениями, апеллирующими к общему благу, т.е. пользе для всех и каждого; но сегодня, как и много десятилетий назад, найдется не один пример тому, как во имя этого общего блага государство нередко совершает немало «зла», взваливает на

плечи гражданина столько тяжестей, что общее благо маячит им издали, сквозь густой туман и увидеть его можно лишь «*sub specie aeternitatis*».

В школе нас учили, что противовесом этому чрезмерно усилившемуся государству служило государство либеральное, которое ни во что не вмешивалось и допускало, чтобы все шло своим чередом, т.е. «наперекосяк», и на смену свободе пришло услужение. Наши политики, жившие сто лет назад, тоже были либералами, но они выступали за сильное государство, а в нем – за сильное правительство и вместе с тем предусматривали охранительные институты, дабы не позволить сильному государству, забыв о поддержании порядка, справедливости и общего блага, незаконным и пагубным образом подавлять личность и общество. Перед их мысленным взором стоял образ возникшего на обломках парламентской системы абсолютизма в формах французской реставрации, июльской монархии и зари второй наполеоновской эпохи, и Этьёш полагал, что «полный государственный абсолютизм – это такая же утопия, как и безграничная свобода», ибо обе крайности делают невозможным упорядоченное государственное общежитие. Но и он понимал, что безграничная свобода в больших, развитых обществах представляет куда меньшую опасность: люди понятным образом ограничивают бесконтрольное поведение себе подобных. Куда опаснее другая крайность, избежать которую, советовал он и его единомышленники, должны помочь упомянутые выше демократические институты.

Последовавшие затем 60–70 лет показали, что сами по себе бездушные институты не в состоянии ограничить развитие государственного порядка, этатизма. Если мы хотим понять, где мы сбились с пути, необходимо найти ту точку, когда работа демократических институтов стала бездушной, рутинной и в какой момент они перестали выполнять законные запросы общества. Не волнуйтесь, мои читатели, я не впаду ни в метафизику, ни в современную политическую риторику, главная черта которой – изворотливость, или, как говорил еще Этьёш: «кто не соврет в вопросах морали и человеколюбия». По его мнению, институты в

своей деятельности должны руководствоваться человеколюбием, и всякий новый политический режим, что приходит на смену старому, побеждает только в том случае, если лучше решает эту задачу, облегчает жизнь людей, устраняет вопиющую несправедливость. Таким образом, «общее благо» – это не отвлеченное понятие, его нельзя вводить правительственным декретом; какое же это общее благо, если в нем нет любви к человеку и выгодно оно только абстрактному государству или ближнему кругу его сподручных? Этьёш, да не только он, но и его товарищи, были откровенными и страстными полемистами, поэтому их трудно представить участниками вчерашних или сегодняшних выборов или на протокольных дебатах «политиков». За демократическими институтами они видели бедных, падших, изгоев из общества благосостояния и культуры, и институты, по их мнению, именно потому необходимо было время от времени реорганизовывать, чтобы еще скорее и еще более широким массам обеспечить все необходимое для человеческого достоинства. С этой болью в сердце написал Этьёш к 1840 г. два исследования: «Нищета в Ирландии» и «Эмансипация евреев». В первом он утверждал, что «наше время стало человечнее, если общее благо и счастье отдельного человека отныне не мечта филантропа, в которой тот искал убежища от действительности, но благородная цель, над которой тот неустанно трудится; ведь у рода человеческого появились новые потребности, не находящие пока себе в существующих общественных рамках удовлетворения, и потому необходимо изменить сами рамки, ибо человек, какие бы препоны не воздвигали у него на пути, всегда найдет способ свои потребности удовлетворить». Наш опыт учит, что в политической жизни от филантропии требуется, можно сказать, устранение – в результате процесса гуманизации – все новых и новых препон, нередко именно тех, что когда-то возвели для обеспечения этого процесса. Но, если верить Этьёшу, можно смело полагаться на филантропию, ибо она стоит на порядок выше иных принципов организации общества, и нет такой силы или такой воли, будь это даже государственный указ, что могли бы противостоять человеколюбию. Ведь мы в состоянии изменить нашу экономику, и

если филантропические соображения требуют, чтобы настали семь тощих лет, то ведь за ними последуют и семь тучных; даже государственные учреждения мы не в праве считать неизменными, если им не хватает человеколюбия, но что делать, если мы вытравим филантропию из самих себя? И не будем забывать, что у Этвёша это чувство сродни евангельской любви к ближнему, из него он выводит и право на свободу, или, как он написал в 1845 г.: «под благотворным воздействием христианства теперь никто не смеет требовать свободы для одного только класса или народа»; и если уже не одно десятилетие мы не вспоминаем о любви и допускаем, что целесообразность, благо государства, сбалансированность государственного бюджета, интересы производства и многие другие умные вещи не оставили ей места ни в законах, ни в правилах, возможно, как раз в это судьбоносное время следует вернуть ей власть над людьми.

Барон Йожеф Этвёш был поэтом и философом, Ласло Салаи – юристом по образованию и лучше умел придавать высоким идеям практическую форму, чем его мечтательный товарищ. Одним из веских доказательств человечности исторического поведения венгров служит то, что Салаи на сто лет раньше – едва ли не теми же словами – высказался о необходимости подчинить государство праву и морали, что и год назад в своей рождественской проповеди Папа Римский Пий XII, резко осудивший «правовой позитивизм, ошибочно отдающий приоритет простому человеческому законотворчеству и тем самым прокладывающий путь к отделению закона от морали». Салаи причислял либеральные свободы к правам человека, данным ему от природы, и их ни при каких обстоятельствах нельзя отнять ни при перезаключении общественного договора, ни во имя государства или иной объединяющей идеи. Без этих прав человек не был бы человеком, и режим, пытающийся отобрать у него этот дар природы, «лишает человеческую душу прикосновения Господа». Права человека, по его мнению, неприкосновенны, вечны, ибо в них выражается исходящее от Бога «право». «Тот, кто никогда не слышал о правах человека, отрицает саму извечную идею права», что само по себе «юрродство и языческий материализм».

Те же законы, что отрицают или попирают права человека – не что иное, как никудышные законы, ибо в них нет права, иными словами, они противоправны и незаконны с точки зрения природы и морали. Ибо «Дух Божий носился над водой, сказано в книге Бытия о времени, предшествовавшем сотворению мира, и это следует понимать так: идея права появилась раньше любомудрия позитивных законов, за которую они ох как не прочь себя выдать».

Теперь нам будет проще понять, когда же нация сбилась с пути, намеченного еще до 1848 г. Сечени и Деаком, скорректированного опытом Кошута, проложенного Этвёшем и Салаи. Несмотря на то что демократические институты, созданные в 1848 г., действуют и по сей день, но уже со второй половины прошлого века ощущались первые попытки характерной для этатизма законодательной работы, когда всё неподконтрольное и независимое в общественном устройстве сначала объявлялось ненужным, потом отменялось, и, наконец, под предлогом заботы о хлебе насущном, куда более важные вещи предавались забвению. Наши законотворцы все чаще прибегали к цветистой риторике, и все жестче звучала их национальная фразеология, жалкие крохи которой и по сей день встречаются в так называемых блестящих речах; но тепло и человечность Этвёша и Деака в них остыли, закон начинает жить ради закона, общее благо – ради общего блага, государство – для себя самого, с одной стороны – в принципе и в теории, с другой стороны – во все более громком лязге механизмов контор и учреждений. В этой похожей на «искусство ради искусства» государственной жизни удельный вес человека становится все меньше, ценность – все ниже, и правами человека, если они вступают в противоречие с бумажным «общим благом», пренебрегают тем охотнее, чем реже в XX столетии высказываются идеи, созвучные Этвёшу и Салаи.

Не верится, что ход истории только у нас принял такое развитие, похоронив надежды старого великого поколения. К середине XIX в. героическая эпоха либерализма была уже позади; его сторонники не смогли ответить на вновь возникавшие потребности с той человечностью и сердечностью, на которую был

способен Этвёш. В первую очередь они оказались беспомощны перед лицом социальных и экономических явлений, держались за безграничную рыночную свободу, даже если она очевидно противоречила «духу Божьему», естественным правам миллионов, и на их защиту встали новые, социалистические движения. Не только у нас, но повсеместно в сердцах либералов не осталось места ни филантропии, ни Евангелию и религиозному чувству, и, в конце концов, странный, ужасный сплав изменившегося до неузнаваемости либерализма с материализмом и этатизмом оказался не чем иным, как гротеском.

Последствия не заставили себя ждать: общеевропейский крах отказавшегося от духовных ценностей либерализма, возвышение государства в условиях землетрясения, морского шторма и вихрей двух мировых войн. Сегодня за пределами Англии не осталось ни одной многочисленной либеральной партии, да и там она слишком слаба даже для того, чтобы стать стрелкой на весах между двумя крупнейшими партиями. Либерализм XIX в., не сумевший помешать ни наступлению 1914 года, ни последовавшим затем злоупотреблениям, больше не заслуживает поддержки, ибо давно уже лишился человеческой и моральной ценности. Мы должны лишь ценности эти, общие для всех более или менее пристойных интеллектуальных течений (права человека, гражданские свободы и гуманизм), сохранить посреди готового вот-вот обрушиться мира, чтобы с их помощью заложить новый фундамент.

6.

Из истории нам известно, что в момент истины, в 1848 г., программа централистов осталась практически невостребованной, хотя самые важные их требования – ответственное перед парламентом правительство, народное представительство в законодательной сфере и свобода прессы – были включены в Апрельские законы. Но в законодательстве 1848 г. нет и следа от предложений Салаи, Этвёша или Ченгери о реформировании судебной системы, их представлений о системе организации свободных

общин, наконец, социального провидения Морица Лукача. Депутатов нижней палаты, или, как тогда говорили, «послов Государственного собрания» отныне следовало выбирать путем «народного представительства», но избирательное право помимо представителей свободных профессий (интеллигенции) распространили лишь на собственников домов или земельных участков стоимостью 300 фт., на владельцев четверти крестьянского надела, мастерской, завода или лавки, а в случае кустарей – на имеющих хотя бы одного подсобного рабочего, что позволило остаться в рамках коштутовского предложения: так или иначе наделили избирательным правом всех без исключения мелких дворян. Что касается министерства, комитатскую автономию они отклонили, с тем, чтобы законопроект «об основанной на народном представительстве системе комитатских организаций» был внесен на следующем государственном собрании; и в дворянском комитате, и без того сохранявшемся едва ли не в полной неприкосновенности, вдобавок к составлявшим большинство дворянским представителям, уже обладавшим правом голоса, присоединялись те, кого в очень общих выражениях называли «делегированными от общин представителями населения». В коротенькой статье закона «об общинных выборах», упомянув свободные королевские и обладавшие собственным советом города, обо всех прочих общинах говорилось, что в них «заботы о выборах представителей временно передаются в ведение комитатов», тех самых комитатов, где, согласно цитированным выше статьям, сохранялись более или менее сословные форма и дух.

Все это мало походило на сформулированные централистами демократические идеалы, что неудивительно, ибо за них голосовали те самые сословия, которые более всего ратовали за «стабильность», или, как писал покойный Арпад Каройи в своем классическом исследовании о принятии законов 1848 г.: они чаяли добиться государственной стабильности путем повышения возрастного и введения имущественного цензов. Избирательное право крестьян, владеющих четвертью надела, Ференц Деак отстаивал с помощью того аргумента, что если их лишить избирательного права, то во многих комитатах большая часть

населения останется без права голоса, а ведь эта социальная группа не составляла и 10% от всего числа выборщиков, и зачем из-за такой безделицы плодить в стране недовольство? Примеры можно было бы множить, но зачем? И так ясно, в каких вопросах законодательство не оправдало надежд централистов, но все-таки правы были современники, когда с восторгом приняли новые законы, и правы новые поколения, когда вновь и вновь переосмыслиют завоевания 1848 года. Михай Хорват, министр дебrecенского правительства, восторженно писал о государственном собрании 1848–1849 гг.: «С одной стороны, оно раз и навсегда вернуло нации ее законную независимость, а стране – самостоятельность, с другой же, воплотило в жизнь страстно обсуждавшиеся двадцать последних лет планы реформ, завершив тем самым великую миссию национального строительства. Для защиты всех обретенных на тот момент личных и коллективных свобод и самой национальной независимости оно ввело, наряду со старыми муниципальными институтами, суды присяжных и национальную гвардию, народное представительство и ответственное перед парламентом правительство, но прежде всего оно поставило свободную прессу на страже личных, общественных и национальных свобод».

Всё так и было, и мы вправе повторить вслед за централистами, что эти законы навсегда покончили с вековым сословным строем, который все, от Сечени до Кошута, называли тогда «феодализмом», и приговорили его к смерти. Наконец-то на смену пропасти между угнетенным крестьянином и свободным от каких бы то ни было обязательств помещиком пришло равноправие, уважение к человеческому достоинству без различий социального происхождения. Под воздействием революций в Париже и Вене тогдашнее сословное государственное собрание неожиданно встало на эти высокие гуманистические позиции и под влиянием пламенных речей Кошута за несколько недель приняло пакет законов, навсегда покончивших с вековым прошлым. И политический гений Кошута, который, не терпя возражений, получал из «сословных реторт» новые законы, в последующие месяцы подтвердили атаки венской камарильи

и вооруженные бунты невенгерских народов королевства: если бы не удалось до конца апреля принять во всей полноте новое законодательство, нация оказалась бы вынуждена сражаться за выживание и право венгров на существование в условиях правовой анархии.

Сорок восьмой год и сегодня основа всего того, что необходимо венграм в их государственной жизни для защиты свобод отдельно взятого гражданина и его человеческого достоинства. Централисты не только не отрицали этого, но и принимали деятельное участие в законодательной работе. Но, следуя их логике, о которой речь шла выше, мы должны видеть в апрельских законах всего лишь рамки, наполнить которые – дело последующих поколений и в том числе, насколько мне видится, нашего времени. Чем дальше отодвигает от нас история восторг и упоение 1848 г., тем яснее мы видим, что обретенные в те дни свободы достались нам не навсегда, что каждому поколению приходится вновь завоевывать их для себя и, исходя из политической обстановки, окружать новыми и новыми защитными механизмами.

Принимая во внимание нынешние обстоятельства, не остается сомнений, что выполнение этой миссии перешло к нам по наследству, и тут нам следует обратиться к институтам, очерченным еще централистами, но с тех пор забытым в горячечной, зачастую дилетантской спешке весны 1848 г. Не буду вновь перечислять их (тем более что уже рассказал о них словами самих централистов), как и не стану искать этим старым институтам подходящую современную демократическую форму; ведь моя задача была чисто исторической – напомнить о нескольких великих венграх и на примерах их сочинений доказать: духовное наследие прошлого помогает осознать суть стоящих перед нами задач. Они же, если не вдаваться в детали, заключаются в наполнении законов 1848 г. гуманистическим содержанием в интересах жизни и благосостояния тех, кто со временем, вследствие усложнения, даже крушения экономического и социального положения, а также формализации правовых отношений особенно нуждается в защите. Либеральные свободы и их фразеология практически

не получали в XIX в. адекватной поддержки демократических институтов, теперь же на них приходится давить даже для того, чтобы они эту фразеологию хотя бы озвучили. Подлинной может считаться демократия, которая не нуждается в речах, и свобода, о которой не приходится напоминать.

Выше уже упоминался феодализм, который политики эпохи реформ мечтали упразднить путем принятия новых законов. Тут они были правы: феодализм в Венгрии на самом деле прекратил свое существование в 1848 г., чтобы больше никогда не воскресать, даже если все наши внешние враги и самые благорасположенные друзья постоянно поминают его как живое, характерное для сегодняшней Венгрии явление. С феодализмом как венгерским аналогом крепостнических, поземельно-зависимых отношений, основывавшихся на связи помещика и крестьянина, действительно раз и навсегда покончили в 1848 г. В современном же словоупотреблении можно найти еще одно значение слова «феодализм»: здесь не столь важно, что между барином и крестьянином нет больше унижительных юридических отношений, и его существование, как у нас, так и на Западе, возможно даже во времена фактического равноправия перед законом. Речь идет о засилье тех, кого прежде называли феодалами, о чрезмерном политическом влиянии и социальном весе аристократов. И в самом деле, когда Венгрию по-прежнему называют и поносят как феодальное государство, имеют в виду второе значение слова, но происходит это столь же несправедливо и без опоры на факты, как если бы речь шла об исконном значении слова. Политическая власть уже давно находится не в руках феодальной аристократии, и большинство в правящем слое составляют землевладельцы средней руки, но число дворян в их рядах ничтожно мало, практически все они – выходцы из буржуазии, ее низших слоев, и едва ли не полностью ассимилировались в исконное джентри, с тех пор порядочно разбухшее. Сто лет назад в среднем комитате проживало не более 10–15 семей, причислявшихся к среднему дворянству и претендовавших на посты в комитатской администрации, сегодня же в правящих кругах мы встречаем сотни и тысячи носителей дворянских фамилий, являющихся потомками

сотен тысяч безземельных «дворян-лапотников» или имеющих бюргерское или крестьянское происхождение. Принимая все это во внимание, нам кажется смехотворным утверждение, что их власть имеет феодальную природу. Ведь в общем и целом они (в большинстве своем) потомки тех мелких дворян, вся власть которых заключалась в праве голоса на комитатском собрании, а централисты вознамерились было лишить их и этого. Современный правящий класс и феодализм – это два никак друг с другом не вяжущиеся понятия, так сказать, конь и трепетная лань.

Кому в жизни приходилось общаться с людьми разного положения – аристократами, министрами, министерскими секретарями, тот прекрасно представляет себе природу авторитета в современном мире. Куда ни кинь взор, власть и ее официальные представители обладают иным, нежели простые смертные, авторитетом: их окружает разве что не мистический ореол, и не потому, точнее, не только потому, что от них чего-то ждешь и на что-то рассчитываешь, но из чистого, бескорыстного и искреннего уважения. Эти люди нисходят до нас с каким-то особым выражением лица, большая редкость, когда они открывают нам подлинное лицо и мысли. Это справедливо не только для тех, кто сидит в центральном правительстве, но и по всей пирамиде власти, вплоть до самых нижних ступеней: от нас требуют уважения к государству, что сами объекты уважения находят вполне естественным и принимают как должное. Исключение, возможно, составляют только городские власти, из их кабинетов, похоже, не улетучился полностью воздух демократии.

Всеобъемлющее и добровольное подчинение граждан государственным властям обычно имеет место в государствах, во главе которых, как известно, стоит монарх, и в руках назначаемых им представителей суверенитет находится даже тогда, когда народ выражает свою волю на всеобщих парламентских выборах. Немецкая публицистика недавно выковала для этого новое понятие – «авторитарное государство» («*Obrigkeitsstaat*»), которое отличается от тех стран, где народ сам решает свою судьбу и у властных органов нет столь большого веса. В авторитарном государстве, конечно же, нет речи об угнетении народа, абсолютизме

или диктатуре, просто народ не привык к выражению своей воли и не понимает, зачем ему свободы. В нашем случае у такого государства, несомненно, есть известные, старинные корни, и в последние десятилетия эпохи австро-венгерского дуализма, когда на смену демократическому мышлению пришла риторика, эти тенденции лишь усилились. В период, последовавший за заключением Трианонского мирного соглашения, авторитарное начало лишь усилилось: никогда прежде так много не говорили об «уважении авторитетов», как тогда; в диктаторских поползновениях последних лет вне всяких сомнений проявилось глубоко укоренившееся преклонение перед авторитетом, а также – и это обратная сторона медали – всесилие, которым, подобно властным органам, наделен тот или иной партийный руководитель или функционер.

Эти черты современного развития создают уже совершенно иную картину Венгрии, нежели та, что некогда рисовалась в воображении централистов. На сегодняшний день не представляется возможным извлечь уроки из недавних событий, но, возможно, в этом и нет необходимости. По крайней мере, необходимости подойти к нашей ситуации диалектически не чувствуют те, кого осенило тепло, исходящее из этих сочинений столетней давности, и кто понимает, как можно обеспечить каждому человеку – сотворенному по образу и подобию Божьему – достойное существование. Этвёш и его единомышленники нашли ответ в демократических институтах, и с тех пор всякое отклонение от взглядов той плеяды лишь подтверждает правоту их учения.

II. ЕДИНСТВЕННОЕ СПАСЕНИЕ — РЕВОЛЮЦИЯ

Чтобы написать эту серию статей и каждой строчкой – пусть иносказательно – дать понять, что нельзя принимать ни единого пункта из гитлеровского миропорядка (я работал над ними в конце 1943 – начале 1944 г. так, словно жил в свободной стране, апеллируя к самым благородным венгерским традициям, о которых нас пытались заставить забыть), повторюсь, чтобы написать эти статьи, не нужно было быть ни большим провидцем, ни мудрецом, ни даже отчаянным храбрецом. Единственно следовало знать, каковы шансы на победу в мировой войне у Германии и ее противников. После того как 2 февраля 1943 г. героическая оборона Сталинграда стала историческим фактом (6-я армия во главе с фельдмаршалом Фридрихом Вильгельмом Паулюсом и 24 генералами сдалась в плен); после долгого кровавого противостояния, в котором погибло 200 тыс. немецких солдат; после того, как в июле 1943 г. Красная армия перешла в наступление по всем фронтам, что по сей день считается образцово проведенной военной операцией, заставляет восхищаться гениальностью стратегического плана и его исполнения; после того как всего за несколько месяцев Красная армия прошла от Кавказа до Днепра и 6 ноября освободила Киев, ни у кого не могло оставаться сомнений относительно исхода войны. 12 декабря правительство оккупированной немцами и расчлененной Чехословакии подписало с Советским Союзом договор о дружбе, взаимопомощи и послевоенном сотрудничестве, 18 декабря Сталин принял в Кремле своего нового союзника – президента Эдварда Бенеша. На Западе к тому времени 25 июля уже был свергнут итальянский фашизм, 3 сентября Пьетро Бадольо подписал с союзниками акт о капитуляции, Рим не пострадал, на Берлин же в ноябре – декабре британская и американская авиация сбросила 12 тыс. тонн бомб. Завершившаяся 1 ноября в Москве встреча представителей

воюющих против гитлеровской Германии трех великих держав явила миру их единство и полное взаимопонимание, и 6 ноября маршал Сталин в речи по случаю 26-й годовщины Великой Октябрьской социалистической революции с полным правом провозгласил: «Красная армия – самая сильная армия в мире... Нет сомнения в том, что Советское государство выйдет из войны сильным и еще более окрепшим». В то же время он признал, что англо-американские бомбардировки важных промышленных центров Германии оказывают Советскому Союзу неоценимую помощь, и хотя действия союзников не могли еще рассматриваться как второй фронт, они стали чем-то вроде второго фронта. Так и произошло: весь мир ожидал высадки союзников на Западе, что и произошло спустя несколько месяцев, когда Гитлеру был нанесен сокрушительный удар.

Весь мир, но Венгрия к нему не относилась, к тому времени мы вычеркнули свое имя из списка народов, способных реагировать на события логически, исходя из своих собственных интересов. Так, как поступил президент Чехословацкой республики в изгнании, поспешивший в Кремль при первых известиях о переходе СССР в наступление. У нас последним государственным деятелем, способным действовать по обстоятельствам, но не поддававшимся при этом эмоциям, мечтам или слепым страстям, был отстраненный от дел Иштван Бетлен, тот самый, который, несмотря на свои трансильванские корни, не одобрил, что Трансильванию нам в подарок вернул Гитлер. После ухода Бетлена в отставку все правительства, начиная с Гёмбёша, оказались неспособны трезво мыслить, попадали в плен своих чувств, симпатий, страхов и, повинаясь им, с закрытыми глазами вели страну к катастрофе. Были и такие, как Миклош Каллаи, который иногда признавал силу фактов, но лишь наполовину, поскольку то ли страшился принятия важных решений, то ли – и в этом он не был одинок – не хотел жертвовать во имя будущего днем сегодняшним, а его он понимал как спокойную, мирную, мещанскую, впрочем, можно сказать и «барскую», жизнь. Обеспечить Венгрии, наряду со Швецией и Швейцарией, счастливую мирную жизнь имело высокую цену: пришлось закрыть глаза на

очевидные факты, принести страну в жертву немецкой военной машине и поставить крест на собственном будущем. С этой точки зрения весьма показательны известные на сегодняшний день* (довольно многочисленные) правительственные меморандумы за подписью Сомбатхейи или Яноша Вёрёша, где после ссылок на катастрофическое положение Германии говорилось о необходимости борьбы до победного конца. Если отбросить логику, стоит ли удивляться, что главным мотивом для нашей армии к продолжению бесконечных боев назывался «героизм». Достаточно посмотреть на поведение вечно мечущегося Миклоша Хорти, чтобы понять: правительство страны руководствовалось не логикой фактов, но приспособленными к венгерским реалиям геббельсовскими изречениями и личными, семейными страхами и надеждами.

Ни в одной стране правящая элита не была настолько беспомощна при принятии политических решений, как наша, начиная с 1930-х годов, после ухода в отставку правительства Бетлена. Вместо того, чтобы анализировать и без того довольно известные причины этих событий, упомянем лишь конечный результат. Под Третьим рейхом уже сотрясалась земля; всем, не только в Европе, но и во всех концах света, был слышан трубный глас, когда наш правящий слой, и прежде всего те, в чьих руках была сосредоточена власть, по-прежнему слепо верили в победу Германии, в чудо-оружие и скорый разлад в рядах союзников, после чего Гитлер объединится с Черчиллем. На Рузвельта наши вожди не надеялись, потому что в большинстве своем считали его евреем. Возможно, кому-то покажется неуместным, что я делаю такое смехотворное замечание на полях новейшей истории, но как еще показать слепоту и незрелость мышления правящего класса? Например, такой «шуткой», имевшей хождение не только у нас, но и у немцев: Гитлер (по другой версии – Геринг), потеряв веру в победу, улетел в Венгрию, потому что только там все еще верили в славный исход войны. Нацистские вожди,

* См. мемуары министра обороны Вилмоша Надьбацони-Надя: *Nagybaczonyi Nagy V. Végzetes esztendőik, 1938–1945. Budapest (далее – Вр.), 1947.*

словно Антей, припадая не к немецкой, но к венгерской земле, вновь обретали силу. Те немногие, кому, подобно Миклошу Каллаи, удалось удержаться в государственном аппарате, видели неизбежность поражения немцев и пытались отвязать нашу утлую шляпку от обреченного на крушение военного корабля, но оказались не в состоянии последовать логике фактов, или им не позволили этого сделать. В последнем политическом решении Каллаи, принятом вопреки единственно возможному, учитывались только западные факторы (он хотел вести переговоры только с англичанами и американцами, был готов сложить оружие лишь перед ними) и до последнего не желал смотреть в глаза правде: сложить оружие только перед западными державами не удастся; да и сами союзники постоянно твердили о том, чего никак не хотел видеть правящий класс: у наших восточных границ стоит самая сильная армия мира и переговоры вести нужно с ней. Когда мы наконец-то осознали, что на свете есть еще и Советский Союз, было слишком поздно, и те, кто это понял (чем доказал – ему не чуждо здравомыслие), проиграли последний раунд силам, даже тогда не желавшим ничего видеть. В лице приспешников Салаша мы получили правящую группировку, про которую можно сказать: ниже, чем когда те вершили судьбы нашей страны, пасть было уже нельзя.

Только катастрофическим падением кривой здравого смысла у правящих кругов можно объяснить наши ошибки во внешней политике и военном руководстве, каковые единственно стали причиной нашей позорной роли и бесславного конца во Второй мировой войне. Мы утратили государственный суверенитет, нас оккупировала армия-победительница, и на нас повсеместно смотрят и долго еще будут смотреть как на последних прислужников ненавистного варварства гитлеризма. С этим можно было бы поспорить лишь в том случае, если бы правящий класс, о роли которого мы ведем речь, образовывал лишь тонкий слой, резко противопоставляя себя нации. К сожалению, не секрет, что дело обстояло далеко не так. Взгляды власть предержащих находили отклик в широких массах: подавляющее большинство среднего класса отличали слепота, ограниченность, немотивированные

и даже пагубные для нации чувства, преклонение перед всем немецким, ненависть к евреям, англо- и русофобия. Это сотни маленьких людей промышленного мира, вплоть до последнего булочника, довольно большой процент работников столичных предприятий, представители самых разных профессий, готовые сегодня до глубины души оскорбиться, если я упомяну их в этом контексте. Средний класс во главе с подавляющим большинством офицерского корпуса еще во времена правительства Гёмбёша стройными рядами вливался в эту толпу. Маленьких людей покорила Салаша, и как только власть перешла в его руки, он объединил их с той частью среднего класса, которую еще 15 октября не смог покорить своей риторикой. Случилось так, что венгерское общество во всем его многообразии, от депутатов верхней палаты парламента до подмастерья, покоричневело, в едином порыве обратило взоры на Запад и ринулось спасать Гитлера, который к тому времени, возможно, был уже мертв. Чтобы в полной мере оценить ситуацию, следует добавить, что ни в крестьянской, ни в рабочей среде так и не сложилось активной оппозиции. Крестьянство не просто ненавидело войну, оно видело ее бессмысленность и бесперспективность, но при этом сохраняло полное бездействие. Впрочем, ему и без того не хватало политического крутозора, воспитания, четкой и эффективной самоорганизации. Образованная часть городского пролетариата, социал-демократы старой закалки, противодействовали гитлеровскому дурману, многие вместе со своим партийным руководством участвовали в движении сопротивления, которое, правда, так и не вышло за рамки духовной оппозиции; и представителей среднего класса там было больше, чем рабочих. Удивительным образом до открытого сопротивления дело так и не дошло, но тюрьмы были полны не только жертвами преследований по расовому признаку, но и превентивно арестованными политиками, которым лишение свободы, можно сказать, связало руки. После того как в результате предательства движение вооруженного сопротивления в армии под руководством Яноша Киша и Эндре Байчи-Жилински было подавлено, членам коммунистической партии удалось довести до конца несколько акций, в чем им

помогли многолетний опыт подпольной работы и вожди, вернувшиеся из советской эмиграции. Впрочем, в одном из своих отчетов* они сами жалуются, как мало поддержки оказал им рабочий класс. Государственная власть, сосредоточенная в руках прогитлеровского среднего класса, а затем салашистов, словно взбесившийся бык, не оставила в стране камня на камне, и никто даже не попытался встать у нее на пути. Кто смог – спасался бегством: это и была самая распространенная форма сопротивления.

Полное отсутствие сопротивления объяснялось не только боязнью риска. Тех, кто ясно видел, куда ведет этот гибельный путь, и у кого вызывали отвращение гитлеровские замашки салашистов, было больше, чем мы думаем, но за десять лет – ради своего благосостояния или его улучшения – они привыкли мириться с любой властью, ворча и жалуясь, подавив свои лучшие чувства и забывшись. При взгляде на все это анализ духовного мира некоторых фигур, даже скорее целых социальных групп, мог бы оказаться поучительным, найдись у кого-нибудь время углубиться в материал. Выяснилось бы, что ближе к концу войны, одновременно с гибелью государства, обострились и нравственные болезни общества.

Они с особенной остротой проявились в связи с гражданским правом, где противоречие между статьями закона и нравственными нормами еще десять лет назад давало возможность ощутить приближение катастрофы. Первые симптомы проявились в рядах правящего класса, который на практике и в теории стал все шире узаконивать присвоение нетрудовых доходов и в этой связи – для всех остальных – право на лишение возможности трудиться. Одно тесно сплеталось с другим: тысячи людей, которые трудились, лишились работы, бездельникам же административными путями и при содействии государства дали незаработанный кусок хлеба. Все это, как едва ли не все зло, началось с тогдашней армии, откуда Дюла Гёмбёш из личной или политической неприязни, зависти изгнал профессионально пригодных офицеров

* *Fehér L.* *Harcunk Budapestért.* Вр., 1946.

и на их места посадил, невзирая на отсутствие у тех заслуг, своих молодых приятелей. По воле Гёмбёша в решающий момент во главе венгерской армии стояли лишённые национальных чувств, преклонявшиеся перед всем немецким, восхищавшиеся Гитлером и ненавидевшие евреев генералы, которым во времена Австро-Венгерской монархии светило дослужиться в лучшем случае до майора и в этом чине жить-поживать долгие годы. Тот же, кто исполнял роль «верховного главнокомандующего», даже не обратил внимания на эту планомерную антиселекцию. Меркантильность мышления у военных еще более усиливалась другой практикой Гёмбёша: размещая доверенных офицеров на должностях в экономических министерствах, он дал генералитету рычаги влияния на экономическую жизнь и, что те ценили особенно высоко, открыл доступ к капиталистической прибыли. Позднее, в ходе подготовки к войне и в дни боев, это стало уже системой. Кадровые и отставные офицеры считали в порядке вещей, что их доходы удваивались или увеличивались в разы за счет проверок предприятий, в чем сами они мало смыслили: не ударяя палец о палец, они преспокойно клали деньги себе в карман, работодатель же, уплатив сей скорбный «налог», спасал предприятию жизнь.

В то же самое время на административных должностях получило распространение мздоимство. Моральный облик государственных служащих уже в двадцатые годы ослаб по сравнению с тем суровым режимом, который во времена императора-короля Франца Иосифа (если позабыть о нескольких аферах) гарантировал дисциплину и порядочность в коридорах власти. Относительно законодательной ветви власти это было менее справедливо, но в государственной жизни вплоть до последних лет жизни Франца Иосифа можно было по пальцам пересчитать злоупотребления и аферы, которые не были бы вскрыты и наказаны в судебном порядке. Во времена Бетлена аферы становились достоянием общест­венности реже, но еще не охватывали всего государственного аппарата; участие в них принимали лишь самые влиятельные и посвященные. Повсеместными они станут только в эпоху Гёмбёша, когда при обсуждении финансовых во-

просов верх брали доводы политического и личного свойства: кто был однокашником по Военной академии в Винер-Нойштадте, кто еще в бытность в Сегеде разделял расистские теории, за кем стояло то или иное тайное общество. Кто не был ни однокашником, ни расистом, к тому же не мог предъявить никакого рекомендательного письма, тому для успеха дела приходилось раскошелиться. Так коррупция становилась повсеместной. Особенно в связанных с экономикой государственных органах, и после Гёмбёша она выросла до таких размеров, что достаточно было знать, на стол какому начальнику следует положить взятку. Впрочем, догадаться было несложно.

Нравственный облик правящего класса, который подпортился сначала в армии, затем и в некоторых ветвях бюрократического аппарата, был окончательно отравлен еврейским вопросом. Национально окрашенная бирка, которую к нему прицепили, гласила: позиции в экономике пора вернуть венграм. В действительности речь, понятно, шла не о венгерском народе, но о правящем классе, который уже вкусил праздной, сытой жизни и теперь, чтобы упрочить и узаконить ее, хотел добраться до несметных сокровищ, что останутся в стране после падения, изгнания, уничтожения венгерского еврейства. Человеческое естество медленно примирялось с этим жутким процессом, особенно поначалу; во время ханжеского, бесстыдного передела в среднем классе чувствовалась неловкость и даже моральное сопротивление. Так, целыми месяцами у «доброего» среднего класса излюбленной темой для разговоров был земельный участок близ озера Балатон: один министр получил его по ведомству Ордена отважных, или купил за бесценок, или сделал вид, что купил, а на самом деле получил даром, как конфискованную собственность. Но примеры, подаваемые сверху, делали свое дело: правящий класс быстро охватила такая же лихорадка, что и калифорнийских золотоискателей. Как оглашенные вламывались они на еврейские предприятия, в дома, на земельные участки, используя в качестве превентивной меры закон о лишении евреев собственности; толпы «христиан» рыскали в поисках «выставленных на продажу» жидовских богатств, чтобы «приобрести»

их по «свободному» волеизъявлению собственника, прежде чем тот потерял бы всё без возмещения убытков. Сходным образом производились смены собственника на находившихся в руках евреев предприятиях: в этих случаях покупатель-христианин платил, как полагается (от предприятия – лишь бы его не прикрыли – оставалась только вывеска) и, понятно, бессовестно пользовался стесненным положением владельца, чтобы выжать для себя как можно больше. Это было отвратительное зрелище, танец вокруг золотого тельца, мелкое сведение счетов, запугивания, угрозы; впрочем, часть «покупателей», что примечательно, учуяла, что хорошие времена пройдут и наступят такие, когда не будет бесполезным предъявить договор о купле-продаже, «добровольно» подписанный продавцом.

Каким бы незначительным с юридической и моральной точек зрения ни показалось бы такое приобретение еврейской собственности по сравнению с тем, что случится во время депортаций и массовых расстрелов при Салаше, для общественной морали это был вопрос не праздный. Санкционированное бумагомараками ограбление евреев, с каждым днем набиравшее обороты, со всей очевидностью показало презрение не только правящего класса, но и прочих слоев общества к праву и собственности. По деревням в крестьянской среде то тут, то там можно было слышать народные толкования по поводу конфискации еврейской собственности: мол, то, что господа сделали с еврейским имуществом, то крестьянин рано или поздно делает с барскими угодьями. Опять-таки то, что во время и после войны в таких масштабах «соседи» обворовывали дома, лавки и квартиры, как правило, под тем предлогом, чтобы «спасти» ценные вещи и мебель, имело своим прообразом узаконенный грабеж евреев.

Люди больше не испытывали уважения к частной собственности соседа или ближнего, ведь отныне для приумножения своего богатства все средства были хороши. От заключенного с загнанным в угол евреем «добровольного договора» прямой путь вел – через глубины человеческой подлости – к тому офицеру, что на льду замерзшего Дуная в Нови-Саде, прежде чем

столкнуть в прорубь, срывал с женщин шубки и украшения; и к тому салашисту, что раздев донага истерзанных людей близ Цепного моста – творения Сечени, топил их в ледяном Дунае, стреляя по выныривавшим из воды головам.

У всего есть свое начало, и ничто не проходит бесследно. Моральное разложение у вождей и толпы, уничтожение всего человеческого случилось здесь, на наших глазах, и тому, кто возвышал свой голос, затыкали рот доводом, мол, все это выдумки евреев. Мне однажды сказали так: «Почему ты веришь всему этому? Ты подозрительно много якшаешься с евреями».

Очевидно, что моральное разложение было только началом, за ним последовали, и об этом нельзя умолчать, духовное помутнение, отупение правящего слоя, а с ним и интеллигенции. Процесс затронул не только сферу политики, хотя она, кстати, со времён Гёмбёша все глубже и глубже пропитывала повседневную жизнь. Ведь это он по примеру Муссолини и Гитлера хотел политизировать толпу, и не только средний класс, но с еще большей охотой и мелкобуржуазные слои. Подражая итальянскому диктатору, Гёмбёш еще до прихода к власти Салаши лишился рассудка настолько, что осмелился сказать в этой стране, где немало здравомыслящих голов: нам хватит и одного умника. Духовная нищета среднего класса и простого обывателя только возрастала тем паче, чем убедительнее удавалось проправительственной прессе сводить в глазах читательской аудитории венгерскую и мировую политику к антисемитизму и дружбе с Германией. Ведь в чем-то был прав один мелкий фашист, который после великой катастрофы жаловался мне: «Легко же было вам предвидеть, чем дело кончится, когда вы могли постоянно читать швейцарские, французские и английские газеты, в то время как к нам в руки попадала разве что «*Új Magyarország*» («Новое венгерство») и тому подобные издания!» В действительности не только официозная пресса лишила интеллигенцию реального взгляда на мировые события и возможности их оценки, но интеллигенция сама с радостью пребывала в изоляции, будучи уверенной, что любые газеты или книги, если в них не прославлялся Гитлер, окажутся еврейскими происками, плодами тайных заседаний сионских

мудрецов. В это горячо верили полковники и министерские советники, учили этому своих сыновей, так что духовное и моральное гниение поползло из своего очага – армии, дальше, в область народного просвещения.

Здесь для разложения Венгрии подходило, лучше не придумаешь, так называемое движение «Левенте», которое под прикрытием военно-спортивной подготовки хотело вырвать молодежь, от студентов до крестьянских детей, из рук профессиональных педагогов и передать офицерам, чьи цели и характерные особенности нам уже прекрасно известны. Министерство просвещения оказалось бессильным перед лицом такого вторжения, тем более что регент Хорти со своей обычной ограниченностью сделал все для повышения роли военных в этой области. Откомандированные в университеты офицеры считали свои лекции по «военному искусству» обязательными, и слушатели, которые не получали по ним зачета, будь они сколь угодно успевающими по основным предметам, не переводились на следующий курс. Наставники «Левенте», следуя инструкциям, рьяно навязывали молодежи взгляды, уже получившие распространение в армии, в первую очередь – преклонение перед всем немецким и антисемитизм. Учителя никак не могли этому противостоять даже тогда, когда из уст студентов звучали антинаучные и бессмысленные заявления. Для пробуждения национального сознания им преподавалось учение о родстве венгров с японцами, а из венгерской истории, как якобы антинаучное, изъяли теорию о родстве финнов и венгров. В программах курсов критиковали, а порой и предавали анафеме действующих, штатных профессоров. Из формирований «Левенте» исключались студенты-евреи, и когда автор этих строк, воспользовавшись своим правом декана, не допустил этого, руководство «Левенте» само исключило их на своих занятиях. Студентов пытались приучить к слежке и доносам друг на друга, их учили грязным ругательствам, и многие наставники из «Левенте» водили своих подопечных в дома терпимости. Когда уже даже начальники самого высокого ранга оказались бессильны положить этому конец, молодые педагоги из учительствующих орденов попытались спасти

молодежь тем, что сами получили удостоверения наставников, чтобы в своих школах положить конец безобразиям. На счастье, головы у молодых людей не были настолько задурены, как у взрослых, поэтому в университетах наставникам из движения «Левенте» добиться большого успеха не удалось – там их лекции, их невежество и ужимки нередко подвергались осмеянию, но в деревнях и городской промышленно-рабочей среде наставники «Левенте» нашли благодарную аудиторию, и позднейшие акты жестокости и насилия – целиком на их совести. Когда к власти придут салашисты, многие рядовые члены их партии будут делать лишь то, чему их на законных основаниях обучил наставник из «Левенте».

Знаю, что когда речь заходит о подобном, принято говорить: не будем обобщать. Я не согласен, потому что, по моему глубокому убеждению, описанные здесь беды носили массовый характер, и методы, которыми наши приспешники Гитлера пользовались для распространения нацистской идеологии, и в самом деле, влияли на умы миллионов. Правящий класс разделял эти взгляды полностью, интеллигенция на 80%, отдельные, неорганизованные, более молодые слои рабочего класса, как я уже упоминал, попали под влияние Салаша, который работал с ними совершенно по-иному, нежели его предшественники Гёмбёш и Имреди, а именно – искал там опору. В этой связи необходимо подчеркнуть, что в правящем классе распространилось известное единообразие, и он потерял способность мыслить логически. Поклоняясь мамоне, в духовном отупении, попадая во все более сильную зависимость от своих диких страстей, которые окончательно затмили рассудок в оценке положения вещей, приняв преклонение перед иноземщиной за национальное чувство – представим себе, можно ли в подобном состоянии души правильно, по курсу, обходя водовороты и скалы, управлять страной?

Понятно, что это было невозможно; тот политический класс представлял собой глубочайшее падение венгерского политического таланта и вел страну и общество к величайшей катастрофе.

Задачи, впрочем, были ясны; эксперты, молодые и старые, не один год трудились над их изложением. Все, кто хотел, знали, что настало время поднять материальный и духовный уровень венгерского крестьянства, провести крупномасштабную крестьянскую реформу, сделать более гуманным и всеобъемлющим народное образование, по-иному, нежели это двадцать последних лет делала деструктивная ревизионистская пропаганда, взглянуть на невенгерские народности. Все это в глазах тогдашних сторонников реформ было бы возможно при капиталистическом строе, достаточно упомянуть пресловутого датского крестьянина, швейцарское или английское сельское хозяйство. Наконец, необходимо было признать, что у интеллигенции, в рядах которой большинство составляли юнцы, недавно покинувшие школьную скамью, не было никаких выходов ни на промышленный пролетариат, ни на его партию. Промышленный пролетариат не мог прорвать ту изоляцию, в которой оказался после событий 1918–1919 гг., а ошибкой сторонников буржуазных реформ было нежелание что-либо изменить, а если посмотреть правде в глаза, то они даже не задумывались об этом. Когда же Эндре Байчи-Жилински и некоторые его единомышленники, наконец, «прозрели», поздно было вести речь о реформах: время и возможности оказались упущены, спасти страну общими усилиями было поздно.

Господствующий же класс обладал полной свободой рук благодаря тому ложному парламентаризму, что не был нам нов, а в эпоху преклонения перед диктатурами обеспечивал надежное большинство еще вернее, чем когда-либо ранее. В парламенте при преемниках Гёмбёша для пролетариата было сделано лишь то, чего в условиях воцарившегося всеобщего равнодушия, даже отчуждения добились предоставленные сами себе рабочий класс и социал-демократическая партия. В крестьянском вопросе Гёмбёш и фашистские правительства проявляли очевидное дружелюбие, изображали любовь к простому народу во всей своей красе, вплоть до того, что грубой лестью и притворным восхищением переманили на свою сторону часть «народных» писателей, хотя до обсуждения жизненно важных вопросов дело так и не

дошло. Впрочем, об этом можно было сразу догадаться исходя из их социального происхождения. Иштван Бетлен за все время своего долгого пребывания у власти не смог задействовать всех представителей аристократии, джентри и образованной буржуазии; оставались такие, кого в силу недостатка образования или общественного положения не желали причислять к правящему слою. Эти остатки и вошли в элиту движения Гёмбёша: неудачливые или разорившиеся помещики, не знавшие иностранных языков и не бывавшие за границей; они с радостью приняли учение Гёмбёша и предложенные им посты, явно рассчитывая таким образом оздоровить свое материальное положение. Им было не до земельной реформы, но столь же равнодушными к заботам об улучшении положения крестьянства оставались и пришедшие с Гёмбёшем во власть офицеры, ставшие, как мы видели, подлинными архитекторами политической линии. Более того, поскольку многие из них не только были немецкого, австрийского или швабского происхождения, но также испытывали привязанность к традициям джентри (а среди них выше всего ценили землевладение), они по понятным причинам опасались земельной реформы. Точнее, с удовольствием провели бы ее в отношении еврейской и банковской крупной земельной собственности, чтобы выкроить из нее для себя хотя бы поместья по тысяче хольдов. При преемниках Гёмбёша на ключевые позиции во власть пришли собственники средней руки, что опять-таки не приблизило земельную реформу. Наконец, пришел Салаш, чью поразительную ограниченность, помимо прочего, характеризовало то, что ему и в голову не пришло ударить палец о палец для проведения земельной реформы и тем самым склонить на свою сторону равнодушное крестьянство. В конце Второй мировой войны Венгрия погибла как страна латифундий, и из этого логически вытекала не земельная реформа, а передел земли, повсеместное упразднение помещичьего землевладения и наделение крестьян правом владеть землей.

Эта политика точно так же перекрыла путь к любому компромиссу и мирному решению национального вопроса. С Венгрией при заключении Трианонского мирного договора и в

самом деле обошлись в высшей степени несправедливо, когда под предлогом освобождения национальностей и вопреки этому принципу передали миллионы венгров в руки иноземных правительств. Против этого не подействовали ни наши жалобы, ни жалобы отторгнутых от родины венгров, тем более что мы только начали тогда овладевать стилистикой, в которой следует высказывать жалобы. Твердя, что разделу подверглось государство с многовековой историей, мы не тронули ничьих сердец. Но в канун Второй мировой войны мы были близки к тому, чтобы великие державы осознали сотворенную с нами несправедливость, к тому же и в соседних государствах назревали или, по крайней мере, ожидалась перемены, благоприятные для положения тамошнего венгерского населения. Так, прекратила свое существование королевская диктатура в Югославии, беспрерывно притеснявшая свое венгерское меньшинство. На общественное мнение на Западе большое влияние оказала книга оксфордского профессора Карлайла А. Макартни, который, сравнив национальную политику в государствах-наследниках, пришел к выводу, что как-никак мы гораздо лучше обращались со своими малыми народами. Венгерская прогитлеровская политика загубила эти слабые ростки на корню. Сначала тем, что приняла из рук Гитлера часть территорий, отторгнутых по Трианонскому мирному договору. Если два Венских арбитража послужили этому подарку правовым прикрытием, то от здравого рассудка не укрылась подлинная сущность сих территориальных приобретений: под давлением Гитлера нам всучили то, чего мы в обозримом будущем могли добиться мирным путем, соблюдая все юридические формальности. Тогда уже ни у кого не оставалось сомнений в неизбежности войны, в том, что Гитлер, в отличие от своих партнеров, не остановится на Годесберге и Мюнхене. Тем же, чтобы положить конец шантажу, придется взяться за оружие. А после краха Гитлера все его жалованные грамоты превратились в прах... Конечно, венгерское общественное мнение в большинстве своем было против того, чтобы отказаться от «подарка». Насчитывавшая двадцать лет ревизионистская пропаганда в своих заявлениях для внешнего мира уже несколько поумнела

и исправилась, но внутри страны продолжала делать все ту же ошибку – рассказывала венгерскому общественному мнению о той Великой Венгрии, где не было национальных меньшинств, где все были венграми, «нашими», и где мы с полным правом владычествовали тысячу лет. Например, присоединение Кашши и Коложвар к Венгрии превратились в венгерские праздники, но там трудно было разглядеть хотя бы одного словака или румына. Хозяевами Трансильвании вновь стали мы, венгры, древние собственники той земли, и никто не услышал, или не принял всерьез, слов Пала Телеки, произнесенных в адрес румын. Мы упорно видели только землю, но не человека на ней живущего и ее обрабатывавшего, хотя отныне именно он – ее подлинный хозяин, а не гости из Будапешта, прискакавшие сюда на белых конях. Мы искали «интеграцию», родные горы, реки, замки, но – глядя поверх голов национальностей – не заметили вернувшихся к нам людей.

Первая ошибка, которую мы совершили, касалась управления вновь присоединенными территориями. В венгерское государственное собрание, куда – при любом несовершенном избирательном праве и со многими нарушениями – всегда, так или иначе, избирались депутаты, мы направили от этих территорий специально назначенных представителей, чем лишили национальности, а заодно и проживающих там венгров, права голоса. То есть мы повели себя хуже, чем чехи и румыны двадцать лет назад. И, само собой разумеется, глупее... Дух правящего класса проявился и здесь. Мне рассказывали, что на другой день по прибытии в Коложвар премьер-министр Пал Телеки пригласил к себе десять выдающихся, не пожелавших покинуть Трансильванию румын, чтобы предложить им стать парламентскими представителями и таким образом гарантировать румынскому народу трибуну в Будапеште. Назавтра их и след простыл: военные власти ночью выдворили их за пределы страны, конфисковав, конечно же, всю их собственность. Некогда Иштван Бочкаи сказал, что император Рудольф II пушками изгнал его из рядов своих сторонников, что же касается нашего присутствия в Верхней Венгрии и Трансильвании, то это была еще

более грубая ошибка. Мы окончательно и бесповоротно отказали невенграм в том, в чем, как жаловались мы раньше, частично отказывали венграм чехи и румыны. У них проводились выборы, причем порой не хуже тех, что проходили у нас: теперь же мы отказали им в такой элементарной форме гражданских прав. Мы отняли у них местное самоуправление и повсюду насадили своих, не говоривших на языках местного населения, чиновников, которым не могли найти применения дома, которые, будучи никчемными людьми и приверженцами курса правительства, на новом месте думали только о наживе. Последствия вскоре стали очевидны даже для тамошних венгров. Они, успевшие при чешских властях привыкнуть к демократическому обращению, вспомнили, что такое всевластие местного начальника в лице тех, кто был сторонником не только старой феодальной администрации, но и новой, гитлеровской диктатуры. Мы двадцать лет приуменьшали демократичность государств-наследников, и вот теперь направили туда прямых врагов демократии. Мы ввели на новых территориях ограничение прав и свобод, начали притеснять еврейство и одарили себя конфискованными там земельными владениями.

Когда Господь позволил нам вернуть часть утерянных территорий, он подверг нас испытанию. То, о чем без малого четверть века твердила и требовала наша ревизионистская пропаганда, наконец, сбылось, и мы покажем всему миру пример, как следует обращаться с национальностями, которые, получив по праву то, о чем просили, были бы удовлетворены. Испытание мы с позором провалили, сделав как раз не то, что нужно и следовало бы. В оправдание, хотя бы перед самими собой, скажем, что в этом участвовал не весь венгерский народ, а только одно правительство и правящий класс, большинство же венгерского народа не имело никакого представления о том, что в сфере управления принимаются неверные решения. Все это так, и не мы повинны в том, что час испытания настал, когда страну представлял столь духовно и морально убогий слой, который мы охарактеризовали выше. Спору нет. Но фактов уже не изменить: из-за венгерского правительства вся страна несет ответственность перед историей

и заинтересованными соседними народами. Испытания не выдержали мы все, а не только действовавшие за нас и от нашего имени правительства.

Отныне любые попытки ревизионизма и его пропаганды должны раз и навсегда отойти в прошлое. Мы потеряли для этого все нравственные основания тогда, когда нам представилась возможность с собственными национальными меньшинствами обращаться лучше, чем прежде обращались с нами. Оказалось, что мы только говорили и обещали, но, когда пришло время действовать, и у нас было рыльце в пушку. В решающий момент мы доказали, что не хотим обращаться по справедливости с невенграмми, и тем самым отвергли вековой венгерский обычай, который вплоть до начала XIX в. помогал венграм и невенграм жить вместе. В своих работах по истории национального вопроса я назвал его святостефанской идеей, ибо именно Св. Иштван в своем «Наставлении» завещал потомкам хорошо обращаться с проживающими в королевстве национальностями. Следуя его образу мыслей, необходимо было дать невенгерским народам независимость и самоуправление в той мере, в какой это позволяли их самосознание и культурный уровень на той или иной стадии исторического развития. Одним из последних об этом говорил Иштван Бетлен, когда, принимая во внимание, что после Трианона национальности обрели полную независимость, предложил – на случай, если они вновь станут частью нашего государства, – провести, следуя заветам Св. Иштвана, федерализацию страны по национальным округам*. Не вняв совету Бетлена, а вместо этого применив к воссоединившимся с нами невенгерским народам гитлеровские лозунги, мы обманули только себя самих и поставили жирную точку на национальной политике. Кстати, правительства, которые повели себя подобным образом, все как один ссылались на Св. Иштвана, как если бы его идее соответствовало угнетение национальностей. Так святой король был при этих правительствах скомпрометирован

* Слова И. Бетлена цитируются в моей статье, см.: *Szekfű Gy. Szent István a magyar történet századaiban // Emlékkönyv Szent István halálának kilencszázadik évfordulóján / Szerk. Serédi J. Bp., 1938. 3. köt. 1–80. old.*

и девальвирован, вместе с понятиями нации и Христианства. К каким бы традиционным венгерским ценностям они не прикасались, все рассыпалось и разлагалось в их руках.

Итак, во внутренней политике, в отношении присоединенных к Венгрии невенгерских народов, они проповедовали унитарное, исключительно мадьярское государственное устройство, и в то же время (в угоду Гитлеру) нанесли такие глубокие раны независимости и суверенитету Венгерского государства, каковых нам не доводилось получать никогда, даже в период насажденного австрийским императором неоабсолютизма, последовавшего в 1849 г. Я имею в виду законодательство о «фольксдойче» (этнических немцах), и передачу венгерских граждан еврейского происхождения в руки гитлеровцев. В обоих случаях венгерское правительство и парламент передали иностранным властям сотни тысяч своих сограждан, только потому, что вождям Третьего рейха хотелось, с одной стороны, увеличить численность собственного населения, с другой – уничтожить евреев как вредный элемент. Даже если оставить в стороне человеческие и нравственные аспекты, обе акции с правовой точки зрения стали позорным предательством венгерской государственности. Что касается швабов, венгерское государство возвысило их над прочими согражданами, наделило особыми правами, не в качестве национального меньшинства, но признав, что они – составная часть другой нации, и передав верховную юрисдикцию над ними иноземному правительству. Венгерское государство, находившееся в состоянии войны и потому остро нуждавшееся в солдатах, причислило своих граждан к иностранным подданным, а те, что уже находились в армии, были оттуда отозваны, чтобы с оружием в руках служить другой державе. Тот шопронский немец, который рассказал мне, как его против собственной воли забрали из венгерской армии и передали Гитлеру, сделав солдатом СС, одним лишь признанием сего факта охарактеризовал глубину разложения венгерской государственности. Добавим, что среди тогдашнего руководства встречались и такие, кто верил в германское превосходство и охотно предоставлял швабам, причисленным к более высокой нации, исключительные права. За

то, что многие швабы думали сходным образом, считали немцев более высокой расой и не возражали против того, чтобы о них позаботился всемогущий фюрер, в известной степени несет ответственность венгерское государство, не один год позволявшее распространять среди собственных сограждан гитлеровские формулировки «фольксдойче».

С правовой точки зрения венгерское государство мыслило сходным образом, когда вывезло сначала тысячи, а в конечном итоге сотни тысяч своих еврейских сограждан к границе Германии, где передало несчастных в руки немецким отрядам, дабы те подвергли их более или менее мучительной смерти. Так с евреями в уже оккупированных странах – Голландии, Франции, Дании – обходился только Гитлер, но там ему противостояло не только католическое население, но и задавленные местные власти; в Дании, например, запуганное правительство и сам король. Даже итальянский фашизм до последнего не спешил исполнять требование Гитлера и в конечном итоге передал своему союзнику минимально возможное число своих граждан. По доброй воле, усердно, многотысячными толпами доставляли венгерские власти к границе эти жертвы, чем, собственно, доказали, что в междуречье Дуная и Тисы нет больше государства, способного справляться с элементарнейшими задачами, такими, как защита жизни и безопасности собственных граждан перед лицом иностранной державы. Отговорка, к которой впоследствии прибегали привлеченные к суду венгерские государственные мужи: якобы они передали венгерских евреев всего лишь на работы и не ведали, какая ужасная судьба их ждет, не выдерживает никакой критики. Ветер, дувший из Освенцима и других лагерей, чувствовали все, кто видел, какую глубокую ненависть испытывали к этим гражданам представители государства в маленьких городах и как самым бесчеловечным образом доставляли их к границе. Но даже если их направляли на чужбину только на работы, это все равно остается добровольным отказом от сути государства, от его независимости.

После подробного рассмотрения деятельности правительства не остается сомнений, что еще до немецкой оккупации, до

19 марта 1944 г., целостное венгерское государство, способное или желающее выполнять свои функции, как на международной арене, так и по отношению к собственным гражданам, перестало существовать. По-прежнему действовали предусмотренные конституцией институты, заседал двухпалатный парламент, регент занимал свой кабинет, ставил подписи и раздавал должности; назначенцы (военные и гражданские) занимали посты и, казалось, выполняли свои обязанности, но все это уже не имело отношения к подлинной жизни государства: оно погрузилось в морально низкие сферы, и мирным, созидательным трудом ему уже было не подняться на поверхность. Государство распалось даже не на классы, но на класс угнетателей, перед которым при капиталистическом строе открывались небывалые возможности для обогащения, класс угнетенных, не имевших ни опоры, ни защиты, и, наконец, большую аморфную толпу, отстраненно наблюдавшую за гитлеровским шабашем, рассчитывая, что когда это закончится – придет их время. Это общество никто бы уже не смог объединить для национальных целей, но и гражданский порядок, не одно десятилетие работавший на компромисс между угнетателями и угнетенными, было уже не восстановить. Реформа, эволюция потеряли смысл еще до 19 марта, превратились в пустой звук.

Затем началась немецкая оккупация, и война прокатилась от города к городу, от дома к дому. Подобно тому, как рушились стройные ряды домов, так же превратилось в пыль и пепел то, что еще оставалось от Венгерского государства. Добропорядочные венгры бежали от немцев, тем самым дав тогдашним представителям власти возможность официально грабить нас. Выражение тех дней «перейти на нелегальное положение» означало отрицать государство, и, пока оно не изменится, отказываться подчиняться его распоряжениям. С Востока напали Советы, сметая на своем пути немецкие и венгерские части, силой увозившие с эвакуируемых территорий не только продовольствие и скот, но и толпы людей. Со времен османов не видела наша родина такого переселения народов, когда гражданские структуры окончательно обрушились, власти всех мастей самоустраивались и спасались

бегством, им на смену шли хаос, надежда только на собственные силы и принцип «спасай то, что еще можно спасти», тотальное приспособленчество и неприкрытый грабеж. Преступно бездумные доводы военных и животный антисемитизм правительства лишь ускорили окончательный слом государственного и гражданского порядка: дошло до того, что сотни тысяч перемещались из одного района Будапешта в другой; там практически никого не осталось, а где еще жили люди, власти не регистрировали акты гражданского состояния; военнообязанные не поступали на военную службу; карательные экспедиции нилашистов против отдельных домов напоминали не действия официальных властей, но бандитские вылазки. Между тем немецкие солдаты и венгерское правительство во главе с Салаши наперегонки вывозили из страны ценности, заводы, лаборатории, больницы и университеты, содержимое банков и государственных касс, животных, ценные породы скота, резервистов, тысячи студентов. Венгерское правительство заседало в Шопроне и в Австрии, а большего ему никто и не позволял.

Было ли это по-прежнему государством? Венгерским государством? А общество? Венгерским обществом?

И то, и другое давно перестало быть самим собой, государство рухнуло, общество распалось.

Оборвалась линия, длинная историческая линия, бесславно, позорно, или, если хотите, гротесково-кровавой трагикомедией.

Оставалось одно спасение: революция.

III. РЕВОЛЮЦИЯ НАЧАЛАСЬ

У реформаторов, когда те, наконец, признали, что на смену мирному развитию со всей неизбежностью должна прийти революция, настали трудные дни. Естественно, что буржуазное мышление страшилось низвергающего ценности вихря революции, о которой никто, даже ее архитекторы, не могли заранее знать, где она, подобно несущемуся с горы камню, остановится, зато заранее было ясно, что придет конец буржуазной стабильности, спокойной жизни, частной собственности. Гуманисты, как и буржуа, должны были страшиться революции и всячески ее избегать, ведь она несла с собой не только материальное разорение, но требовала крови и человеческих жертв, бессмысленных и ненужных, ведь не случись революции, эти люди, которых революция целенаправленно или, наоборот, случайно уничтожает, могли принести пользу в дни мирного созидания. В общем, как только сторонник реформ потеряет последнюю надежду на мирное развитие, согласившись, что в данной ситуации его мягкие, человечные решения неуместны и хаос разросся до размеров, не оставляющих иного решения, кроме как наступление совершенно нового, революционного порядка, придет тот горький, но неизбежный день, когда станет уже невозможно отрицать эти факты. Впрочем, если у нас сохранилось чувство реальности, и мы не желаем простым, но преступным образом замкнуться в иллюзиях и сновидениях, нам придется признать наступление этого горького дня и смириться с его последствиями.

Ведь то, что из-за наших ошибок и собственных грехов (как было описано выше) кануло в Лету – государство и общество, нам предстоит отстроить заново; в междуречье Дуная и Тисы не должны царить ни вакуум, ни анархия. Сейчас, когда европейские народы оказались тесно связанными друг с другом, этого не потерпят ни Европа, ни наши соседи. После падения Аварского каганата на территории современной Венгрии в течение одного-двух веков не было государственности, но в наши дни об этом не

может быть и речи. Рассыпавшийся на части организм нужно заново собрать, нам самим, или с чьей-либо помощью, поскольку инициатива восстановить венгерскую государственность исходит не от нас, а от разбившей Гитлера и оккупировавшей Венгрию державы.

Здесь я должен, открыто и в полный голос, выразить благодарность Советскому правительству. Советский Союз, когда вступил в битву с приспешниками Гитлера – салашистами, и вышел из нее победителем, понес ужасающие материальные и людские потери. Гитлер, настаивая на обороне Будапешта и Задунавья, преследовал свою, вполне реальную цель: продлить собственные дни на месяц или два, хотя ни для него, ни тем более для его стратегов не было секретом, что так дальше продолжаться не может. На самой несчастливой неделе в нашей истории, когда Салаши принял власть из рук нацистов, Гитлер уже потерял все свои завоевания на Западе. Союзники освободили Францию, Люксембург, Бельгию, часть Голландии, 21 октября вступили в древнюю столицу империи Карла Великого – город Ахен, и их численно превосходящие силы приближались к Рейну, когда в Италии, с занятием Флоренции и Римини, исчезло последнее препятствие, чтобы вступить в долину реки По и по Альпийским хребтам с юга пересечь границу Германии. С востока триумфально шествовала Красная армия, отвоевывая у Гитлера страну за страной: она уже освободила Румынию, Финляндию, Болгарию, исконные Польские территории, одна из армий объединилась с генералами Тито, другая вступила в Чехословакию; 12 октября, за три дня до прихода к власти Салаши, третья армия вступила в Коложвар и Сегед. Оборона Великой венгерской равнины потеряла всякий смысл, немцы, а вместе с ними остатки боеспособных венгерских частей и одурманенная Гитлером интеллигенция – ринулись в Будапешт. Через пару дней был взят Сольнок, а вскоре Уйпешт, Кишпешт и Мишкольц, 13 ноября Красная армия форсировала Дунай и подошла к Балатону, во второй день Рождества вступила в Секешфехервар и, перейдя Будаиские горы, взяла в плотное кольцо Будапешт. Гитлеру удалось выиграть время от Рождества до середины фев-

раля, ровно настолько он продлил свое существование, ценой стали гибель и пленение 150 тыс. немецких солдат, разрушение Будапешта и задунайских городов. Все это было диктатору на руку, как и кровавая жертва, которая была принесена Красной армией. После того как командующие немецкими частями – вопреки нормам международного права – отдали вопиющий приказ о расстреле советских парламентариев, а Красной армии пришлось выдавливать немцев (пять за пядью) из каждого дома, с каждого этажа, Советский Союз с военной точки зрения понес такой бессмысленный и в человеческом плане неоправданный урон, что не приходится удивляться, почему его правительство, окончив бои и похоронив своих солдат в задунайской земле, железной рукой взялось за обустройство потерявшей рассудок страны – последнего и самого верного союзника Гитлера. Самое малое, чего мы могли ожидать от победителей за сопротивление, оказанное – под руководством немцев – тогдашним венгерским правительством и армией, было переустройство распластанной на земле страны по советскому образцу, зато мы меньше всего ожидали восстановления его полной противоположности – западной парламентской демократии. И процесс пошел еще до того, как страна была полностью очищена от немецких войск.

Ни больше ни меньше как по советской инициативе из неожиданно прибывших в Дебрецен политиков было создано венгерское правительство, сразу заявившее, что после полного освобождения территории страны население получит право изъявить свою политическую волю на парламентских выборах. О диктатуре пролетариата и перестройке общества и экономики на коллективистских, коммунистических началах не было и речи. Во всяком случае, мы сегодня более или менее убеждаемся в этом. Советские люди считали свой общественный строй более высоко развитым, чем подверженные постоянным кризисам, раньше или позже обреченные на гибель парламентские демократии, а посему не видели причин, по которым его нельзя было бы распространить на народы, которые уже сделали решающие шаги по направлению к социализму и были готовы к новому рывку.

Но им казалось, что прежде нужно стать достойным советского строя, заслужить его примерным поведением, намек на которое им не бросалось в глаза в оккупированной Венгрии; скорее там был хаос без каких бы то ни было внутренних и внешних связей, так что между людьми не осталось ни государственных, ни административных, ни общественных отношений, и в их отсутствие жизнь в Венгрии протекала вне закона и вопреки здравому смыслу, что служило лишь доказательством того, как далеки страна и население могут быть от возможности введения советского строя. Конечно, оставался путь, по которому в свое время пошла Великая русская революция, когда, по замыслу Ленина, власть захватили силой оружия и разбили сопротивлявшиеся коммунистической партии силы и в кровавых сражениях Гражданской войны сгинули тысячи интеллигентов и крестьян, не понявших и не принявших этих перемен. У нас тогда ожиданиями чуда – установления пролетарской диктатуры – жила лишь малая часть рабочего класса, и было немало любящих поучать интеллектуалов, кто по-прежнему жалеет, что не лилась в те дни кровь на улицах, не сгинули враждебные общественные силы, и именно из-за отсутствия такой кровавой, «настоящей» революции по сей день страну одолевает столько проблем. Можно подумать, будто история не учит: кровопролитием ничего не добиться, насилие влечет за собой только новое насилие. Решение вопроса находилось в руках Советского Союза, и он решил, что в Венгрии не будет кровопролития и гражданской войны. Я не претендую на то, чтобы – в отсутствие необходимой информации – даже приблизительно заявить о своем отношении к тогдашним решениям советского руководства, его поступкам и их последствиям, но для меня очевидно лишь одно: они никогда не стремились к установлению пролетарской диктатуры, к кровопролитию или уничтожению интеллигенции и других социально-враждебных классов; этим они, по моему разумению, доказали: их политическое мышление и действие оказались столь же блестящими, сколь великолепная стратегия ведения войны. Да, англосаксы обещали оккупированным народам демократическое устройство (впрочем, сами они признали со-

ветское устройство демократическим), и было немало путей, как не сдержать слова. На самом деле, решение о демократическом устройстве этих государств было принято в тот момент, когда им было дано такое обещание. Иначе этого бы просто не сделали. Таким образом, мы, венгерская интеллигенция, должны быть благодарны этому решению за то, что духовные и материальные ценности, да и мы сами не сгинули в гражданской войне, что уже началась в ходе Второй мировой и грозила окончательным уничтожением. Точку – точку мира – в нашей военной жизни поставил только Советский Союз.

Исторический факт, что Советский Союз не стремился к установлению у нас пролетарской диктатуры, более того, именно он пресек подобные попытки вернувшихся из России венгерских эмигрантов-коммунистов и инициировал введение парламентаризма. Из этого следует, что у Советов и в мыслях не было присоединять Венгрию в качестве нового члена к Союзу Советских Социалистических Республик, чего у нас немало опасались в последние месяцы войны, и о чем, как о самом черном кошмаре, по сей день любит повторять безымянная реакция. Но в чем же была цель переустройства венгерской жизни, такого переустройства, что началось в Дебрецене? Стороннему наблюдателю ответить на этот вопрос нелегко, но когда стало понятно, что в планы СССР – и не только на начальном этапе – не входит установление пролетарской диктатуры и приращение собственной территории за счет поглощения Венгрии (чего, впрочем, не произошло и в случае соседних стран), суть происходящего, по моему мнению, однозначно прояснилась.

Россия сильно пострадала еще в Первую мировую войну, причем гораздо сильнее, чем любой другой воевавший народ. Затем пришла революция, Гражданская война, которую прежние капиталистические союзники не только проклинали, снабжая оружием и деньгами войска контрреволюционных генералов, но и сами попытались ступить на те или иные российские территории и отторгнуть их. Ленин все равно победил: в Гражданской войне, над контрреволюцией, Колчаком, Деникиным сотоварищи, над англичанами, французами и чехословацкими военно-

пленными. Революция укрепились уже настолько, что попыталась вернуть себе присоединенные к Польше русско-украинские и белорусские территории, на что у нее даже в духе пунктов Вильсона было полное право. Оказалось, что тогдашняя Европа применительно к Советской России точно так же отрицала применимость принципа национальности, как авторы Трианонского мирного договора – по отношению к нам. Польская армия при помощи французов, под предводительством генерала Вейгана разбила русских. Неприязнь к коммунистическому эксперименту ширилась, и капиталистические страны в ужасе отгородились от России «китайской стеной» – санитарным кордоном, который почти двадцать лет герметично защищал Европу от нового русского мира. По ту сторону стены на смену годам революционного горения пришли годы серьезного, ответственного созидания, началось претворение в жизнь первого пятилетнего плана, о чем Европа по ту сторону стены не знала, или не хотела знать. Она видела не возрожденную и жизнеспособную империю Сталина, но Россию, погруженную в революционный хаос, и изо дня в день повторяла кровавые сводки первых революционных лет. Народы, как дети малые, внимали этим леденящим душу историям и не могли себе даже представить, что за стеной более 200 миллионов человек медленно, но планомерно строят лучшую, более гуманную жизнь.

Двадцать долгих лет день за днем руководители Советского Союза слушали по ту сторону стены «*ceterum censeo*», голоса, призывавшие к уничтожению большевизма. Можно предположить, что это постоянное чувство изоляции питало в них неуверенность, подозрительность по отношению к европейским лидерам, от которых не приходилось ждать ничего хорошего. По периметру советских границ возникли государства, поставившие себе целью борьбу с Советским Союзом, по крайней мере, дальнейшую конфронтацию с ним, содержание страны Советов в европейском концентрационном лагере. Приход Гитлера к власти не только предоставил для этих целей становившуюся все более опасной Германию, но и укрепил в антибольшевистском курсе Финляндию, Румынию, Венгрию, даже Польшу. У всех этих

стран не было никаких претензий к Советскому Союзу, напротив, от него они добились максимального удовлетворения своих национально-территориальных чаяний. У Советского Союза в эти годы не было к ним, в первую очередь к нам, никаких претензий. Он пытался наладить отношения с Венгрией, установил дипломатические отношения с правительством Миклоша Хорти и по собственной инициативе вернул в Будапешт гонимые знамена, конфискованные в 1849 г. армией Николая I. Но доверия от этого больше не стало, наоборот, усилилась лишь прежняя подозрительность. И это правильно, ибо было бы величайшей ошибкой доверять своим западным соседям, что и стало очевидно после того как Румыния, Финляндия и Венгрия как одна встали на сторону Гитлера и выставили вспомогательные части для наступления на восток.

Три малых союзника выбыли из игры еще раньше своего вождя Гитлера. Однако из их нападения советское руководство смогло извлечь важный урок, если это не стало им очевидно еще ранее. На будущее Советскому Союзу нужно было исключить любую возможность, превратиться в объект агрессии Запада. Победное окончание войны позволило добиться этого, от Северного моря на юг, вплоть до самой Болгарии. Финляндия, Румыния, Венгрия и Болгария, как проигравшие в войне, заключили с Советским Союзом перемирия, и их большой восточный сосед оказал решающее влияние на формулировки мирных договоров. Польша, хотя и принадлежала к лагерю союзников, сходным образом оказалась тесно связанной с Советским Союзом, которому передала свои восточные территории, на которых русские составляли большинство, за что при советской поддержке получила немецкие имперские земли, причем больше, чем ей изначально предлагали западные союзники. Наконец, Чехословакия как давнишний союзник СССР вот уже более ста лет настроенный русофильски, продолжила с ним тесно сотрудничать, так что все государства по западным границам, так или иначе, в равной мере подпали под советское влияние.

С тех пор эти страны связаны друг с другом: они крепко-накрепко «приклеились» своими восточными границами к могу-

щественному соседу. Их положение и судьбы мы ясно осознаем только в случае, если рассмотрим их в совокупности. Судьба Венгрии после заключения перемирия тоже становится яснее после сравнения с ними. Во всех этих странах советская политика, несомненно, преследует одни и те же цели и использует более или менее одни и те же, приспособленные к местным условиям, средства. Ни в одной из стран не произошло насильственной смены власти, ни в одной из них не допустили установления диктатуры пролетариата, во всех была восстановлена парламентская форма правления. Но свое влияние в этих странах СССР обратил на то, чтобы впредь они никогда не стали источником агрессии. Это означает не только то, что он настроен на добрые отношения со своими маленькими соседями, но и делает все для того, чтобы те силы, которые прежде вдохновляли антисоветскую политику этих стран, навсегда сошли со сцены и не имели голоса в правительстве. В Венгрии, Румынии и Польше антибольшевистский лагерь составляли примерно одни и те же силы: помимо крупного капитала это были аристократия, крупные землевладельцы, значительная доля интеллигенции, а также мыслящее в категориях Контрреформации духовенство (само – крупный земельный собственник). Во всех странах у этих элементов более или менее однообразно, с учетом особенностей социальной структуры той или иной страны, стали отнимать политическое влияние. Короче, хотя это всего лишь умозрительное предположение, Советский Союз ради собственного выживания, иными словами, чтобы ему никогда более не грозила агрессия с запада, довольствовался тем, что вместо восстановления западно-европейской демократии, где парламентаризм не препятствует возрождению реакции, заложил основы так называемой восточноевропейской демократии, в той ее особенной форме, которая открывала путь к социальным преобразованиям.

Думаю, нам следует отдать должное Советскому Союзу и признать, что у него есть основания питать недоверие. Ему необходимо создать такие отношения со своими маленькими соседями, которые сделают невозможной любую агрессию с их стороны. Помнится, что такое право за СССР признали ан-

глийские и американские политики, после того как сии малые государства позволили себе во Второй мировой войне напасть на своего большого восточного соседа. У Советского Союза есть полное право позаботиться о том, чтобы – после того как победа досталась ценой столь великих жертв – не оказаться вновь объектом новых агрессивных устремлений.

Обо всем этом следует помнить, чтобы действительно понять направление и события венгерской революции.

Итак, мы установили два факта:

Во-первых, вследствие деградации страны и общества революция была неотвратима.

Во-вторых, Советский Союз, оккупировавший Венгрию, не собирався устанавливать диктатуру пролетариата, и тем, что помог создать парламентскую республику, направил революцию в мирное русло, избежав той ее начальной стадии, которая обычно сопровождается кровавой анархией.

У последовавших затем событий было две движущие силы.

Первая находилась внутри самой Венгрии, где на место разложившегося общества и его обанкротившихся правителей пришли новые социальные группы, прежде не имевшие права голоса в управлении страной.

Второй была, собственно, оккупировавшая нас держава, желавшая, чтобы на ее западных границах царил прочный мир (в правомерности и справедливости этих требований не сомневались даже западные союзники), и приложившая все усилия, дабы к власти в Венгрии пришли миролюбивые силы, а не империалисты, не фашистские орды.

Цели и устремления обеих сил никоим образом не были направлены на то, чтобы, покончив с многолетней практикой псевдodemократического правления, воплотить мечту столетней давности о классической демократии, или взять за образец современные Великобританию и Соединенные Штаты.

Для революции, пришедшей на парламентскую скамью прямо с улицы, большинство правовых свобод, описанных Этвёшем и Салаи, оставались неприемлемы.

С введением, без всякой подготовки, правовых свобод, на волю вышли бы силы, с которыми невозможно было бы сладить. Одна из них – политическая правизна – могла рассчитывать на толпы сторонников павшего режима, на случай, если потребовалось бы их организовать и привести в действие. Подобно тому, как среди немцев по сей день многие, очень многие полагают, что при Гитлере было гораздо лучше, у нас жировавшие в последние двадцать лет преисполнены верой, что канувшая в минувшее эпоха всем была хороша: они сытнее ели, богаче жили. Со стороны нынешнего руководства было бы непростительной наивностью думать, что эти люди ни с того ни с сего смирятся с падением уровня жизни, начавшимся еще в дни осады Будапешта, и станут искренними сторонниками нового строя. Такие краеугольные камни западной демократии, как свобода прессы и собраний, превратились бы в их руках в оружие, применяемое с бессмысленной целью вернуть прошлое, точнее: оживить полурасложившийся труп. Сходную угрозу представляло бы немедленное введение правовых свобод и для противоположного лагеря: в новых условиях самая левая партия – приспособляющиеся к парламентской жизни коммунисты – неизбежно объединилась бы с еще более радикальными силами, которые беспочвенными обещаниями и предъявлением жупела пролетарской диктатуры легко перещеголяли бы их.

Революции, о чем ясно говорили меры, предпринятые в Дебрецене, следовало отмежеваться как от правых, так и от левых попутчиков, чему и служило частичное ограничение правовых свобод. То, что пока и речи не было о свободе личности и защите от не санкционированного судом ареста (впрочем, этого не наблюдалось и в годы войны, когда скорее царил правовая незащищенность), тоже было неизбежным следствием революции и того, что ей предшествовало. Революция с самого начала по своему усмотрению предавала суду и осуждала политических и самых разных уголовных преступников, разбойников, рецидивистов

и т. п. Попытались было ввести действовавшие по законам революционного времени народные суды, но было очевидно, что в вопросах свободы личности возврата к действовавшей в принципе с 1867 г. либеральной практике не будет. К этой работе были привлечены люди, у которых душа носила следы глубоких ран. Это время, когда все менялось с калейдоскопической быстротой, но страшные воспоминания о дне вчерашнем были по-прежнему сильны, оказалось неподходящим для самой главной из человеческих свобод – торжества свободы личности.

Все это было не принципиальной позицией, а, согласно исторической логике, следствием недавнего прошлого, и расчищало место правовым свободам постепенно, по мере упрочения достижений революции. Однако были такие сферы государственной и экономической жизни, в которых ради создания нового общественного устройства необходимо было, и не только на время, отклониться от западной демократии. В этих сферах внутренние интересы Венгрии были такими же, как в случае Советского Союза, желавшего обезопасить свои границы.

Воинственная политика тогдашнего венгерского правящего класса, его преклонение перед Гитлером, бесчеловечный антисемитизм сошли со сцены, и революции, которой теперь не было альтернативы, требовалось закрепить эти перемены, придать им институциональный характер. СССР имел сходный интерес: освободить страну от фашистских элементов, которые в любой момент могут инициировать агрессию, направленную на русскую землю. Самым действенным инструментом таких социальных преобразований стала земельная реформа, проект которой разработало правительство в Дебрецене, а национальное собрание придало ему форму закона.

Земельный вопрос вновь со всей очевидностью показал, что упорно отвергавшаяся реформа, в конце концов, ведет к революции, к радикальным решениям. Нет необходимости вновь перечислять здесь те статистические данные, которые доказывают, сколь непропорциональным и нездоровым было прежнее распределение земельной собственности, о чем сторонники земельной реформы, многие талантливые представители моло-

дой интеллигенции, твердили денно и ночью. Как и у венгров, в Польше и Румынии распределение земельной собственности проходило с не меньшими издержками, но ни румынское, ни польское крупное землевладение не располагало сопоставимым с венгерским политическим и общественным влиянием. Земельная же реформа, которую можно было еще до Второй мировой войны провести так, чтобы крупное землевладение не стинуло, даже не потеряло бы, возможно, части своего политического влияния, более того, могло бы рассчитывать на некую компенсацию, в революционном вихре перестала носить экономический характер и превратилась в чисто политический, социальный вопрос. Цеплявшийся за прошлое, прежде всего за неприкосновенность своих 1000 хольдов, класс крупных землевладельцев не мог больше апеллировать к экономическим доводам, например, что они, а не мелкие земельные собственники, являются главным производителем аграрной продукции, что их усилиями ведется селекция сельскохозяйственных растений, и, если не станет их, в отсутствие экспортных поступлений государственная казна опустеет и страну ждут банкротство и голод. В условиях революции это уже никого не интересовало, хотя, возможно, руководство прекрасно понимало, что передел крупной земельной собственности неизбежно повлечет за собой существенное снижение производительности как с хольда, так и в масштабе страны. Так и произошло. Вопрос перестал быть экономическим, превратившись в социальный и политический. Революция требовала общественных реформ, коренных преобразований, которые навсегда покончили бы с монополией крупного и среднего землевладения и путем передела земельной собственности обеспечили бы существование как можно большему числу малоземельных и безземельных крестьян. Вместо земельной реформы, проведения которой избегали не одно десятилетие, мы получили настоящий передел всей пригодной для ведения сельского хозяйства земли, с производственной точки зрения – по крайней мере, на первых порах – совершенно иррациональный передел с отложенной на неопределенный срок символической компенсацией прежним собственникам. Но таким образом была достигнута социально-

политическая цель. Среднее и крупное землевладение было полностью раздроблено, прекратило свое существование, и таким образом сбылась мечта Ласло Салаи и его единомышленников: освободить общинную и комитатскую администрацию от засилья аристократии. Конечно же, другое требование тех мыслителей – свободная община и свободный комитат – так и осталось невыполненным, ибо для этого необходимо было не только лишить влияния аристократию, но и воспитать политически грамотное крестьянство, а в этой области за последние сто лет не сделали ровным счетом ничего. Новое руководство осуществило реформу, как это принято в дни революции, энергично и в спешке: новые мелкие хозяева сами отмерили себе наделы, не прибегая к обязательной в таких случаях помощи земельных инженеров, и соответствующие изменения в кадастр были внесены с большим опозданием. В то же время статьи земельного закона и последовавших за тем подзаконных актов, принятые в интересах бывших собственников, повсеместно нарушались, «господа» были вынуждены покинуть свои усадьбы и дворцы, поскольку, лишившись земельной собственности, все равно не были в состоянии их содержать. И все-таки революционные преобразования, обретение крестьянами земли, не сопровождались кровавыми событиями, подобными тем, что разыгрывались в дни Великой французской или Октябрьской революции. Лишившиеся собственности аристократы и крупные земельные собственники тоже проявили благоразумие: они не эмигрировали, чтобы подстрекать против новой власти. Эмигранты, которые по окончании войны отторгли революцию и оставили страну, были в большинстве своем буржуазного происхождения, причем многие сами принимали активное участие в революции. С них было достаточно перемен, они спасали свое материальное благосостояние и не хотели отказываться от своих буржуазных профессий. Та молодежь, что уже в 30-е годы поддавалась моральному разложению, не исправилась и под воздействием великого вызова судьбы, но о большинстве можно сказать, они не искали лучшей жизни и смогли сохранить человеческое достоинство перед лицом невзгод. Они не оторвались от нации.

Хотя находившаяся в руках церкви земельная собственность не шла ни в какое сравнение со светским землевладением, с политической точки зрения ее сохранение или передел влекли за собой не менее важные последствия. Католической церкви, владевшей подавляющим большинством церковной собственности и причислявшей к своей пастве две трети населения страны, было не все равно, что станет с церковным имуществом, предназначение которого заключалось в служении религиозным, общинным целям. Действительно, еще после Первой мировой войны можно было встретить все больше добрых католиков, которые уже не разделяли барочных представлений о главенстве церкви и не считали необходимым, чтобы епископ, закрывшись в своей подобной средневековому замку резиденции, допускал к себе паству только при соблюдении всех старинных церемоний и разъезжал по улицам города исключительно в карете, запряженной двойкой лошадей, не желая ходить пешком. Молодой Оттокар Прохазка, отправившийся в начале века в свою резиденцию пешком, с зонтиком в руке, не встретил большого числа сторонников. Однако многие верующие считали анахронизмом, не имеющим отношения к подлинной религиозности, уже не только холодную помпезность, но и лежавшую в ее основе крупную земельную собственность. Здесь особенно впечатляющим был пример французской католической церкви, которая, лишившись своих владений, пережила подлинный ренессанс не только католической мысли, но и религиозности. Многим стало даже казаться, что для подобного восхождения в чистые духовные сферы нужно было сначала освободиться от пут крупного землевладения. Все это ясно видел известный своим праведным образом жизни и в то же время украсивший свою богатую епархию храмами, монастырями и церковными институтами вацский епископ Иштван Ханауэр. Именно он впоследствии сожалел, что венгерская революция 1918 г. не отняла у церкви собственности. В то же время ни клир в целом, ни большинство верующих католиков не пришли к подобным убеждениям, объяснением чему служат те связи, которые в эпоху Хорти соединяли церковь и паству с государством.

До Первой мировой войны экономическая и социальная программа католической народной партии была прогрессивнее, чем политика стоявших у власти либералов. Под воздействием событий 1918–1919 гг. партия распалась, и те из ее идеологов, что остались в политике, отошли на второй план, проиграли уже потому, что в отличие от хортистов сохранили легитимистские убеждения. В стране не стало католической политики, а если она и была, даже впоследствии набрала силу, то партия имела сторонников исключительно в Будапеште, а ее председатель Карой Вольф был тесно связан с контрреволюцией, даже возглавлял контрреволюционное, антисемитское тайное общество. Руководимую им партию, идеи которой все глубже проникали в провинцию, по духу никак нельзя было назвать подлинно католической, и не только потому, что они заявляли о неприкрытой, дикой ненависти к евреям, но и потому, что со временем все больше брали у гитлеризма, своей политикой способствовали распространению, даже воплощению гитлеровских идей. В руководстве партии не было иерархов церкви, но епископат, едва ли имевший влияние на политику партии, не отрекся от нее, да и не мог отреститься, ведь гитлеризация поначалу протекала не открыто, а через членов тайных обществ. С другой стороны, будучи «католической партией» Будапешта, она всегда могла выступить на защиту интересов церкви, понимаемых как старые, отжившие барочные притязания, которые партийные бонзы весьма комично пытались совместить с гитлеризмом. Внутренне им удалось получить на свою сторону большинство верующих, как, впрочем, и клира, тем, что для удовлетворения религиозных потребностей паствы инициировали возведение в Будапеште большого числа храмов.

Если не знать, каким было католичество во второй половине XIX в., можно было бы удивиться, как такая идеология в течение двух десятилетий могла казаться католической и даже – с помощью партийной политики и католических институтов – оказывать влияние на венгерский католицизм. В конце прошлого века католические слои городского населения, а вместе с ними и интеллигенция, были католиками лишь номинально, в лучшем

случае ходили в церковь, под запоздавшим влиянием выхолащивавших веру Просвещения XVIII в. и йозефинизма начала XIX столетия. Из этого прозябания католицизм пробудился к жизни с началом так называемой церковно-политической борьбы на рубеже веков и созданием национальной партии, но и тогда вера в одночасье не стала глубже, просто политика оживилась и приняла католическое обличье. Личная религиозность у среднего класса возрождалась усилиями малочисленных священников-энтузиастов, сначала иезуита Томчани, потом, словно луч солнца на пасмурном небосклоне, Оттокара Прохазки. Именно они, а также их единомышленники и ученики показали венграм и венгеркам, как не просто внимать привычным и надоевшим проповедям, но приобщаться к таинствам, искать Бога и подчинять этой цели свои действия. Несомненно, влияние этих пастырей было сильно лишь в интеллигентских кругах, рабочие его практически не испытали, а крестьянство по-прежнему жило во многом формальной, но довольно традиционной религиозной жизнью, которая мало чем отличалась от интеллигентского безразличия. Однако ни епископ Прохазка, ни его сподвижники не были политиками: они вели души к Богу, но в повседневной жизни и в политике не могли, да и не хотели искать верного католического пути для личной религиозности. Сам епископ впоследствии горько корил себя за сотрудничество с контрреволюцией.

В самом деле, контрреволюция и ее бесчеловечные тайные общества, примерив христианскую личину, легко смогли завоевать интеллигенцию, которая если и стала чуть более религиозной, в политических вопросах оставалась пугающе неопытной, поэтому бездумно последовала за христианскими лозунгами, выдвинутыми «христианской партией» – партией Кароя Вольфа. Случилось так, что по мере роста популярности Гитлера все больше правоверных католиков полагали, будто повинуются своей церкви и ее земному главе; к тому же сердца их переполняла ненависть, жажда мести и жадность, ибо тех, кто не был членом их партии, или не верил в Гитлера, они объявляли вне закона, и потому отказывали в гражданских свободах, не возражали против лишения тех собственности, свободы и жизни.

Христианское поведение и частые пожертвования церкви мирно соседствовали с тем одичанием на политической сцене, когда не было такого зла, которого не пожелали бы врагу, а потом хладнокровно, даже заинтересованно наблюдали за глумлением над невинными согражданами. Такой образ мыслей, даже если не всегда в столь крайней форме, не получил бы распространения, если бы часть католических организаций, прежде всего церковная пресса, не попала под влияние партии Вольфа, о чем красноречиво свидетельствуют страницы ведущей католической газеты. Однажды, еще до войны, я указал на непоследовательность политики этого издания одному из ее главных редакторов, который доверительно прошептал мне в ухо, что для подписчиков старшего поколения он заказывает антигитлеровские статьи, но уже на следующий день для их сыновей, не разделяющих взглядов родителей, поручает написать статью, восхваляющую Гитлера. То течение в венгерском католицизме, что шло в фарватере партии Вольфа, завоевало большинство интеллигенции и в моральном плане уже ничто не могло его спасти; в последнее время это стало очевидно многим, например духовному лидеру этого течения Беле Банге, который незадолго до смерти говорил о необходимости создать новую католическую газету, способную противостоять гитлеризации страны. Та же самая мысль прозвучала в дни войны в меморандуме, подписанном несколькими независимыми политиками, аристократами и профессорами, руководителями католических обществ обоого пола, где архиепископа эстергомского предостерегали: если пресса и руководство организацией продолжат такую агитацию, то в будущем, когда Гитлер со всей очевидностью потерпит поражение и левые силы в стране получат распространение, церковь окажется серьезно скомпрометированной. Между прочим, подписавшие меморандум считали постыдным, что под видом католицизма распространяются языческие и антихристианские идеи и методы Гитлера.

Однако влияние партии Вольфа, которое на собрании в столице не раз, рядясь в католические одежды, проявлялось в злостных антисемитских нападках, к счастью, не было настолько

сильно, чтобы во времена испытаний, наступивших с нацистской оккупацией, овладеть умами широких слоев населения. В дни преследования евреев католические миссии и монастыри иезуитов, цистерцианцев, лазаристов и т.п. стали прибежищем, где монахи, часто рискуя собственной жизнью, спасали евреев, не обращая внимания на то, христиане они или иудеи. Монахини в большинстве своем горячо и бесстрашно следовали заветам Христа. Эти мужественные и самоотверженные люди доказали в те трудные дни право венгерской церкви именоваться католической, в их числе руководители Союза Святого Креста, калочайский архиепископ граф Дюла Зичи, Йожеф Алмаши, отец Яноши, отец Кёлер, среди мирян – Йожеф Каваллир. Епископы Дьера, Чанада и Кашши противились созданию гетто в своих городах но, в конце концов, были вынуждены уступить грубому давлению. Однако массы были заражены расовыми теориями и поддерживали их претворение на практике, начавшееся при правительствах Стойяи и Салаша. Поклонники Гитлера умело играли на подобных ожиданиях христианских масс: партия скрещенных стрел делала вид, что согласует свое учение с христианством, представители ее посещали религиозные мероприятия, заказывали мессы за успех своих начинаний, но, впрочем, в большинстве церквей и монастырей получали отказ. Примас венгерской католической церкви, благочестивый и благонамеренный человек, был к тому времени серьезно болен; он и раньше вел уединенную жизнь книжника и, став примасом, не ориентировался в интригах и заговорах современных политиков, так называемых барских забавах, на смену которым пришла грубая ложь нилашистов. Он ясно видел приближающуюся угрозу нового язычества, и, будучи знакомым со мной как руководителем летнего университета в Эстергоме, всячески поддерживал меня в противостоянии гитлеризму. Его попытки просвещать паству по всей стране с церковных кафедр были загублены лживыми обещаниями и бездеятельностью правительств. Протестантская паства была не лучше и не хуже католической, в их руководстве были те, кто не по убеждению, но под давлением обстоятельств молчал или молча одобрял, но были и благородные души.

Так или иначе, в момент великого поворота у каждой из христианских конфессий была возможность признать новые демократические силы, а возможно, и примкнуть к ним. Для этого не нужно было отказываться от прошлого, потому что в принципе они не одобряли творившегося в недавнем прошлом. Но как предвидели еще авторы упомянутого выше меморандума, в новом мире было необходимо вдохнуть веру в то, что церкви не станут поддерживать тех, кто вновь попытается толкнуть страну на опасный путь. Единственной естественной гарантией этого казалась смена руководства церковной прессы и организаций: сместить тех, кто делами или помыслами поддерживал недавнее прошлое и на их место поставить католиков, которые себя не запятнали. Скажем, таких, какими были в большинстве своем французские католики, едва ли не все бельгийские, голландские и английские католики, или епископ Фаульхабер и последователи других героически сопротивлявшихся немецких епископов. Подобных тем, о ком думал принявший мученическую смерть дьерский епископ барон Вилмош Апор, когда с оставшимися в живых сподвижниками разработал план, по его мнению, с католической точки зрения жизненно необходимых преобразований. Полное изменение и демократизация прессы, сходным образом радикальная замена всего руководства работающих с паствой церковных организаций и, таким образом, отказ от попыток возрождения павшего режима и разворот к демократии. Этот план, насколько мне известно, поддерживал примас Шереди и собирался, как только страна сбросит с себя иго нацизма, претворить его в жизнь. К сожалению, ни он, ни дьерский епископ, ни другие известные католики, которые давно снискали заслуженное уважение, например граф Дёрдь Сечени и Йожеф Алмаши (написавший обращенную против гитлеризма книгу о десяти заповедях) не дожили до освобождения и претворения этих планов в жизнь.

Все эти планы так и остались благими пожеланиями. Новые люди, пришедшие к власти в дни перемен, не поверили фактам, что – какие бы изменения ни происходили в политическом руководстве католическими массами – во главе церковных организа-

ций, ведущих с верующими административную и политическую работу, остались прежние люди, если они, конечно, не были оголтелыми сторонниками Гитлера и не совершили уголовно наказуемых деяний. В изменившихся условиях способность не вступать в ненужные конфликты с новой властью зависела исключительно от личной гибкости и слишком поздно восстановившейся остроты зрения. Однако закостеневший в своей неизменности венгерский католицизм, которому в силу описанных выше причин тогда не удалось своими силами сплотить против гитлеризма широкий фронт, не казался в новых условиях надежным партнером, и случилось так, что последовал раздел всего крупного епископского землевладения без каких-либо серьезных предварительных консультаций с самой Церковью. В то же время в двух других странах, где, как и у нас, церковные владения были обширны и внушительны, где социальные и экономические преобразования проводились на тех же принципах, что и у нас, в свою земельную собственность церкви оставили в руках прежних хозяев. Польская и румынская церкви были по-прежнему крупными земельными собственниками, венгерская же утратила всю свою землю. Здесь, вне всяких сомнений, известную роль сыграло и то, что наша церковь, пока была крупным землевладельцем, не укоренилась в народе настолько глубоко, чтобы ожидать с его стороны поддержки, как две упомянутые иностранные, хотя именно ради этого прочного укоренения давно была бы необходима реформа церковного землевладения. Сейчас, когда Церковь лишилась собственности в результате революционных преобразований и ее земля перешла в руки прихожан из числа крестьян, открывается возможность стать ближе к верующим, или, как сказал один иерарх по случаю экспроприации церковной собственности: «Слава Богу, церковь освободилась от этого груза». Впрочем, одновременно перемены поставили Церковь в довольно сложное положение. Разнообразные, довольно многочисленные школы, благотворительные учреждения, монастыри, церковнослужители в целом лишились средств к существованию в тот момент, когда в стране не было собственности, доходами от которой можно было бы поддержать этих людей. Секуляри-

зация во Франции протекала совершенно по-иному: в богатой капиталистической стране пожертвования от верующих с лихвой перекрывали то, что забрало себе государство. У нас после экономического краха не было источника, из которого можно было бы выделить средства, а политизированная религиозная жизнь последних десятилетий заметно поубавила готовность населения жертвовать церкви. Наши монахи и монашенки героически поддерживали в этой в одночасье обедневшей стране свои заведения.

Передел земельной собственности выбил у крупного землевладения почву из-под ног в законодательной сфере – не стало никакой нужды в сохранении верхней палаты парламента («палаты лордов»), тем более, что новые люди во власти сделали правильный вывод из того, что регент Хорти в свое время изгнал из страны короля: новое государство стало республикой, хотя и не народной республикой, возможно, чтобы избежать воспоминаний о 1918 году, или чтобы народная республика не ассоциировалась с советской формой государственности. Но аристократия и церковь лишились влияния как в центральном правительстве, так и в провинции, где не только уплыла из их рук земельная собственность, но и высвободилась часто напрямую от них зависимая сельская интеллигенция, уездные чиновники, учителя. В провинции стало возможным провести административную реформу, что было не так-то легко и, как полагают многие, не удалось и по сей день.

Между тем, ведя речь о потенциальных союзниках фашизма, необходимо упомянуть средний класс, который новая власть тем более стремилась отеснить, что, как мы видели, подавляющее его большинство оказалось так или иначе виновным в распространении гитлеризма. В рядах этой интеллигенции к концу войны наблюдались разброд и шатания. Особо скомпрометировавшие себя личности покинули страну вместе с немцами и, прослышав об установлении нового порядка, не спешили стройными

рядами вернуться в Венгрию. Среди них были офицеры, политики, чиновники, журналисты-нилашисты, от которых стране таким образом удалось избавиться. Большинство левентовцев и иной оболваненной молодежи уже вернулось домой. Те, кто остался на родине, лишились – подобно крупным землевладельцам – всякого влияния. С гибелью армии и генералитета страна освободилась от самых опасных и вредоносных руководителей гитлеровского толка. Большинство среднего класса составляло чиновничество, но также представители свободных профессий в городах и упомянутые выше категории интеллигенции в провинции, многие из которых ушли со своих должностей и в конце войны владели жалкое материальное существование. Пока порядок в стране восстановился, а право собственности вновь обрело законную силу, уровень жизни среднего класса упал в доселе невиданных масштабах: во время инфляции интеллигенция, элита работников умственного труда боролась с голодом, холодом и отсутствием привычных примет прежнего образа жизни. Новая государственная власть попыталась было предать суду представителей среднего класса, скомпрометировавших себя сотрудничеством с фашистами, очистить от них ряды чиновничества, однако проверки, перепроверки и особые списки не дали результатов хотя бы по причине давно укоренившегося у нас протекционизма: ведь интеллигенция и правительство были слишком тонким слоем, там все были знакомы со всеми и легко находили покровителей. Новой власти не помогло и то, что она состояла не только из среднего класса, потому что новые люди были ставленниками партий, а затесаться в партию, по крайней мере, на первых порах, было, как правило, довольно просто. Достаточно было в нее вступить. Посему, даже после всех проверок, многие недостойные чиновники сохранили свои посты, но встречались и такие, которых можно было оставить на прежних должностях. В результате финансово подорванный средний класс вновь стал управляемым, подчинился по своей старой привычке государственной власти, и если той удалось произвести впечатление сильной руки, то среднего класса можно было бояться не более, чем крупных землевладельцев.

Крупный капитал не симпатизировал прогитлеровским правительствам, в особенности двум последним кабинетам Д. Стойяи и Ф. Салаши. В этом он, как я упоминал выше, инстинктивно следовал за аристократией. Но поскольку после войны речь шла о демократии, которая в первую очередь защищала интересы пролетариата, что, понятно, не было по вкусу центрально- и восточноевропейскому капитализму, от крупного капитала следовало ожидать в первую очередь враждебности. На первых порах это еще не было очевидно, предприниматели, изгнанные предыдущим режимом, вернулись на родину и вступили в одну из партий правительственной коалиции. Борьба с ними окажется в повестке дня позднее.

Остаются промышленные рабочие и крестьянство. По логике вещей после революции власть должна была бы перейти в их руки. Не будем забывать, что Великая русская революция победила только при их поддержке, сметя со сцены истории прочие социальные классы. Такое же положение сложилось у нас после войны: не было другого класса, способного вывести страну из банкротства и голода. Поэтому у нас в решающий момент и не было необходимости в пролетарской диктатуре; вопрос заключался в том, как сохранить единство и совместное господство этих двух классов при парламентской форме правления, которая в условиях сохранения всеобщего избирательного права могла бы попасть в руки лишившихся власти классов.

По этой причине проводились разные эксперименты по корректировке непредсказуемости парламентского правления. Таковым был институт национальных комитетов, ставший, возможно, первой попыткой политической консолидации, еще до создания правительства в Дебрецене, на территориях, освобожденных от немцев. Первые национальные комитеты, создававшиеся в деревнях и городах, состояли из тех, кого сами люди готовы были видеть в качестве руководителей. Впоследствии, но довольно рано, формирование национальных комитетов взяли в свои руки четыре-пять воссозданных партий, соответственно члены комитетов были членами этих партий и следовали их инструкциям. В своей начальной форме комитеты походили на советы

вождей, выросшие из племенных собраний, что открывало путь к «свободной общине»; впоследствии, однако, став собранием партийных представителей, вне всяких сомнений утратили свое значение, превратились в местные исполнительные органы отдельных партий, но и в таком качестве у них была своя роль: прекратить межпартийные распри, поддержать мир и представить деревенскому народу политику как коалицию, т. е. в духе новой демократии. Слабость их заключалась в том, что с возрождением парламентаризма и вступлением в силу принципа большинства голосов у многих комитетов не стало формального мандата, и выживали они только с согласия общины, да и того со временем могло не стать, что из-за нестабильности партийной жизни происходило повсеместно. Именно эта их старая конструкция и привязка к партийным интересам мешали комитетам обновляться на выборной основе. Несмотря на то что в национальные комитеты не раз хотели вдохнуть новую жизнь, удалось это пока только на более крупном, общевенгерском уровне.

Более действенным оружием в борьбе за поддержание новой демократии стали профессиональные союзы и производственные комитеты. Оба института объединяли в своих рядах промышленный пролетариат и обеспечивали ему решающее влияние в новой демократии. Возрожденные профсоюзы стали результатом соглашения двух рабочих партий, и потому они, как и стоявший во главе их Совет, стали общими органами двух рабочих партий. Как организаторы жизни заводских рабочих, руководители их политической деятельности, они обладали колоссальным влиянием. В отсутствие конкуренции и достойного противника они смогли бы, если только захотели, в течение одного дня парализовать жизнь в городе Будапеште. Однако во время коалиционного правительства такой цели не ставилось; помимо материальной и интеллектуальной защиты пролетариата основное внимание уделялось усилению его политического влияния. По этой причине Совет профсоюзов включали в состав городских национальных комитетов крупных промышленных городов; это было сделано с той целью, чтобы представитель Совета мог принимать участие в заседаниях комитета, тем самым

подтверждая, что беспартийный пролетариат живо интересуется, кто работает в той или иной организации, даже если это университетский факультет. Если я не ошибаюсь, предпринимались даже попытки обеспечить делегатам от Совета профсоюзов место, наряду с депутатами от округов, в парламенте. По мере того как это политическое направление развивается далее, нет сомнений, что профсоюзам будет придаваться все большее значение. За ними стоит реальная сила, и использование этой силы наверняка обязывает руководителей проводить ответственную и взвешенную политику.

Производственный комитет несколько отстает в развитии и не может похвастаться такими достижениями. Там, где у него были предшественники в лице хорошо организованных и прекрасно разбирающихся в специфике производства рабочих, в производственных комитетах ощущалась реальная потребность. Его деятельность, естественно, могла повлечь за собой столкновение с капиталистическим руководством заводов и с его капиталистическими взглядами, более того, поначалу, когда последнее еще не разобралось в ситуации, повсеместно так и происходило; сторонники старого режима заговорили о крахе промышленного производства и об анархии. Там, где трудился многочисленный, высокоорганизованный пролетариат, где профсоюзы и рабочие партии имели право голоса, порядок вскоре восстановился; это, естественным образом, сопровождалось увольнением ставленников капитала с руководящих позиций. Если производственные комитеты выработают принципы своей деятельности и начнут работать в их рамках, при поддержке государства, они начнут оправдывать свое назначение; с одной стороны, защищать интересы пролетариата путем строгого контроля над урезанной капиталистической прибылью, с другой стороны – наращивать производство в интересах национальной экономики. Не столь успешным оказались создание и деятельность производственных комитетов в учреждениях, которые можно отнести к сфере интеллектуального труда, где большинство сотрудников принадлежало к интеллигенции, державшейся старых норм и не желавшей объединяться с рабочими и служащими; пришедшие

же с производства рабочие и служащие, проявляя классовую бдительность, на первых порах не допускали интеллигенцию в эти комитеты. Тут после бурных первых месяцев дела стали постепенно налаживаться, и когда эти учреждения вернулись в свой рабочий ритм, выяснилось, что руководить больницей должен профессор медицины, иначе она перестанет выполнять свое назначение, и тогда производственные комитеты там несколько уняли свой пыл. Так или иначе, в большинстве своем государственные учреждения, переживающие сегодня не самые легкие дни, в будущем, при поддержке профсоюзов, смогут рассчитывать на помощь и даже симпатию промышленного пролетариата.

Государственную политику и, в частности, деятельность парламента, определяют, по сути, политические партии, а их коалиция является движущей силой жизни в стране. Изначально в коалицию входило пять партий, после недавних национальных выборов – четыре, хотя на деле все решает независимая партия мелких хозяев – партия большинства, и две рабочие партии. Деятельность коалиции в период между двумя национальными выборами сопровождалась постоянными кризисами, которые так и не удавалось разрешить. Конечной целью двух рабочих партий, в соответствии с учением Маркса, было уничтожение капитализма и буржуазного строя. Между тем партия большинства представляла не только равнодушное к вопросу существования или исчезновения капитализма крестьянство, но и ту буржуазию, которой привили капиталистическое мировоззрение, и она не собиралась от него отказываться. С самого начала над коалиционным правительством витала угроза не только кризиса, но и окончательного распада, грозившего национальной катастрофой, и сегодня, оглядываясь на годы между двумя национальными выборами, – я пишу эти строки в конце августа, за месяц до выборов, – нам следует признать необходимость и полезность этой коалиции для страны. Ответом на постоянные кризисы становились постоянные новые компромиссы, и их отличительной особенностью было то, что партия большинства, представляющая интересы буржуазии и зажиточного и среднего

крестьянства, шла на уступки двум рабочим партиям. Проявить несговорчивость и взять бразды правления в свои руки, отстранив рабочие партии, было нельзя. Это означало бы, без преувеличения, открытую борьбу города с деревней, когда пролетариат пришел бы к власти в Будапеште и других городах, а у партии большинства не оказалось бы достаточно жесткой организации, способной мобилизовать крестьянские массы на защиту своих интересов. Отсюда становятся понятными уступки, на которые партия большинства, отходя от положений собственной программы, шла в отношении меньшинства, главным образом в вопросах частной собственности и в интересах буржуазии, но также в деле гражданских свобод. Конечно, будь партия большинства социально однороднее, а ее руководство искуснее и дальновиднее, она смогла бы своевременно избежать кризисов и добиться многого, не дожидаясь, когда обстановка накалится.

Из коалиционных кризисов рабочие партии выходили раз за разом лишь сильнее, но и их руководству приходилось вести себя осторожно и по этой причине призывать своих сторонников к соблюдению жесткой дисциплины. Обе рабочие партии, пусть разными путями и не одновременно, но преследовали одинаковые цели, полное достижение которых стало делом отдаленно-неопределенного будущего в тот самый момент, когда был восстановлен парламентский строй, соответствующий западным демократическим стандартам. Членов коалиции нельзя было сравнить с пассажирами, которые сели в один и тот же вагон, чтобы раньше или позже сойти с поезда там, где нужно каждому. Из коалиции, поскольку она была вынужденной, выйти было нельзя. И потому даже тем, кого вполне устраивало направление движения, приходилось сдерживать и себя, а в особенности своих сторонников и пролетарские массы, ждавшие от революции гораздо большего, чем получили на деле. В первый голодный инфляционный год именно рабочим партиям удалось добиться той дисциплины, с которой трудящиеся взялись за изнурительный труд по разбору руин и нормализации жизни в стране. Оглядываясь назад, мы не можем не признать: когда в рядах интеллигенции многие сомневались, можно ли возродить

эту страну, и искали щели, через которые перебраться в края, не знающие ужасов войны и предлагающие все соблазны капиталистического мира, промышленный пролетариат, все как один, чувствовал и доказывал делом – «больше тебе нигде места нет». В зимние холода они – плохо одетые, окоченевшие и оголодавшие – восстанавливали дороги и мосты, отстраивали заводы и фабрики. Потери крестьян-земледельцев в конце войны тоже были существенными, но взамен они получили то, что им полагалось – землю, а значит, и залог улучшения благосостояния. Еще больше пострадал средний класс, потеряв ведущие позиции в обществе, многие, действительно многие, лишились недвижимости, а также своих безделушек-побрякушек; в дни инфляции все они голодали, но этот еще недавно в большинстве своем разделявший гитлеровские взгляды средний класс после смены общественного строя стоял, как хмельной, не в силах принять решения. Только благодаря промышленным рабочим начались необходимые для возвращения к нормальной жизни процессы налаживания производства и восстановления страны, так что постепенно в нас стало крепнуть чувство уверенности и отваги. Пролетариат этим своим поведением доказал свой патриотизм и добыл право направлять и действительно контролировать новую жизнь.

Рабочие делали то, чего от них требовало руководство двух рабочих партий. Здесь следует подробнее остановиться на роли коммунистической партии. Большинство ее лидеров вступили в нее давно, еще до революции 1919 г., и с тех пор, побывав в Германии, Франции, сражаясь в Испании, овладели мастерством, или искусством руководства и управления, которое со времен Ленина развили и внедрили советские люди. С этим опытом и навыками они тут же взяли в свои руки дело возрождения страны, выработали рациональный план и стали его придерживаться. Они извлекли урок из поражения большевиков в 1919 г., уже не заикались о национализации крупного землевладения, о создании колхозов, а стали, напротив, движущей силой полной раздачи земельной собственности, чем, как мы видели, в одночасье уничтожили господствующий класс старого режима, с

другой стороны, они уклонялись от конфликта с церковью, не позволяли себе антирелигиозных высказываний, памятуя о том, как в свое время огосударствление крупного землевладения и неприкрытый антиклерикализм стали главными причинами краха революции и триумфа контрреволюции. Они считали своим долгом удерживать сторонников партии от радикальных шагов, пытались расположить к себе средний класс, создав для его отдельных категорий собственные профсоюзы. Участвовали в этом и социал-демократы, с одной стороны, ставшие вместе со своими старыми, проверенными сторонниками инициаторами восстановительных работ, с другой стороны, – постоянно используя свои связи на Западе – повсеместно добивались столь необходимого понимания особого пути Венгрии.

В то же время именно их задачей как партии левого толка стала забота о сохранении направления развития, чтобы оно случайно не свернуло туда, где Венгрия уже однажды бесславно оканчивала свой путь. С самого начала было ясно как день, что обессиленная «реакция» сейчас обратится за помощью к западным демократиям, чей либерализм служит прибежищем для любого дискредитированного течения. Коммунисты, напротив, пытались направить развитие демократии по восточно-европейскому пути, железной рукой боролись с недавним прошлым, в том числе опираясь и на полицию, которую контролировали с самого начала, не говоря уже о подготовке применимых на нашей почве преобразований в экономической и социальной области по образцу восточноевропейских демократий.

Обрисовав, как все начиналось, я перейду к описанию путей дальнейшего развития, но сначала попробую – издали, весьма схематично – воссоздать облик нового великого соседа, без которого нельзя представить себе нашу дальнейшую историю.

IV. НОВЫЙ СОСЕД

С окончанием войны оккупированная страна автоматически потеряла возвращенные ей после Трианона территории, между нами и нашими прежними соседями – чехословаками, австрийцами, югославами и румынами – вновь пролегли трианонские границы; и все-таки одно важное изменение произошло: Чехословакия передала свои восточные области Советскому Союзу, который включил их под именем Закарпатской Украины в административное управление Украинской ССР со столицей в Киеве. Так впервые со времен Средневековья Россия стала нашим непосредственным соседом.

Однако между двумя Россиями есть существенная разница! Наш средневековый сосед, древнерусское государство, представляло собой множество возникших на обломках великой Киевской Руси мелких княжеств с их погрязшими в распрях, хотя и находившимися в тесном родстве правящими домами, с которыми Арпадовичи тоже не раз вступали в династические браки; это были не связи между венгерским и русским народами, но контакты между государями, и если какого-нибудь русского князька свергали с трона собственные родственники, он бежал к венгерскому двору и просил о помощи, в которой венгерский король, повинувшись чувству перенятого от малых славянских народов родственной любви, не смел отказать. Венгерские короли так часто ходили войной на сопредельные земли, которые по-венгерски называли Галичем, Лодомерией, так что даже город Львов, в Австро-Венгрии известный как Лемберг, рано получил венгерское имя Иливо. Династические связи никогда не перерастали в общение между народами, венгерской знати не было дела до восточных соседей: однажды они пригрозили королю Иштвану II, вмешавшемуся в распрю русских князей на стороне родни, что отправятся по домам и предоставят ему защищать чужие интересы в одиночку.

Эти раннесредневековые венгерско-русские связи остаются в нашей истории второстепенным эпизодом. Тем значительнее факт, что в годы Второй мировой войны мы вновь вступили в контакт с великой Россией, в конце войны нас оккупировали русские войска; они уже не были вооруженными формированиями разобщенных малых государств и их правящих домов, это было самое мощное войско современного мира – Красная армия СССР. Чехословацкая, австрийская, югославская, румынская границы не изменились, за ними начинались всё те же, известные со времен Трианона государства, и тем более значимой представляется изменение нашей северо-восточной границы; где прежде находилась условно переданная Чехословакии и по этой причине забытая Прагой область с предоставленным самому себе национальным меньшинством, вдруг появился занимающий одну шестую часть суши Советский Союз с его властной машиной, невиданной ни в Средневековье, ни в Новое время. Едва насчитывающий 10 миллионов венгерский народ в одночасье получил в соседи 200-миллионное великое славянское государство. Но не только цифры приковывают внимание к переменам на наших северо-восточных рубежах. Наш новый сосед – это тот, на кого мы пошли войной, кто, собрав последние силы, изгнал со своей территории остатки наших войск вместе с армией фашистской Германии, занял Венгрию и по праву победителя продолжает ее оккупировать в соответствии с соглашением о перемирии и мирным договором. Суверенитет Венгрии на всем протяжении оккупации не был полным, но именно в это время нами были взяты обязательства, которые мы, проиграв войну, на годы вперед приняли перед Советским Союзом с согласия его англосаксонских союзников. Если оценить наше положение реалистически, придется признать, что наши малые соседи, те же Чехословакия и Югославия, а чуть дальше Польша, являются военными союзниками СССР, и даже если Красная армия покинула бы страну и удалилась за Карпатские хребты, что когда-нибудь произойдет во исполнение мирного договора, мы все равно останемся в капкане: с севера нас сдерживает Чехословакия, с юга – Югославия, на востоке – Красная армия.

Возможно, в наши дни не будет лишним упомянуть эту недавно созданную блоковую систему, которая представляет собой несравненно более сплоченную и мощную силу, чем в свое время Малая Антанта, – а в прошлом тоже было немало таких, кто, ставя политические цели или принимая решения, не учитывали соотношение сил или только делали вид, что учитывают.

Если же дела обстоят именно так, то нет сомнений: все наши прежние внешнеполитические представления, не принимавшие в расчет граничащий с нами Советский Союз, оказались беспредметными, неосуществимыми. В эпоху дуализма, когда прежняя Венгрия была большой, она находилась в тесной связи со столь же большой прежней Австрией; Первая мировая война разнесла в клочки оба союзных государства, но объединение двух соседствующих половинок, небольшой Австрийской республики и трианоновской Венгрии, еще долгое время оставалось политическим желанием или, по крайней мере, тайной мечтой многих. В хаосе, возникшем после Трианона, а также по причине несуразности большинства тогдашних диктаторских по своей природе государств Малой Антанты, что возникли в Дунайском бассейне, о таком еще можно было мечтать, но с тех пор как русские войска встали на кромке Альфёльда, у реки Тисы, об австро-венгерском, габсбургском государственном образовании можно рассказывать разве что в детских сказках, – если детям интересно об этом слушать. В эпоху Хорти, принесшую с собой давно отброшенные австрийские замашки, и слушать не хотели о венгерско-австрийских связях и куда больше говорили о союзе с Польшей и Италией. Были и такие, кто опасался ставки на альянс исключительно с гитлеровской Германией, потому выступал за создание оси Польша–Венгрия–Хорватия–Италия: им казалось, что так можно было защитить нашу государственную независимость от нападков немцев, чехов и Малой Антанты. Что стало теперь с такими внешнеполитическими построениями, перекочевавшими на страницы книг, где наряду с полной внешнеполитической безграмотностью можно порой заметить следы опасений за судьбы страны, сползающей в пучину гитлеризма!

Нельзя, исходя из раскраски географической карты, выбрать себе союзников по принципу, чей цвет мне больше нравится; такие игры взрослые люди могли себе позволить лишь до той поры, пока бассейн Дуная из-за царивших там страха, ненависти, зависти и взаимной неприязни действительно был бассейном анархии, где в любую минуту могло произойти все что угодно. С тех пор многое изменилось. Все стало более прочным и постоянным, не только во властной политике, но и в социальной и экономической сфере. То обстоятельство, что Дунайский бассейн и расположенные в нем государства стали соседями Советского Союза, поставило их в то же положение, что и государства-лимитрофы, расположенные от него к северу и югу. Венгрия находится теперь на той же протянувшейся от Финляндии до Болгарии линии, что объединила побежденных с сидящими за столом мирных переговоров победителями – чехами, поляками, румынами и югославами. Разница между победой и поражением в первую очередь стирается оттого, что все мы теперь соседи Советского Союза и отныне оказываемся в сфере его экономического и общественного влияния. Подтверждение тому со всей очевидностью дают недавние перемены, произошедшие в отдельных странах, но в этом и нет необходимости, все мы знаем направление развития и достижения в этом регионе, который сегодня часто – не без известного привкуса – стало принятым называть сферой советского влияния. На самом деле, речь идет лишь о комбинации последствий войны с неизменными географическими реалиями. Такое обширное, мощное и, позволю себе сказать, на фоне других государств так однозначно позиционирующее себя государство, как Советский Союз, волей-неволей оказывает воздействие на соседей, а на западных границах СССР сегодня действительно находятся только маленькие соседи. До сих пор мы полагали, что Арпад привел нас на Запад, навсегда отделив нас от тех восточных народов, среди которых мы доросли до независимой нации; – теперь мы знаем, что подобное утверждение правомерно лишь отчасти: нас вновь настигла Евразия, и мы вновь соседствуем с ее разноплеменными народами, не канувшими в Лету за про-

шедшие тысячу лет и проживающими за прочными границами Советского Союза.

Из всего этого проще простого сделать вывод о той модели поведения, которой нам следует придерживаться сегодня и завтра. Поздно вести речь о политике «качелей» между двумя могущественными соседями, ибо у нас остался только один сосед – Советский Союз; на Западе веками гордившаяся своею мощью Германская империя распалась и погрузилась в хаос, за чем последуют расчленение и частичное подчинение советскому влиянию. Кстати, о роли «моста» между Западом и Востоком. Не только потому, что «Восток» по мере продвижения на Запад уже перевалил за наш градус географической долготы, но и потому, что мы – всего лишь маленькая, едва различимая точка на полотне, которое, протянувшись с севера на юг, соединяет эти, без преувеличения, две части света. Кстати, Советский Союз выстраивает подчеркнуто ровные отношения со всеми странами, и в этой области ему посредники ни к чему. Мы можем выбросить идею моста на ту же свалку, куда уже навечно заброшены многие бессмысленные, порожденные манией величия, так и не нашедшие применения фразы из нашего политического прошлого.

Единственный возможный вывод – не что иное, как искреннее принятие ситуации и поиск такого поведения, которое позволит, завоевав доверие сопредельных стран, и, прежде всего, нашего великого восточного соседа, обеспечить мирное развитие Венгрии при новом и, по моему мнению, надолго установившемся соотношении сил. Ниже, в ином контексте, мы покажем, почему нам не удалось добиться подобного доверия в последние двадцать лет, здесь же лишь в самых общих словах обращу внимание только на два фактора, являвшихся решающими для начальной стадии венгеро-советских отношений: первый – это кризис доверия у венгерской стороны, что, впрочем, поправимо, второй – в устройстве и национальном составе Советского Союза, в его, так сказать, естественно-географической конфигурации есть все необходимое для того, чтобы вспыхнула искра доверия – гарант нашего мирного развития.

Рассмотрим сначала нашу сторону, где нам придется столкнуться с двумя очевидными фактами. Если мы этого не сделаем и спрячем голову в песок, то тем самым поставим под вопрос не только серьезность и правомочность наших рассуждений, но и вызовем у советской стороны сомнения в нашей искренности. Одно обстоятельство – это кровавые образы Советского Союза, на протяжении последних тридцати лет вживлявшиеся в сознание широких слоев населения и служившие в механизме «санитарного кордона» целям устрашения. Трудно определить в цифрах, торжество какой из двух революций – французской или русской – потребовало больших материальных и людских жертв. При подобном историческом анализе статистика не поможет, ибо речь идет о едва ли сопоставимых государствах и ситуациях. Франция в конце XVIII в. и Россия периода революции 1917 года разительно отличались друг от друга по численности населения и структуре. В обоих государствах не один год бушевала гражданская война, но если Франция в тех великих родовых муках смогла выстоять и иноземные войска не преумножили кровопролития на ее территории, то ленинской России, наряду с внутренним врагом, приходилось бороться с оккупантами. Нам еще крайне мало известно об этих двух сторонах в истории революции; о происходивших ужасах и зарождавшихся и крепнувших на их фоне новой жизни и новом человечестве мы, венгры, получили серьезное, глубокое, но, впрочем, художественное представление только из великого романа Алексея Толстого «Хождение по мукам». Когда-нибудь и русская революция получит своего Мишле, который в Нанте, поблизости от кровавой Вандеи, писал об истории террора 1793 г.: «Своей работой я погружаюсь в зиму и ночь. Вот уже два месяца свирепые порывы бури бьют в мое окно и сопровождают глубокими или завывающими голосами “дни гнева” 93 года. Для меня это звуки гармонии, которым следует внимать с благодарностью. Своим показным гневом, пронзительным свистом, задорным постукиванием града в мое окно они поведали мне о великой истине: то, что казалось смертью, было не смертью, но самой жизнью, грядущим обновлением».

Этот величайший знаток революции спустя полвека описал французские ужасы, и в своем повествовании через кровавые сцены, из которых историк не опустил ничего, он показал истекающий кровью народ, потому что на него обрушились бесконечные страдания, мучительная боль, нищета, причем тогда, когда для него действительно настали «дни гнева». Выдающийся историк откопал в архивах вдохновляющие и удручающие свидетельства о революции и тем самым пробудил в человеческих сердцах сочувствие к тому народу, которому суждено было пройти этот мрачный путь, дабы идущие следом смогли вновь видеть солнце. Сегодня русской революции исполнилось не пятьдесят, но тридцать лет, и в наши дни наверняка находятся те, кто сходным образом трактует ленинскую революцию и, как бы им ни было жаль революционных жертв, русских и французов, принимают упрямую реальность: из русской революции за тридцать лет выросло еще более крупное и мощное государство, чем из 1793 года – Франция XIX века.

Наша общественность долгое время не могла принять подобных рассуждений, не видела выросшей из революции новой русской жизни, а антисоветская пропаганда отняла саму возможность убедиться в фактах, в революционной русской жизни при советской власти. Эти устаревшие, но вновь и вновь использовавшиеся антисоветской пропагандой клише по сей день препятствуют подлинному пониманию и доверию к советской власти. С этим нельзя бороться с помощью контрпропаганды, только медленной, последовательной просветительской работой, которая должна быть не злобной, но высокомерной, презрительной или даже издевательской; не следует пересказывать бабушкины сказки или позволять себе возмущенные окрики. Время и соседство постепенно сделают свое дело. Нужно, чтобы как можно больше венгров увидели нового великого соседа, попробовали бы на ощупь его формы и познакомились с его человеческим, человеколюбивым народом.

Три последних слова подвели нас к другому препятствию, которое и по сей день мешает установлению более теплых, доверительных отношений. Нет нужды напоминать, что речь пойдет

о войне, о том, что происходило на нашей территории во время войны и некоторое время после ее окончания: здесь нет необходимости вдаваться в подробности, но обойти это молчанием нельзя. Имело место много такого, что трудно смыть и нелегко забыть. Подобные факты, и мы это знаем, советское военное руководство не одобряло и делало все, чтобы помешать, предотвратить, но, будем откровенны, шла война, безжалостная война, и не Красная армия навязала эту жестокость, а немцы и, признаемся, мы сами, пошедшие в их фарватере. Если вспомнить, как обращались контрразведка, военно-полевые суды и иные подразделения нашей армии с собственным народом, и не забывать о массовых убийствах, дунайских «кровавых банях» и прочих зверствах нилашистов, мы поверим в злодеяния, которые нередко те же самые офицеры совершали во время наступления и оккупации против русского народа, прежде всего на Украине. Отчасти они, отчасти другие, повинувшись собственным садистским наклонностям или, пусть, по приказу немцев и их приспешников. Всякий раз повторяется та же самая трагедия, слепое нарушение евангельской заповеди «чего не желаешь себе». Говорят, что в Венгрию вступили войска, которые, сражаясь с немцами от Кавказа до Дона и Днепра, окрепли и на освобожденной украинской территории пополнили свои ряды. Пополнили молодыми парнями, которые сполна вкусили кошмара немецкой оккупации и чьи семьи в большинстве своем не пережили и не дожили до освобождения. Не знаю, так ли это было, но ясно одно: венгерская операция с последовавшими затем уличными боями, где использовались самые жестокие и дикие формы ведения войны, могла бы сравниться по дисциплине с древнеримскими триариями. А после изнурительных боев настали месяцы бездействия, которые повсеместно оказывают на боевые части одно и то же действие... Русский народ не был жестоким, в нем есть немало добрых, дружелюбных людей, с которым оккупированное венгерское население не раз находило общий язык, чему любой из нас может привести пример. Поступки русских солдат во время боев были инстинктивными, как это случается с людьми, кто пролил кровь и не в состоянии себя контролировать, иными словами,

это были эмоциональные порывы, а не заранее и хладнокровно спланированные или садистски осуществленные массовые акции. Однако бесполезно повторять это людям, кто в сердцах своих хранит память о тех днях и месяцах, тут поможет только время, которое залечит раны и сотрет обиды. И даст возможность двум народам познакомиться друг с другом, начать жить в мире, как это уже бывало не раз: через привыкание к взаимному уважению и дружбе. И все-таки эти настроения последних двух лет следует отнести к факторам, затрудняющим сближение.

Далее на нескольких страницах без неприязни и непрерывного потока все новой клеветы, я хочу обрисовать венгерскому читателю государственное устройство нашего нового соседа, даже если рассказ о Советском Союзе «в двух словах» представляется делом безнадежным. Не будучи марксистом, я обращаюсь к таким же, как я, читателям. Впрочем, возможно, моим соотечественникам-марксистам покажется интересным то неизбывное стремление к человеческому достоинству и братской любви, которым уделяется столько внимания в трудах Ленина и Сталина. Посмотрим на это глазами простого обывателя, без высокомерного умничанья, государственных теорий и политической экономии.

Оставим в стороне и непреодолимые противоречия: восточноевропейскую и западноевропейскую демократию, политическую и социальную демократию, политическую свободу и социальное и экономическое равенство. Если посмотреть на государственное устройство СССР со стороны, трудно не думать о подобных противопоставлениях, особенно если идеализировать и считать нормой, каковой в природе не существует, нашу, западную, систему. В советском государственном устройстве нам самим не хватает демократии и свободы в общепринятом смысле слова, но мы при этом забываем, что в нашей собственной стране за полвека дуализма, в период созревания парламентской системы, у власти тоже находилось правительство, которое проводило политику, не соответствующую интересам большинства

Члены правительственной делегации Венгрии во главе с премьер-министром Ф. Надем на Красной площади. Москва, 13.04.1946 г. (РГАКФД)

Посланник Венгрии Д. Секфю подписывает протокол о сдаче на хранение правительству СССР ратификационных грамот мирных договоров с СССР, Англией и США. Среди присутствующих: В.М. Молотов, Н. Николов и др. Москва, 1947 г. (РГАКФД)

населения. Мы забываем, что не только в те годы, но и за двадцать лет правления Хорти (т. е. за семьдесят последних лет) правительство у нас – как, впрочем, и в Румынии – только однажды отправилось в отставку по результатам парламентских выборов. Иными словами, в ту демократическую эпоху четыре-пять сотен человек, пришедших к власти в условиях коррумпированной избирательной системы, правили страной посредством преданных им и короне министерств; и это мы называем демократией, парламентским избирательным правом, свободой создания партий, и это когда оппозиционные партии в принципе не допускались к формированию правительств. Имея за плечами такое прошлое, наши попытки выступать в защиту демократии и свободы при взгляде на Советский Союз представляются, по меньшей мере, странными! И подобные рассуждения применимы в отношении практически любой европейской страны, ибо французская, немецкая, испанская, итальянская, балканская демократия существуют в формах, которые ежемесячно и ежеквартально ввергают «демократическое» государство в кризисы, а каждые десять-двадцать лет ставят на грань катастрофы. Только от Советского Союза принято требовать соответствия идеалам демократии и гражданских свобод, которые встречаются лишь в книгах, в виде ученых постулатов.

Если проводить сравнение, то придется заранее отказаться от выискивания несовпадений с идеальными представлениями. Когда-то, сто лет назад, все взоры – и у французов, и у венгров – были обращены на американскую демократию, и только после объективного анализа все смогли осознать, как американский опыт может пригодиться в реформировании общественных отношений в собственной стране. Думается, что и сегодня единственно верным путем будет не оглядываться на западные образцы государственного устройства, но рассматривать процессы, происходящие на востоке Европы, как работу в интересах собственного народа.

Ленин и вслед за ним Сталин называли советское государство «демократическим государством нового типа», которое не похоже ни на одно другое государство, и добавляли, что это го-

Чрезвычайный и Полномочный Посол Венгрии в СССР Дюла Секфю, председатель Президиума Верховного совета СССР Н.М. Шверник, В.А. Зорин после вручения верительных грамот. Москва, 25.05.1948 г. (РГАКФД)

Чрезвычайный и Полномочный Посол Венгрии в СССР Дюла Секфю во время вручения верительных грамот председателю Президиума Верховного совета СССР Н.М.Швернику. Москва, 25.05.1948 г. (РГАКФД)

сударство создавалось и существует в интересах пролетариев и вообще беднейших слоев общества. Такая демократия, согласно Ленину, не может быть «полной», и в условиях пролетарской диктатуры не может распространяться на всех, в равной мере на бедных и на богатых. Таким образом, новое государство с первых дней своего существования решило проблему свободы и равенства: отказало в свободе богатым и попыталось путем возвышения бедняков достичь экономического равенства. Затем, естественно, последовал процесс уравнивания, при новом устройстве исчезла сама возможность эксплуатации, нетрудовых доходов, возрождения класса богатых, и сегодня ведется речь о том, как привести это бесклассовое общество к лучшей, более человеческой жизни.

Выходит, там и сейчас есть руководящий слой, потому что без него не может быть полноценного государства, только анархия. И если бы я хотел говорить научным или политическим языком, то процитировал бы здесь соответствующие статьи советской конституции, где точно описаны избирательные процедуры в представительные органы власти, а также институты, наделенные законодательной и исполнительной властью, избрание членов Верховного совета, Совета министров и пр. Я мог бы также рассмотреть вопрос, что все эти депутаты и ответственные работники рекрутируются путем прямых и непрямых выборов из народа, и правильно ли это, не предусмотрено ли на Западе для подобных случаев более полезных или справедливых принципов и практик.

Но в жизни людей и народных масс это не играет никакой роли. Важно другое: те, кто правит народом, трудятся во имя народа; и нынешнее руководство, стареющие соратники Ленина, Сталин и его окружение, вышли из того боевого поколения большевиков, которое отдало жизнь, чтобы освободить народ от гнета царя и капиталистов. Они провели годы в борьбе, не щадили живота своего, не нажили богатства, не обзавелись даже собственным жилищем, они не боролись за большинство в парламенте, министерские портфели и политическое влияние, мечтая лишь об одном – освободить трудовой народ от веками

сковывавших его цепей, дать возможность жить по-человечески. Если перелистать бесчисленные книги и статьи Ленина или крупные фундаментальные работы Сталина, если проследить за кровавыми событиями Гражданской войны и иностранной интервенции и подсчитать, на скольких фронтах, в скольких битвах Сталин, Ворошилов и Буденный возглавили это мощное освободительное движение русского народа от орд угнетателей, придется признать: эти мужи боролись за свободу и процветание других, а не себя. О них можно сказать, что битва была жестокой, порой они действовали безбожно и безжалостно, но, в то же время, с бескорыстием и самопожертвованием. В царские времена они не ради собственной славы шли в тюрьму и на каторгу. Возможно, они думали о власти, так, наверняка, оно и было, ибо, не захватив власти, они ничего не смогли бы сделать для своего народа; но власть была им нужна, чтобы усадить за школьную парту на семьдесят процентов неграмотный народ, чтобы дать людям, стоящим на пороге голодной смерти, новое экономическое устройство, навсегда освободившее трудящихся от тех, кто привык жить за чужой счет, и постепенно – ибо в одночасье такого не добиться – дать людям одежду, кров и пищу, удобства современной жизни. Этот народ сегодня шагает, распрямив плечи, свободно машет в такт руками, как это делают свободные люди, без страха смотрит в глаза встречным, не боится вступать в разговор, даже дети, повстречав незнакомца, не прячут лица в подолы материнских юбок, и весь народ говорит с иностранцами открыто, по существу, раскованно и уверенно.

Эти старые большевики, совершив революцию, не потеряли самообладания, как большинство вождей Великой французской революции, и, придя к власти, не утратили чистоты своих убеждений. Мы можем быть совершенно уверены, что и на самом верху они по-прежнему бескорыстны, как некогда в царских тюрьмах. Вот только времена изменились. Они могли сгинуть в застенке (в годы, предшествовавшие революции, их было кем заменить). Те же, кто совершил революцию и создал новое государство рабочих и крестьян, оказались неразрывно связаны с государством: им предстояло в отпущенное им время выбрать из

несметных толп похожих на себя, способных управлять страной людей. В этом деле им не мешали, но и не помогали западные демократические институты, парламенты и партии, поэтому полагаться можно было только на собственное знание людей. Более того, никакие должности, ни гражданские, ни военные, не помешают им принять здравое решение. Те, кто прожил полную опасностей жизнь в борьбе за счастье народа, у кого в руках все механизмы передачи власти, при выборе руководства продолжают ленинскую линию освободительной борьбы.

Освободители и их преемники – если только у них есть совесть и они пекутся о народе – действительно не могут отказаться от существующей формы власти. Русский народ, как и всякий народ, который расстался с прошлым, представляет собой бесформенную толпу, словно облако, постоянно меняющее очертания. Но там есть еще десятки миллионов других народов с несформированным национальным самосознанием, изолированно живущих на своем клочке земли, погруженных лишь в собственные повседневные заботы. Коммунистическое ведение хозяйства с его отказом от частной собственности находится здесь на начальной стадии, обобществление средств производства, столь противное вековому собственническому инстинкту человека и даже естественному праву, возможно лишь при неусыпном внимании, контроле и проверках. Распространение здесь западных демократических норм в сегодняшних условиях, без сомнений, привело бы к анархии, новым и жестоким экспроприациям, голоду и распаду империи, борьбе всех против всех.

Впрочем, руководство страны не является заведомым врагом введения прав человека, как они понимаются в древнем естественном праве, христианской доктрине, американской «Декларации независимости», французской «Декларации прав человека и гражданина». Ленин не считал диктатуру вечной и позднее хотел признать права человека. Есть немало признаков того, что нынешнее руководство всерьез размышляет, когда это станет возможным так, чтобы не ставить под угрозу имеющиеся завоевания. В статье 125 Конституции Союза Советских Соци-

алистических Республик 1936 г. ясно говорится, что в соответствии с интересами трудящихся и в целях укрепления социалистического строя гражданам СССР гарантируется законом: (а) свобода слова; (б) свобода печати; (в) свобода собраний и митингов; (г) свобода уличных шествий и демонстраций. Личность тоже неприкосновенна, для ареста необходимо судебное постановление. Конституция гарантирует неприкосновенность жилища и секретность переписки. Для введения этих свобод время было не самое подходящее, ибо уже приходилось готовиться к великой битве, что началась между немцами и остальным миром (а кое-где даже между славянами) и положила конец тысячелетнему противостоянию. Начавшаяся мировая война заставила – ради сосредоточения и объединения сил нации – свернуть некоторые свободы не только в советской империи, но и в западных демократиях. Однако и тут следует проявлять осторожность и избегать а п р и о р н ы х сопоставлений. Вышеперечисленные свободы и в самом деле действуют в современном о д н о п а р т и й н о м Советском Союзе, но если мы зададимся вопросом, есть ли все эти свободы у сторонников р а з л и ч н ы х партий, то есть попытаемся обнаружить в советской системе черты западной демократии, то придется признать, что свободы нет. Стоя на советской земле, так сказать мы не можем, как и то, что среднестатистический советский гражданин улыбается иностранцу по той ребяческой причине, что он несвободен в своей несвободной стране.

Однопартийная система и обобществление средств производства в экономической сфере оказываются не только отклонением от истинной западной демократии, но и основой демократии нового типа. Однопартийная структура является непременным условием и инструментом пролетарской диктатуры, постоянным носителем революции. Она в корне отличается от коммунистических партий западных стран, в том числе Венгрии. Коммунистическая партия на Западе – одна среди многих, принимающих парламентскую систему, она играет по правилам и стремится к власти по принятым в парламентских государствах нормам – путем получения большинства. Для это-

го коммунистам, как и другим партиям, необходимо бороться за свою численность, то есть им некогда думать о честности и нравственной чистоте своих членов. Иными словами, западные коммунистические партии не являются элитными, и функции у них совершенно иные, нежели у российской коммунистической партии. В момент своего основания она была в меньшинстве: Ленин в ходе бескомпромиссной организационной борьбы, затем в кровавом вихре революции превратил большевиков в единственную партию, уничтожив всех оппонентов. Эта метаморфоза сама по себе уже стала жесточайшим отбором: трусы, колеблющиеся, уклонисты, не умеющие одновременно подчиняться и командовать, со временем отпали. Те, кто остался и с не менее жесткими предосторожностями после войны был принят в партию – эта подлинная элита, которая, несмотря на свою малочисленность (а в партии не более трех или четырех миллионов), оказалась в состоянии управлять империей, руководить экономической и духовной жизнью. Иностранцу не под силу различить их в толпе, они в ней растворяются, но простой человек знает, что именно они обеспечивают стабильность режима и его незапятнанную чистоту. Люди везде одинаковы, и там, где партий много, они легко прощают скверну, проникающую в правительственные кущи; советские же коммунисты, следуя бескорыстным заветам Ленина, не допускают коррупцию в государственную и общественную жизнь. В советской действительности власть предрержащие и элита не подают и не могут подавать плохого примера, и любой, приехав сюда, может убедиться собственными глазами: они нравственнее и демократичнее верхушки капиталистических стран.

Эта твердость в поведении объясняется не только воспитанием, но и верой в идеалы коммунизма, в его фундаментальные принципы, иными словами, в учение Маркса, приспособленное Лениным и Сталиным к российским реалиям и современности. Все они атеисты и называют религию предрассудком; таково и сегодня неперемное условие, обязательное для членов партии, по этой и многим другим причинам они далеки от чуждого им христианского мировоззрения, но так, возможно, будет не

всегда. Очевидно одно: эта партия с момента своего основания освободила значительную часть планеты и дала всему населению империи культуру, материальное благосостояние и, позволим себе добавить, порядочность. Сегодня, когда внутренняя и внешняя безопасность империи вверена Красной армии и Народному комиссариату внутренних дел, деятельность партии вполне вписывается в определенные конституцией парламентские формы. В СССР выборы депутатов в Верховный совет СССР, Верховные Советы союзных и автономных республик, местные Советы депутатов трудящихся производятся избирателями на основе всеобщего, равного и прямого избирательного права при тайном голосовании. На выборах однопартийная система предполагает, что коммунистическая партия выступает единым блоком с подавляющим большинством советского народа – «беспартийными», у которых, по понятным причинам, нет своей партийной организации. Партия как авангард рабочего класса растет, прежде всего, качественно, за счет пролетарских элементов страны. Эти слова Сталина сегодня у всех на слуху: беспартийные массы являются выразителями общественного мнения, их представители заседают в различных политических и экономических советах, в производственных советах, ассоциациях трудовой интеллигенции. Причины авторитета и влияния партии коренятся в ее духовном и нравственном превосходстве, ее члены компетентны в политических и экономических вопросах, способны донести любые решения государственного руководства до широких масс, которые, впрочем, на протяжении последних десятилетий выражали доверие к советской власти. В этом смысле партия действует не принуждением, а убеждением. Согласно конституции, право выставления кандидатов закрепляется за общественными организациями и обществами трудящихся: коммунистическими партийными организациями, профессиональными союзами, кооперативами, организациями молодежи, культурными обществами. Список кандидатов в депутаты предьявляется «народу», на заводах и в колхозах разворачиваются дискуссии: достойны ли кандидатуры, выдвинутые данным предприятием, столь высокой чести, не лентяи ли они, не совершили ли поступков,

предосудительных с точки зрения коллектива, и по итогам подобных собраний некоторых кандидатов вычеркивают из списка и включают тех, кого сослуживцы считают более достойными. Нам, с молодых ногтей привыкшим к предвыборному вранью и прочим злоупотреблениям, не сомневающимся в том, что даже в годы господства «западной демократии» у нас торжествовали частные интересы отдельных людей, такой порядок кажется незыблемым; трудно себе представить, с какой серьезностью и, в день голосования, воодушевлением проходят выборы по советски. Избиратели стекаются на празднично украшенные избирательные участки, где играет оркестр или, по крайней мере, граммофон, чтобы облегчить работу тех, кто один только в состоянии позаботиться о них и на самом деле трудится в поте лица во имя блага советского народа. Мы, венгры, прекрасно помним, что своим голосом помогли не одному человеку сколотить политический капитал и финансовое состояние, и все они были не самыми заслуженными; многие из наших кандидатов в депутаты, в том числе не один партийный руководитель, на советских выборах сошли бы с дистанции уже при выдвижении на собрании трудового коллектива, если бы народ узнал о причастности кандидата к коррупционным скандалам. Из всего сказанного выше можно сделать вывод, что однопартийная система в своем современном русском воплощении действительно способна внушить избирателям верные взгляды на родную страну и ее экономику, и те, преисполненные чувством ответственности, торжественно пользуются своим правом, что совпадает с интересами государства, их родного государства. О советских выборах часто говорят, что один единственный список кандидатов в депутаты превращает процедуру в фарс, я же, напротив, скорее назову безответственной игрой с государственными интересами сто лет господства «демократической» избирательной системы в Центральной и Восточной Европе.

Коммунистическая партия играет важнейшую, просветительскую, контролирующую и вдохновляющую роль в сфере экономики. В советской жизни не бывает мировоззренческих споров, духовные ориентиры более или менее ясны, и в основе

государства лежит новая концепция экономической жизни, реализация которой отнимает немало сил. Сначала была экспроприация экспроприаторов. И это обстоятельство обычно пробуждает ненависть к СССР в стане капитализма. Впрочем, с тех пор уже давно сформировалась новая экономическая система, и в деле установления экономического равенства уже приходится заботиться не о том, как вернуть зарвавшихся в строй, но как подтянуть самых маленьких, а с ними – и всю шеренгу. Цель – улучшение материального и духовного уровня, их постоянное повышение. Путь достижения – обобществление или огосударствление средств производства, что не тождественно уничтожению частной собственности. Запрещена лишь та частная собственность, что требует применения, использования рабочей силы другого человека. То, что человек из своих трудовых доходов откладывает и тратит на обустройство быта, отдых, досуг – это собственность, передаваемая по наследству. Руководители самых разных уровней, государственные служащие, генералы, профессора, секретари партийных организаций, ведущие инженеры, писатели, словом, все, кто нажил имущество праведным трудом, могут иметь автомобиль, меблированную квартиру, драгоценности и т.п., вплоть до дачного домика (максимальные размеры которого – не более пяти комнат) и, естественно, приусадебного участка. Само обобществление земельной собственности не обошлось без смешения с собственностью частной: доля доходов с колхозных угодий достается трудящимся в колхозе крестьянам, становится их личной собственностью, притом у каждого из них есть собственный дом, сад и огород, домашние животные. Колхозники, проживающие близ Москвы, везут в столицу молоко и продают во дворах, как некогда швабки в Будапеште, а молоко они получают от собственных коров. Отношения, царящие в мелком кустарном производстве, близки по форме к частнособственническим: там работающие в своих магазинчиках и мастерских кустари объединены в кооперативы, получают от них сырье, финансово им подотчетны, в том числе в деле уплаты налогов. Частной торговли больше нет. Государство через систему складов поставяет в город и распределяет товары, в

деревнях создана система лавок, и повсюду правительство диктует цены. Однако предпринимательская жилка, свойственная русским, страсть менять всё на всё, находят выход на свободных рынках, куда окрестное крестьянство свозит продовольственную продукцию, а горожане могут купить или выменять то, что им необходимо. Более ценные товары государство продает само: ковры, картины, фарфор, мебель покупаются в крупных магазинах по фиксированным ценам. С недавнего времени продукция кооперативов и колхозов продается в специальных магазинах, по более низким ценам, но и качество товаров там нередко хуже, нежели в государственных магазинах.

Огромное значение имеют государственная собственность на средства производства и плановое ведение хозяйства. Все это настолько на слуху, что нет нужды говорить об этом особо. Остановлюсь лишь на плановости, ведь сталинская экономическая политика с помощью различных пятилетних планов восстановила полностью разрушенную революцией и войнами экономическую жизнь, при этом первая пятилетка была выполнена в четыре года. Для восстановления промышленности сначала принялись за тяжелую индустрию, энергоносители, грузовые перевозки и транспорт, а также пищевую промышленность. Затем очередь дошла до легкой промышленности, производства товаров массового спроса, что произошло как раз в тот момент, когда Сталин осознал неизбежность войны с Гитлером. Тогда производство одежды, домашней и кухонной утвари прекратилось, возведенные до 7 или 8 этажа дома остались стоять без крыш, и все ресурсы были брошены на военную промышленность. Нет никаких сомнений, что Сталин предпочел бы дать народу сливочное масло, а не пушки, но он этого и не сделал, потому что следовало спасать страну от катастрофы. Новым, советским патриотизмом русского народа, о чем речь пойдет ниже, нельзя не восхищаться: люди годами терпеливо мирились с падением уровня жизни и жестокими потерями. Следствием этих трудных времен стало то, что иностранцы по сей день в первую очередь подмечают в русских их вышедшую из моды одежду и убожество быта, перенаселенность квартир кажется нам столь вопиющей,

что из этого обстоятельства делается вывод о примитивности всей советской цивилизации. Между тем с воцарением мира вновь стали производить и выбрасывать на рынок предметы первой необходимости; в деле жилищного строительства тоже наметились подвижки: недостроенные дома достраивают, возводят новые. Однако ситуация с квартирами в Москве за годы войны существенно ухудшилась: в столицу стеклись миллионы беженцев, которые не могут вернуться в свои дома, ибо Гитлер сровнял с землей их города и села. Посему Москва, некогда насчитывавшая всего два с половиной миллиона, сегодня вмещает в себя все пять, а то и более; так что ликвидировать нехватку жилья станет возможно лишь после выполнения нового пятилетнего плана.

Итак, касательно огосударствления, осуществленного в Советском Союзе, необходимо ответить на два принципиальных вопроса. Во-первых, мешает ли ограничение права частной собственности повышению уровня благосостояния? Во-вторых, как это сказалось на нравственном облике населения? Относительно первого нельзя не заметить, что материальное положение и условия для выживания советского народа при царской власти или в 1917 г. в случае победы контрреволюции стало бы несопоставимо хуже, чем при существующем режиме. Я не буду напоминать о том оживлении, которое наблюдалось во всех сферах жизни с восстановлением тяжелой промышленности и которое в канун Второй мировой войны обеспечило население больших городов необходимым продовольствием – в достаточном количестве и по низким ценам. Лучше напомню, что если в Первую мировую войну царская экономика и общество не выдержали пробы на прочность Германской войной и обрушились под ее тяжестью, то сталинская огосударствленная экономика и общество, основанное на распределении по труду, выдержали напор куда более мощного, чем при кайзере Вильгельме II, гитлеровского нашествия, затем перешли в наступление и одержали окончательную, полную и безоговорочную победу, которой нет аналогов в мировой истории. Огосударствленная экономика оказалась, по крайней мере, не хуже, а, возможно, даже лучше

приспособленной для обороны страны и защиты народа, чем капиталистическая система.

В сфере нравственности тоже все предельно ясно. Я уже говорил, что новая система не знает коррупции, которая, подобно раковой опухоли, разъедает политическую и экономическую жизнь на континенте, если двигаться с запада, от Англии, на восток Европы. Наверняка случается (возможно, нередко), что владельцы отдельных предприятий совершают мелкие правонарушения – об этом свидетельствуют звучащие время от времени со страниц газет призывы к чистке рядов. Бывало и такое, особенно во время войны, что отдельные крестьяне умыкали малую толику колхозного урожая, но обман, взяточничество, коррупция никогда не проникали и не могли проникнуть в государственные сферы, особенно на самый высокий уровень. Государство чисто и незапятнанно в принципе и на практике, что можно сказать далеко не о всякой демократической стране. Государство не противопоставляет, не отдает предпочтение отдельным людям или профессиональным группам за счет уничтожения других, как это на каждом шагу происходит в наших государствах, чтобы – следуя принципу «рыба гниет с головы» – в целостности и сохранности донести коррупцию до миллионов своих граждан. При распределении продуктов производства торжествует принцип справедливости, и все, что относится к повседневным нуждам широких масс, продается по самым низким ценам, будь то услуги населению, электрический и подземный транспорт, свет, газ, вода, квартиры. Товары, распределяемые по карточкам, продукты, одежда тоже стоят на удивление недорого и в мирные годы, или когда не было неурожая и засух, в них не бывает недостатка. Если же, например из-за неурожая, возникают трудности, тогда в очереди в молочные или хлебные лавки стоят все поголовно.

Все это куда более нравственно, чем в капиталистической экономике, где товары первой необходимости и предметы роскоши наличествуют в куда более богатом ассортименте, но из-за несправедливого распределения купить их могут далеко не все. Советская система не знает непредсказуемых скачков

рыночной конъюнктуры, когда, не работая, можно бессовестно обогащаться, там в экономике не бывает неожиданных спадов, выбрасывающих на улицу беззащитные толпы трудящихся. Плановая экономика, если вести ее компетентно и честно, вне всяких сомнений, более нравственна, чем анархия в экономике, отданной на откуп концернам-монополистам и банкам, где единственная цель – личный капитал и увеличение состояния. Умное, грамотное и покоящееся на твердых основаниях плановое хозяйствование может лучше обеспечить стабильность и постепенное повышение уровня жизни, чем «произвольная игра» сил, точнее – жажда наживы сильных мира сего. Чтобы разобраться в этом – нет нужды быть идейным марксистом, из нескольких папских энциклик тоже можно узнать, что бедных и слабых нельзя бросать на произвол судьбы, делая их жертвами бесчеловечных экономических сил. Не говоря уже о том, что там, где нет свободы накопления капитала, возможности неожиданного обогащения отдельных людей, там отсутствует целый ряд соблазнов, а преступления против собственности, которые повсюду в капиталистических кругах раздуваются до проблемы национальной экономики, здесь сводятся к заурядному полицейскому расследованию.

Нравственное поведение в более высоком смысле слова проявляется при советской власти и в уважении к высокоинтеллектуальному труду. У нас с первых дней революции постарались всех уравнивать в заработной плате. Повсеместно стремились к тому, чтобы самые низкие, неквалифицированные категории хотя бы с помощью зарплаты приблизились к образу жизни более образованных слоев населения. Врач государственного травматологического института долгое время получал меньше, чем любой из его подчиненных. Эта политика, несомненно, была направлена на достижение материального равенства, но приняла формы, несовместимые с налаженной экономикой и жизнью. Советский Союз уже давно ушел далеко вперед от этой бездумной, эмоциональной стадии революции. Там всем воздается по труду и его полезности. Различия в образе жизни при царском режиме, когда праздные богатели, а толпы трудового

народа влачили жалкое существование, были стерты, им на смену пришли новые, ставшие уже привычными различия в образе жизни. Сегодня доход и уровень жизни генерала существенно выше, чем у рядового солдата или низшего офицера; точно так же наиболее комфортно в СССР живут члены высшего государственного и партийного руководства, члены Академии наук, ученые и деятели искусств, директора крупных промышленных предприятий. С этим все согласны, потому что знают: тот, кто руководит государством и экономикой, сможет выполнять свои функции только тогда, когда работает головой, у них совершенно иные производственные, культурные, транспортные и тому подобные запросы, чем у широких народных масс. Никого не возмущает, что у вышеперечисленных категорий граждан есть свои автомобили, используемые не только по служебным надобностям, но и для досуга работника и членов его семьи. В случае необходимости равенство восстанавливается в сфере физического труда. Это ясно видно на примере дорожно-ремонтных работ. В Москве при прокладке теплотрасс жители окрестных домов, в том числе интеллигенция обоего пола независимо от рода занятий, обязаны выходить на землеройные работы. Точно так же и заводы в годы войны: когда работники отправлялись на восток, в эвакуацию, в пункте назначения все как один во главе с директором завода и главным инженером работали на строительстве заводских и жилых помещений, штукатурили, шпаклевали и красили; и инженерно-технические работники только тогда прекращали трудиться физически и возвращались к умственному труду, что и было их функцией на производстве, когда завод вводился в эксплуатацию. Это никого не удивляло: понятие о человеческом равенстве живет в них, несмотря на различия в уровне жизни.

С этой точки зрения объясняются, согласно шкале уровня жизни, те права, которые советская конституция предоставила мужчинам и женщинам, всем гражданам: на труд, на отдых, на образование, материальное обеспечение в старости, а также в случае болезни и потери трудоспособности на государственную заботу. Права есть у всех, но право на труд у колхозника отлича-

ется, вне всяких сомнений, от того же права у учителя биологии, певицы или писателя. Там же, где по самой природе вещей различия не акцентируются, там по возможности поддерживается равенство, например в праве на отдых. Один месяц в году не только выдающиеся ученые, но и сотни тысяч простых тружеников ежегодно проводят в красивейших уголках Кавказа и Крыма, порой в старинных дворцах, но чаще в санаториях, построенных Советским государством и оснащенных всеми приметами «западной роскоши». Одномесечный отпуск положен всем, и у любого есть право за смехотворно низкую плату провести его в этом великолепии. Высшее образование тоже доступно всем, у кого есть к этому желание и способности. В деревнях регулярно отбирают талантливую молодежь, чтобы отправить в город учиться, и государство учит их бесплатно, обеспечивая на время учебы стипендией. В сфере высшего образования стипендии ввели лишь недавно, но положены они лучшим из лучших; это не означает, однако, что теперь учиться смогут лишь «богатеи», просто в ряды интеллигенции решено принимать не двоечников, не троечников, а исключительно отличников.

Все сказанное выше, надеюсь, со всей очевидностью демонстрирует, что при советской власти есть место человеколюбию, там все для человека и там есть, хотя совсем по другим побудительным мотивам, цементирующая общество добродетель, которую иными словами можно было бы назвать христианской любовью*.

Позволю себе еще несколько слов о советском народе, что само по себе довольно рискованно, ибо «народ» – даже малочисленный – легче постичь как отвлеченное понятие, чем как явление

* В этом разделе наряду со своими личными впечатлениями я в некоторых местах опирался на венгерский перевод книги Хьюлетта Джонсона «Секреты советской мощи» (*Johnson H., The Secret of Soviet Strength. New York, 1947*) и книгу Дюлы Моора «Между вчера и завтра» (*Moór Gy. Tegnap és holnap közzött. Bp., 1947*).

повседневной жизни; тем более, в данном конкретном случае речь идет об общности, в которой помимо русского встречаются еще столько отличных по языку и происхождению народов.

Советский народ живет в условиях куда более суровых, чем все прочие европейцы. В этом в первую очередь повинен климат: уже на широте Москвы довольно холодно, и солнце светит реже, чем где бы то ни было. Я пишу эти строки в августе, за окном вот уже вторую неделю каждый день часами дождь льет как из ведра. Зимой снег идет так часто, что снежинки слипаются в сплошную пелену и не видно ни зги. Сама уборка снега становится для горожан проблемой, им приходится сметать сугробы не только с улиц, но и с крыш, ведь при слабом потеплении крыши начинают течь или ломаться под весом снежной массы. С проблемой осадков напрямую связаны трудности на транспорте, отчего жизнь советского народа не становится легче. Прошлой, весьма суровой зимой министру транспорта пришлось не раз летать в Сибирь, где железнодорожным рабочим нужно было на сорока- и пятидесятиградусном морозе обслуживать направлявшиеся в Москву и западные области страны поезда с углем и продовольствием, и после личного вмешательства министра работа закипела. Трудно дать точный ответ, сколько народа переселилось в годы войны и после ее окончания в Сибирь. Там выросли новые города, многие в тех местах, где в недрах земли были открыты полезные ископаемые. Многие поселения возникли в местах мало пригодных для проживания – близ Северного Ледовитого океана, в Республике Коми, по берегам реки Печоры. Но народ не страшат трудности, и, насколько мне известно, рабочие с трехлетними трудовыми соглашениями в руках отправляются на работу в Республику Коми. В трудностях дня сегодняшнего повинны и разрушения, вызванные недавней войной, а их масштаб и размах был столь велик, что не идет в сравнение с потерями ни одной из держав-союзниц. В Белоруссии (и не только там) еще прошлой зимой люди были вынуждены ютиться в землянках, а там, где заводы, деревни, хозяйственные объекты уже восстановлены – это стало результатом самоотверженного труда советского народа, и в этом ему нет равных. Но они, стиснув зубы, трудились день за днем и

продолжают трудиться, не жалуясь и не обременяя иностранцев просьбами ухаживать их раны. В этом с ними могут сравниться только англичане, которые никогда не рассказывают чужеземцам о постигших их отечество военных разрушениях.

Таковы причины суровой жизни и изнурительного труда советского народа, с которыми ему приходится мириться, не говоря уже о том, что из-за перечисленных выше производственных трудностей в стране еще долгое время не будет хватать предметов, призванных сделать жизнь более удобной. Возможно, темп работы советских людей невысок, об этом любят рассуждать иностранцы, но не знаю, смогли бы более опытные американские или французские рабочие трудиться в таком темпе, если бы им довелось жить в подобном климате. Думаю, что не смогли бы уже только потому, что они недостаточно крепко сложены для столь изнурительного физического труда. У меня много друзей среди врачей, которые в последние месяцы войны лечили русских солдат, и все они пришли к выводу, что редкий народ может похвастаться таким физическим здоровьем. У них совершенное, не надломленное колоссальным напряжением телосложение, умение переносить физическую боль и удивительная способность к регенерации. Если бы мировое господство зависело только от здоровья, численности и высокой рождаемости, характерной для русского народа, то уже завтра он владел бы не одной шестой суши, а всей планетой.

И, как здоровый и мужественный народ, советские люди добры, сердечны, им чужды злоба, зависть и жажда мести. Через какие бы испытания ни прошли они в годы мировой войны, советские люди ни к кому не испытывают ненависти, и Сталину пришлось провозгласить, что врага, немцев, ну ж н о ненавидеть, поскольку примеры беспристрастия, или назовем это мягкостью, встречаются по сей день. Весьма примечателен пример, о котором поведал один американский журналист по окончании войны, когда по московским бульварам проходило более 60 тыс. немецких военнопленных, в том числе около сотни генералов вермахта. Жители столицы сурово взирали на жалкого вида колонну, в которой шел безжалостный враг, и из уст их не

вырывалось ни слова, ни проклятия, ни звука. Одна старуха протиснулась поближе к процессии, чтобы посмотреть на тех, кто убил ее сына. Несколько минут она молча смотрела на пленных немцев, потом махнула рукой, мол, с меня довольно, и ушла. Когда колонна прошла, на улицы Москвы вышли пожарные и поливальные машины, смывшие и выметшие следы немецких сапог с улиц столицы, на что собравшиеся отреагировали громким смехом*.

Эта правдивая история говорит не только о том, что советские вожди прекрасно знали свой народ, но и о том, что желали не пробудить в нем жажду мести, а смехом снять то колоссальное напряжение, которое вызвали зверства фашистских агрессоров: ведь в той толпе было немало беженцев из Украины и Белоруссии, в том числе потерявших целые семьи. На торжествах в Академии наук я разговорился с одной преподавательницей из Ленинграда, у которой в дни блокады от пуль или от голода погибло четырнадцать родственников, что неоспоримо свидетельствует: нет в мире такого народа, что мог бы сравниться с русскими в силе духа и непоколебимой вере в правоту своего дела. В Париже или Будапеште подобный проход пленных вряд ли обошелся бы без гневных выкриков и провокаций; юмор и смех в такой ситуации совершенно немыслимы, когда речь идет о любом другом народе. Но этот юмор имеет совершенно иную природу, нежели, например, наш знаменитый пештский юмор. В русских нет ни грана цинизма, язвительности, глумления над общественной моралью. Им не введома современная городская эротика, в том числе ее «литературные» проявления; с подобным бы тут мириться не стали, а кое-где просто не поняли бы, потому что аферисты, махинаторы или спекулянты на валютных рынках никогда не станут в СССР героями дня, как это бывает у наших журналистов, словно желающих прочитать высоко нравственную проповедь и потому ищущих грязь и достойные презрения явления. Я также склонен считать советское общество более (чем наше) высокоморальным в вопросах семейной

* *Stevens E.* Russia is no riddle. New York, 1945.

жизни. Даже если развод получить здесь проще, отношения в браке гораздо душевнее, не ограничиваются несколькими часами в день. Родители проводят с детьми больше времени, чем в среднестатистической венгерской семье. Еще совсем недавно в Будапеште вряд ли можно было представить, как в Английский парк по вечерам приходят целыми семьями, мужчина несет на руках маленького ребенка, рядом – женщина ведет за руку двух-трех детей, что постарше. В здешних же «парках культуры» сплошь и рядом гуляют такие семьи, а также группки одетых в форму школьников и школьниц. В этих парках находятся не только ресторанчики, живописные ларьки и копии знаменитых классических памятников, но и выставочные залы, библиотеки, для посетителей последних в особых уголках парка подвешены гамаки. Книжки – по преимуществу произведения русской классической литературы, а не «бульварное чтение», детективы или порнография (этого в современном Советском Союзе нет в принципе). Когда в канун Нового года на площадях открываются елочные базары, всегда есть павильон, где продаются только стихи Пушкина.

Возможно, нет нужды в новых доказательствах того, что государственная власть направляет здоровые и энергичные устремления советского народа в человеческое русло, на путь просвещения. В «Педагогической поэме», написанной одним учителем, повествуется о более ранних временах, когда в Гражданскую войну ему поручили воспитание беспризорников, в том числе опасных малолетних преступников, и тот упорным трудом, энергией, но и гуманным отношением вложил в них достоинство, порядочность, любовь к труду, так что многие из них вышли в люди и даже заняли в СССР руководящие посты*. Эта книга очень похожа на автобиографию Юнг-Штиллинга – крестьянского мальчика, выучившегося на окулиста – которую любил перечитывать Гёте, с тем только отличием, что немецкий воспитательный роман указывал путь наверх одному единственному человеку, в то время

* *Makarenko A.*, Új ember kovácsa, pedagógiai hősköltemény / Ford. Lányi Sarolta. Bp.: Új Magyar Kiadó, 1947.

как Макаренко на примере целого коллектива показывает успехи советского строя, возвышение людей из социальных низов. Книга, помимо прочего, иллюстрирует, сколь непросто было Ленину и Сталину выстроить новый тип советского человека и найти необходимые для этого средства.

Однако новый советский человек не порвал со всеми традициями. Он не забыл древние национальные обычаи, которые во всем, что касается национального костюма или народной поэзии, советское правительство бережно, самоотверженно охраняет и поднимает до вершин художественной культуры не только у русских, но и у всех народов империи. Мечта Бартока и Кодая, чтобы старинная народная музыка, возведенная в ранг искусства, стала достоянием всей нации, воплотилась в Советском Союзе. Но и традиции – религиозные и патриотические – непосредственно влияющие на мировоззрение, по-прежнему живы в новом советском государстве.

Первые, правда, канули в вихре революции, они, кажется, преданы забвению и не возродятся уже никогда. У основанного Лениным нового строя было три врага: царизм, капитализм и находившаяся под патронатом царя Православная церковь. Все три были тесно связаны друг с другом, и для революции оставить в живых одно из этих явлений означало бы сложить оружие перед всеми тремя. Православная церковь отождествляла себя с царем и государством, но вера имела глубокие корни в русском народе. Церковь выступила против революции, встав на сторону старого строя, что исключило любую возможность примирения. Революция же расправилась с церковью, создав новые, основанные на принципах материализма, организации, дабы от прежнего не осталось и следа. Вскоре, однако, выяснилось, что не так-то легко вытравить веру из души народной, а с другой стороны, православной вере, с тех пор как навсегда прервалась ее связь с царизмом и старым миром, нет необходимости сохранять враждебность к государству. К тому же Ленин не считал возможным бороться с религиозными чувствами в сердцах многомиллионного населения одними административными распоряжениями; в подобных распоряжениях, согласно марксистскому учению, нет

никакой необходимости, ибо с окончательной победой социализма наступит всеобщее благоденствие, когда старые религии отомрут сами собой.

Сталин ясно понимал сложившуюся обстановку; и он сделал выводы. В конституцию была включена статья о свободе вероисповедания, одновременно церковь полностью отделили от государства и школы. Государство не выпустило из рук дело воспитания подрастающего поколения, но разрешило всем верующим свободное отправление религиозного культа. Это стало еще большим отходом от практики первых дней революции, чем ленинская «новая экономическая политика» – временное ослабление государственного вмешательства в экономику. Открылись храмы, в них хлынули верующие, что лишь подтвердило прозорливость Сталина: православная вера по-прежнему жила в сердцах прихожан, и после того как церковь признала новое государство, не было смысла подавлять эти чувства. Восстановилась прежняя церковная иерархия, во главе встали Патриарх московский с митрополитами, возобновилось обучение священников: собственно, патриарх открыл семинарию при прямой поддержке Сталина. Сегодня по церковным праздникам вокруг храмов совершаются крестные ходы, образно говоря, церковь не заперта в своих стенах. На пасхальную всенощную в патриарший собор стекается столько прихожан, что для не вместившихся в храм служат службу прямо на улице. Во времена монголо-татарского ига на удалении в 50–80 км от Москвы были возведены четыре монастыря-крепости; самый древний и богатый из них – это Загорск, где в одно из воскресений я не смог протиснуться в главный храм, ибо до часу дня он был полон верующих; одна служба сменяла другую, паломники входили и выходили, а на обед расселись прямо на лужайке под крепостными стенами, как у нас в Мариабешнё. В то время в этом монастыре насчитывалось 22 монаха и 7 послушников. Однако встречаются и случаи «позднего прозрения», что лишь подтверждает, сколь сильна здесь вера: один университетский профессор после того, как службы были снова разрешены, принял сан и ныне является настоятелем одного московского монастыря. Позволю себе личное воспоминание:

когда я в дни оны в Будапеште хворал, мои друзья-священники и ученики-монахи часто молились за мое исцеление; и то же самое мне предложил и исполнил один утонченный и аскетичный архидиакон московской патриархии – настоятель православного храма, расположенного близ улицы Горького, за что я искренне благодарен и ему, и моим друзьям на родине.

Я не сомневаюсь, что православная церковь наслаждается свободой только потому и до тех пор, пока не вступает в противоречие с государством. Но с тех пор как она обрела свободу, в этом нет необходимости, напротив, все указывает на то, что церковь и в новом государстве нашла путь и встала на него так, что ей не пришлось отказываться от своих догм и морали. Нынешний патриарх Алексий при расследовании массового убийства немцами польских офицеров в Катыни входил в состав комиссии и своей образованностью произвел глубокое впечатление на англосаксонских союзников. Его сношения с англиканской и другими западными конфессиями, а также с сербской и румынской православными церквями являются одновременно и контактами Советского государства. Однако глубокая, имеющая эмоциональную основу общность интересов церкви и государства стала очевидна в годы Второй мировой войны.

Для внешнего мира война против Гитлера окончательно доказала, что целостность Советского государства обеспечивают не насилие, не штыки, но полное совпадение в чувствах и мыслях руководителей и народа, это – объединяющая всех и не сравнимая ни с чем любовь к родине. Напомню, что эту войну здесь все называют «Великой Отечественной войной», ибо в ней сражались все народы, которые считают Советский Союз своим отечеством. Такой безоговорочной и ясной поддержкой, какой располагает ныне советский режим, могут похвастаться немногие правительства в мировой истории: четверть века назад, в вихре кровавой революции и Гражданской войны большевики, ненавидимые всем миром, взяли власть в свои руки и теперь, вместе со всем прогрессивным человечеством, ведут жесточайшую борьбу до полной победы, когда все граждане без исключения готовы пожертвовать всем. Немцы тщетно искали трещины, углубив

которые можно было бы оторвать от главного, русского народа тот или иной малый народ, да и сейчас некоторые пытаются обещаниями свободы и капиталистической экономики «гальванизировать» давно угасшие буржуазные или крестьянские инстинкты. Совместная борьба против иноземного вторжения показала полное единство народа, его непоколебимую веру в свое руководство. Если кто-то представлял себе Россию как тюрьму народов, где правительство удерживает власть грубой силой, его теперь наконец-то постигнет разочарование в столь примитивных воззрениях. Тот народ, которому Ленин дал свободу, вновь со смелостью, свойственной лишь свободным людям, и верой в будущее взялся за оружие, чтобы в очередной раз подтвердить свое право на свободу. В этой решимости не было различий между буржуа, аристократом (который ничего не забыл и ничему не научился) или его потомком и коммунистом. Война доказала, что общество стало бесклассовым, и каждый его член думает и действует одинаково. Это справедливо и в отношении православных верующих: церковь и ее пастыри во всем поддерживали военно-патриотические цели. Церковь обрела свое место в отечестве, и война это подтвердила сухими, беспристрастными, не терпящими лжи фактами.

Недавно отгремевшая война в России была во многом похожа на борьбу с наполеоновским вторжением. Словно ожили Кутузов и Суворов: правительство само напомнило своему народу об актуальности их подвига. Со времени войны историческое сознание всё укрепляется, появилось ощущение того, что советский народ – лишь поколение в ряду многих, связанных веками российской истории. Иными словами, русской коммунистической культуре удалось вобрать в себя царскую, капиталистическую, феодальную эпоху, ибо даже революция не снесла все до основания: в Ленинграде гордо красуются памятники Петру Великому, Екатерине II, Александру III, бережно сохраняются дворцы царей и аристократов. Выдающиеся писатели и блестящие актеры делают понятными народу фигуры Ивана Грозного и иных исторических деятелей: все, что было в русской истории действительно великого или характерно русского, ныне передается советской

общественности – правопреемнице древнего русского народа. Совсем недавно подвиг одного из героев обороны Севастополя, адмирала Нахимова, был запечатлен в художественном фильме, а в Невском порту ему установлен памятник.

Поверьте мне, соотечественники, Советский Союз – это не только одна шестая суши, не только границы, объемлющие более сотни народов, не только самая богатая природными ресурсами страна, но и, с точки зрения гражданского самосознания, единое государство. Жизнь всех этих наций и народностей регулирует самый либеральный закон о национальностях, созданный Сталиным, который еще в ленинские времена считался крупным специалистом по национальному вопросу. Нерусские народы не только свободно, за государственный счет развивают свою культуру, но многие из них, в том числе наши родственники, обязаны сохранением своего национального своеобразия и развитием советскому правительству. Всех их объединяет советский патриотизм, в центре которого стоит фигура Сталина. Я уже не раз упоминал его имя на страницах этой книги, когда речь заходила о великих преобразованиях, смелых начинаниях. Имя его в Советском Союзе окружают величайшее уважение и любовь. Всем известна его долгая, многотрудная борьба совместно с Лениным за свободу народа, все знают: именно Сталин создал советскую экономику, он запустил производство товаров повседневного спроса и широкого потребления в разрушенной, изможденной и голодной стране, он же отменил все это одним росчерком пера, как только почувствовал неизбежность войны. Его самое грозное творение – Красная армия – руководимая им, освободила советскую землю и дошла до сердца Европы, воплотив один из самых смелых стратегических планов в истории. Красная армия – это армия Сталина и советского народа: между армией и народом не может быть противоречий, они, по сути, одно целое и стоят за спиной Сталина, доверяя его предвидению и повинаясь приказам. Нет оснований сомневаться, что бесчисленные портреты Сталина, которые можно видеть на каждом шагу, в административных зданиях, в скромных жилищах, на улицах, на демонстрациях, выражают подлинные

чувства советского народа и не имеют ничего общего с византизмом или новой, современной практикой почитания русских икон. Советский народ любит Сталина, ибо знает, что он ведет скромный образ жизни и неустанно трудится на их благо, вчера, сегодня и завтра.

Кто в молодости лишился веры в искренность устного или печатного слова, не обретет ее и на склоне дней. Я не питаю иллюзий и предвижу, какую реакцию вызовет созданный мною образ Советского Союза у тех моих соотечественников, о которых я, к сожалению, не могу даже предположить, что они поймут, почему мне нужно было высказать – искренне и открыто, без всяких задних мыслей – свое мнение. По воле Всевышнего нашим соседом стала эта необычная, огромная империя, и так или иначе жизнь наша теперь будет зависеть от отношений с ней. Прежде всего, мы должны лучше узнать нашего соседа, к которому нас прибил ветер мировой истории.

На этих страницах я изложил свои собственные впечатления, то, как я видел и чувствовал, и никто мною не руководил и мне не указывал. Впрочем, я был далек от того, чтобы исследовать закономерности и писать строго научное сочинение. Не собирался я и излагать коммунистические принципы, тем более что они во многом противоречат тому, что мы чтим под именем естественного права. Но жизнь устроена так, что принципы со временем могут измениться, и, как мы видим, при коллективной форме хозяйствования находится место для частной собственности, которая служит мерой и вознаграждением за патриотический труд и строгое исполнение обязанностей; так и в других сферах: государственная власть становится все более гуманной, ставит человека в центр своей политики, притом мы знаем: не только в Советском Союзе, но и ни в одном другом государстве земного шара пока не удалось, образно говоря, обратить власть в Христианство. Ведь найдись в наш бесславный век хоть одно – в полном смысле этого слова – христианское государство, не случилось

бы ни Первой, ни Второй мировой войны, и не пугал бы людей призрак третьей мировой войны – атомной.

Вообще с точки зрения строгого следования нормам естественного права, все государства мира одинаковы, прежде всего в том, что по самым разным поводам то т у т, то т а м нарушают естественно-правовые постулаты. И капиталистическое мироустройство, противостоящее сегодня Советскому Союзу, еще ни один правовед не назвал соответствующим высоким образцам. В то же время, – об этом знает каждый, кто читает газеты и вряд ли поставит под сомнение: Советский Союз, несмотря на все отличия в политической системе, является союзником наций, выступающих за сохранение мира; вот уже двадцать лет как он установил дипломатические отношения с Великобританией и заключил бесчисленное множество экономических и политических альянсов с другими государствами. То, что дозволено далекой и свободной Британской империи – стремиться к добрым отношениям с Советским Союзом, то для нас, соседней Венгрии, стало необходимым, неизбежным, жизненно важным.

Одним из главных вопросов революции, на заре которой я пишу эти строки, остается: насколько мы примем и сможем обратить во благо то обстоятельство, изменить которое мы не в состоянии?

V. ТРАГЕДИЯ СРЕДНЕГО КЛАССА

Мы уже видели, что после освобождения от гитлеризма, при советской оккупации политическая жизнь возобновилась в своем прежнем виде – в форме парламентаризма, и то, что в пользу пролетарской революции высказалось подавляющее меньшинство, остается заслугой партии рабочих – коммунистической партии. Поначалу положение казалось куда более спокойным и простым, чем в 1918 г., в дни Октябрьской революции, когда ее буржуазные вожди с революционным задором заявляли о своих радикальных намерениях, не осознавая, что время буржуазной революции давно прошло и чем громче они дерут глотки, тем очевиднее приближают единственную оставшуюся в распоряжении истории революцию – революцию четвертого сословия, пролетариата, которого они так боялись, и когда момент настал, первыми кинулись спасаться бегством. Три года назад всё было по-другому. Все говорили не о революции, а о демократии – этом невинном, безопасном понятии, которое охотно использовали те, кто еще недавно награждал своих будущих кумиров эпитетами «проклятые» и «англо-жиды». Слово «демократия» поначалу имело множество смысловых оттенков, и потребовалось время, прежде чем расхождения в толкованиях стали очевидны, диверсифицировались и приобрели взаимоисключающий смысл.

На этой начальной стадии в центре кризиса оказался средний класс в самом благородном смысле этого слова: все, кто не относился к промышленным рабочим и крестьянам-земледельцам. Последние могли создать весьма серьезные трудности, если бы новые силы в политике своевременно не привлекли их на свою сторону, осуществив земельный передел, о чем речь уже шла выше. Но именно этот передел, в своих радикальных формах превосходивший наиболее смелые проекты только что сошедшей со сцены независимой партии мелких хозяев, потребовал

очевидного разрыва с прежними правовыми и административными формами: нужно было подать знак «среднему классу» и разъяснить смысл нового лозунга «демократия» тем, кто еще недавно стоял у кормила власти. Они должны были почувствовать, что демократия не имеет ничего общего с прежними формами социального расслоения и не может быть и речи об их восстановлении, когда извечный водораздел вновь проходил бы между «господами» и «не господами». При первом же оживлении парламентской жизни у вышедших на ковер партий представления о демократии оказались существенно иными, нежели у среднего класса, у социал-демократии или коммунистов с их пока еще малоизвестной демократией восточноевропейского типа.

Настало время первых выборов. Советские оккупационные власти вели себя в высшей степени корректно, как ни одна другая держава-оккупант в период после Второй мировой войны; единственное ограничение ввели сами старые партии, вынужденные при немцах уйти в подполье: они не допустили образования и участия в выборах каких-либо новых партий. Таким образом, все участники предвыборной гонки разделяли демократические убеждения, новое Национальное собрание состояло сплошь из демократов, и «демократия» со своим широким правоприменением, бессмысленностью и противоречивыми толкованиями стала чем-то вроде «христианско-национального» лозунга более ранней эпохи. Если демократический характер двух марксистских партий не вызывал идейных сомнений, то с партией большинства (т.е. независимой партией мелких хозяев) все обстояло не так просто. С одной стороны, в нее всем своим внушительным (по сравнению с другими партиями) списочным составом влились «мелкие хозяева» – крестьяне, которых после земельной реформы больше не интересовала политика; с другой стороны, ее ряды пополнил тот самый средний класс, все те, кто кричал о демократии, не помышляя при этом о социальных реформах: им были нужны порядок, мир, стабильность своего скромного, более или менее беспечного существования. С точки зрения поставленных целей независимая партия мелких хозяев казалась самым пригодным союзником, который и прежде при-

давал колоссальное значение усилению буржуазного крыла и, как немарксистская партия, она была антимарксистской в глазах тех, кто понял: вслед за демократической риторикой наступит революция.

Катастрофа партии большинства началась тогда, когда большинство Национального собрания заняло демократические и антиреволюционные позиции. В Венгрии давно стало общим местом утверждать, что здесь нет класса буржуазии; но с этим можно согласиться, только если подойти к венгерским реалиям с западноевропейскими мерками и под буржуазией понимать крупную, финансово независимую буржуазию, каковая есть в Англии или Швейцарии. На самом же деле, любовь к буржуазному образу жизни (от стиля одежды до литературных предпочтений и умеренных, более или менее цивилизованных форм самовыражения) была свойственна не только плохо оплачиваемым представителям свободных профессий или государственным и частным служащим, но и широким слоям населения (промышленным рабочим, цирюльникам, официантам, путейцам и прочим «маленьким людям»). Если они не были членами марксистских партий, уже считались буржуазией. Многие поддерживали живую связь с той или иной церковью, если не сами, то через своих жен. Все они, не будучи марксистами, отдали свои голоса за партию большинства и ждали от нее возвращения к мирной жизни, восстановления порядка и спокойствия, ибо им не на что было рассчитывать, кроме своего скромного, очень скромного достатка.

Никому из них не приходило в голову, что они уже дышат воздухом революции, их об этом никто не предупредил, включая собственную партию. Эти массы обратили внимание, правильно или ошибочно, на радикальный передел земли – у них было мало общего с лишившимся собственности крупным землевладением, поэтому они не горевали о его судьбе; у них на глазах протекали эксперименты промышленного пролетариата по выбросу революционного энтузиазма вне стен парламента, на предприятиях, возбуждение буквально витало в воздухе. Железнодорожные поезда, увешанные коммунистическими лозунгами, перевозили

пассажиров, которым коммунистическая риторика была чужда, с заводов и из мастерских приходили вести о столкновениях между владельцами и наемными работниками. Толпа, прежде именовавшаяся средним классом, неодобрительно качала головой, хотела покоя и полагала, что проблемы закончились, когда прогнали Гитлера и Венгрия освободилась от немецкого влияния. Дело было только за выводом советских оккупационных войск после подписания мирного договора, и тогда «мы снова будем сами себе хозяева».

Так думали и те, кто прежде выступал против немецкого господства и был вынужден покинуть страну, спасаясь от нилашистов и союзников Гитлера, или стали жертвами их жестоких преследований. Все они возвращались в страну к частично или полностью разоренным пепелищам в полной уверенности, что при новом обустройстве страны не обойдутся без них и возрождение отечества будет проходить под их непосредственным руководством. В этом их укрепляли так называемые проверочные процедуры, введенные в самых разных сферах деятельности, когда человек доказывал свою лояльность примерами собственных антинемецких поступков и убеждений. Ни о чем другом речи не было; и со временем враждебно настроенные к немцам элементы осознали, что для руководства страной в новой обстановке недостаточно быть добропорядочным венгром и не испытывать ненависти к евреям.

Возможно, свою роль сыграло и то обстоятельство, что рабочие партии воздерживались от акций, которые навели бы буржуазные массы на мысль о грядущем социальном переустройстве, революции, что нельзя будет просто продолжать с того момента, когда, побросав все, они спаслись бегством от гестапо. Рабочие партии упорно придерживались демократических лозунгов, не строили баррикад, не «захватывали власть» и мирились с тем, что на выборах остались в меньшинстве. Их растущую власть «остальные» до поры до времени воспринимали как эксцесс и злоупотребление, как отдельные случаи, когда порой ограничивались обещаниями, порой их в самом деле выполняли. Все это убедило людей в том, что речь идет

о неразберихе переходного периода, без которой нельзя себе представить ни одну проигранную войну, и лишь немногие догадались: нечто безвозвратно ушло в прошлое, и на его место идет то, что придется строить всем вместе, а не только представителям революционных сил.

Эта «переходность», а вместе с ней вера и надежда, что рано или поздно вернется старый порядок, характеризовали то общее настроение, которое объяло всех не имевших отношения к рабочей партии, прежде всего, примкнувших к партии большинства. И от подобных настроений в широких слоях населения только упрочилось определенное видение международной обстановки. Наши буржуазные круги никогда не проявляли способностей к реальной оценке нашего внешнеполитического положения. Нет необходимости погружаться в глубь веков, достаточно лишь вспомнить, кто и с какой уверенностью приветствовал союз с гитлеровской Германией. Те, кто в упор не видел приближавшейся революции, теперь пали жертвами другой иллюзии. Несмотря на то, что многие из них до последних дней войны люто ненавидели обе англосаксонские великие державы, Великобританию и Соединенные Штаты, с наступлением советской оккупации все свои надежды возложили именно на эти государства. Вольно или невольно они вели себя точно так же, как премьер-министр Миклош Каллаи в годы войны, когда наряду с официальной прогерманской союзнической линией всеми силами пытался установить контакты с англосаксами, чтобы Венгрия сложила оружие перед ними, а не перед Советским Союзом. (Сто лет назад Артур Гёргей стремился к обратному.) Все это, понятно, было напрасными надеждами, англосаксов связывали крепкие союзнические обязательства с Россией, которая именно в тот момент взвалила на свои плечи самую кровавую часть совместных военных операций, и речи не могло быть о том, что англосаксы под руководством Рузвельта нарушат соглашения. Возможность того, что Венгрию от гитлеровского ярма освободят англосаксы, а не Советы, полностью исчезла, когда главнокомандующий американскими вооруженными силами генерал Маршалл, а вместе с ним весьма решительно и президент Рузвельт, откло-

нили военную инициативу Черчилля, предлагавшего высадить союзнические войска не в Нормандии и Франции, а на Адриатике или на юге или востоке Балканского полуострова, чтобы оттуда двинуться на Венгрию и (через Австрию) на гитлеровскую империю. Об этом довольно подробно рассказывает сын Рузвельта в книге о своем отце, он пишет, что президент прекрасно понимал, к чему приведет отклонение инициативы Черчилля. В случае высадки союзников на Западе, во Франции, русские продвинулись в сердце Центральной Европы глубже, чем это предусматривалось планом Черчилля, но хорошо это, или плохо – будет зависеть от многих обстоятельств. Очевидно одно, что со времени высадки в Нормандии задача освобождения восточных территорий легла на плечи Советской России. Маршалл в первую очередь отказался от идей высадки на Адриатике именно потому, что, по его мнению, американской армии досталась бы слишком кровопролитная, требовавшая времени и сил миссия. Несомненно и то, что раз Берлин, Вена, Будапешт п р и ш л о с ь освободить Советскому Союзу (ибо союзники самоустранились), ни Рузвельт, ни Черчилль не смели вставлять ему палки в колеса, ибо победа Красной армии становилась и их победой.

Самым тяжелым случаем нашей хронической внешнеполитической дремучести, нашей темной необразованности было то, что это положение вещей наше руководство тогда (а массы – с тех пор довольно долгое время) не могли понять и не хотели принять. Между тем каждый шаг союзников сигнализировал, что в период до подписания мирного договора они относят Венгрию, как и других союзников Гитлера, к советской оккупационной зоне. В Ялтинском соглашении Рузвельт, в Потсдаме – уже президент Трумэн передал Советскому Союзу важные права в отношении этих стран; Румынию, Болгарию и Венгрию безраздельно оставили Красной армии для оккупации и вверили наблюдение за всеми сферами и восстановление мирной жизни так называемой Союзной контрольной комиссии под председательством советского представителя, где до самого роспуска этих органов по одному члену от Великобритании и США занимали позицию пассивных наблюдателей. Ничто,

буквально ничто не указывало на то, что Англия или Америка желают вырвать этого бывшего гитлеровского союзника из рук Советов. Таково было реальное положение вещей, которое, возможно, как раз потому, что было реальным и не допускало двусмысленных толкований, чего не могли взять в толк буржуазные массы. Однако положение ухудшилось не только оттого, что массы с течением времени ничего не поняли, но и потому что после смерти президента Рузвельта противоречия между Советами и англосаксами, точнее, американцами, обострились. Как известно, помощников Рузвельта одного за другим оттеснили от кормила американской политики. Даже если Трумэн в начале своего президентства не столь очевидно постулировал антисоветские позиции, как впоследствии и до настоящего времени, то значительная часть американской прессы – не исключая возможности применения атомной бомбы как панацеи против любого противника, в том числе и Советов – вольно или невольно наводила на мысль: эти двое или трое союзников могут в ближайшее время рассориться.

Недовольной части нашей публики большего и не требовалось! Сначала те, кто всего год назад в праведном гневе отворачивался от «Голоса Америки», теперь, прознав про новое оружие невиданной поражающей силы, прислушивались к этой радиостанции, как к оракулу. Атомная бомба заняла в их сознании то место, которое еще недавно принадлежало гитлеровским Фау-1 и Фау-2 и бесконечным немецким посулам чудо-оружия. Изобретение и создание атомной бомбы несомненно представляет серьезную проблему и возлагает колоссальную ответственность на тех ученых, кто ею занимается, о чем свидетельствуют их неоднократные заявления, но ответственность ложится и на военачальников; к тому же известно, что атомные исследования проводятся и в других странах, что лишь усложняет положение. Впрочем, все это нисколько не интересовало словоохотливую часть нашей общественности. Они столь же бездумно ждут изменения не устраивающей их ситуации от этого западного чудо-оружия, как когда-то кормились сказками о чудо-оружии Гитлера, пока в дверь не постучалась иная реальность. Не думаю,

что оскорбляю мой народ, у которого за прошедшие десятилетия я насчитал много ошибок и недостатков, но и не верю, что ожидания чуда объясняются извечной наивностью и склонностью питать иллюзии; скорее я предположу, что оглушение, которое в годы гитлеризма поразило часть нашего общества, действует и по сей день, только поменяло знак. Веру в чудесное оружие против англосаксов сменила вера в чудо-оружие, изобретенное самими англосаксами. У него сходные функции: сохранение материального и социального положения маленького среднего класса в Дунайском бассейне. Необходимо добавить, что этот средний класс, пережив войну и разруху, а также недружественный ему новый порядок и инфляцию, действительно скорее обеднел, что отчасти объясняет его болезненный интерес к чудодейственной атомной бомбе и ко всему тому, что вернет им прошлое.

Мне необходимо было обрисовать эти настроения, потому что тон в партии большинства задавали как раз те, кому были свойственны подобные чувства и туманные внешнеполитические представления. На чувства сильно повлияли воспоминания о первых неделях советской оккупации. Я не собираюсь приводить здесь статистические данные или восстанавливать партийную историю первого Национального собрания по парламентским дневникам и газетным публикациям, но для понимания ситуации в целом можно прибегнуть к «маленькому штриху», даже анекдоту, концентрированно выражающему суть происходящего. Когда правительство и рабочие партии в парламенте торопили возвращение золотого запаса Национального банка из американской оккупационной зоны, именно из рядов правящей партии прозвучали заявления, что в этом нет необходимости, пусть лучше останется там, ему там самое место и т. п. Эти и другие подобные высказывания служили единственной цели: дать понять представителям держав-победительниц, какие настроения царят в рядах партии большинства. Настроения эти были еще настолько сильны в памяти населения, что нет необходимости и далее развивать этот сюжет, потому перейду к тому, что сейчас, вскоре после завершения исторического про-

цесса, я не могу назвать иначе как установлением исторической ответственности.

И в самом деле, партию большинства и ее вождей, прежде всего облеченного официальной властью, бежавшего за границу премьер-министра, нельзя освободить от ответственности за то, что у среднего класса как у понимаемой в самом широком смысле целостной общности отняли последнюю возможность принять участие в возрождении страны соразмерно его численности и сообразно социальному профилю интеллигенции. Такая возможность еще существовала в самом начале, особенно после первых выборов. Требовалось только одно: чтобы выходцы из этих социальных слоев в партии большинства встали на реалистические позиции, увидели гибель старого общественно-экономического строя и попробовали вместе с теми, кому революция передала власть, создать новую Венгрию. Выражение «позитивная работа» в наши дни затерлось до неприличия, но я все-таки его использую; на новые вызовы времени необходимо было отвечать созидательной работой: экономически и культурно просвещать участвовавшее в переделе земли и обретшее надель крестьянство, ставить крупные предприятия на службу государству и народу (что, естественно, повредило бы классическим капиталистическим отношениям), поддерживать экономические, культурные и политические устремления промышленного пролетариата и, не в последнюю очередь, искренне, реалистически признать ту роль, которую в одинаковой мере война и союзники возложили на Советскую Россию – нашего нового соседа. Однако всего этого не случилось. Хотя официальные заявления партии в вопросах реальной политики звучали вполне здраво, поступки и образ мыслей, распространенный в массах, указывали совершенно в иную сторону. Политики, с которыми ассоциировалась партия, за редкими исключениями происходили из рядов интеллигенции и в вопросах передела земли разделяли более умеренные позиции своих предшественников. В экономических вопросах эта партия априорно была партией крупного капитала, не в последнюю очередь потому, что предприниматели, банкиры и фабриканты, бежавшие из страны от

гитлеровской чумы, сосредоточились в этой партии и влияли на формирование ее политики. Ни эти убежденные седины, много повидавшие на своем веку капиталисты, ни желторотые интеллигентские юнцы, на пару с ними рулившие партией, некогда создававшейся как крестьянская (хотя само крестьянство проявляло ко всему завидное равнодушие), и подумать не могли, будто все останется так, как недавно сложилось в результате резкого и внезапного наступления промышленного пролетариата. Капиталистические и интеллигентские вожди крепко-накрепко верили, что рано или поздно с Запада накатит мощная англосаксонская волна, которая не только сметет господство четвертого сословия, но и вынудит оккупационные войска покинуть страну. Они верили антисоветской риторике западных, прежде всего североамериканских, газет и принимали за чистую монету все безответственные заявления, сделанные за бокалом вина американскими солдатами и прикомандированными к нам мелкими функционерами.

Они не видели никакой необходимости в том, чтобы ускорить переустройство страны на новых принципах: ведь так или иначе скоро всё изменится, и тогда придется продолжать с той точки, где их застала революция. Неважно было, что эти люди исповедовали довольно противоречивые взгляды на то, откуда следовало начинать новый отсчет венгерской истории. После позорного завершения эпохи Хорти были и такие, кто предлагал вернуться к легитимному Габсбургскому королевству, другие в тоске по старым добрым временам обратились к досоциалистическим и докоммунистическим идеалам Октябрьской революции 1918 г., но гораздо больше сторонников было если не у Гитлера, то у прогитлеровского венгерского шовинизма, подпитываемого новым антисемитизмом и стремящегося окончательно вытеснить с политической сцены пролетариат и крестьянство. Многие же антифашисты потому не приняли новые веяния, что не увидели в них тех самых свобод, ради которых еще недавно они становились жертвами незаконных преследований нилашистов. Как я уже говорил, впервые и притом организованно выступившая на авансцену коммунистическая партия создала и взяла под свой

контроль институты поддержания порядка; будучи прекрасно знакомой с обрисованным на этих страницах образом мыслей широких масс, она прибегала к арестам и интернированию охотнее, чем того допускала старая добрая государственно-правовая и судебная практика. Подобные нарушения свободы личности часто носили превентивный характер, были направлены на защиту революции и в этом случае не могли быть встречены с восторгом теми, кто не мог дождаться ее окончательного поражения.

Первые лица партии большинства неоднократно выступали против случаев несправедливого – в их понимании – ограничения свободы личности; и это, пожалуй, единственная польза, которую они принесли. Считая ситуацию переходной, они не принимали участия в длительных и влекущих за собой серьезные последствия акциях. Неотложного вмешательства требовали, по сути, два вопроса. Во-первых, экономическое руководство передёнными латифундиями со стороны партии мелких хозяев, тем более что многие из новых землевладельцев мало смыслили в сельском хозяйстве. Система администрирования крупных поместий была уничтожена, тысячи управленцев-аграрников остались без работы, а ведь из них можно было отобрать тех, кто политически себя не скомпрометировал, и привлечь их вместе с молодыми крестьянскими хозяйственниками к управлению новыми сельскохозяйственными угодьями. Со стороны партии большинства попытки объединить крестьян в кооперативы преследовали скорее политические цели; воспитательная функция кооперативного движения занимала в их повестке дня довольно скромное место. Посему падение сельскохозяйственного производства оказалось сильнее, чем можно было бы ожидать от земельного передела, наблюдался дальнейший упадок садоводства и виноградарства. Другой насущной необходимостью была бы кардинальная реорганизация промышленного производства, поиск общего языка с крупным капиталом, чтобы в новых условиях, после разрухи военных лет, промышленность поскорее вышла из кризиса, чтобы собственник и производственный совет и профсоюзы не страдали от постоянных проволочек. Как я уже говорил, капитал стремился заручиться поддержкой партии

большинства, последняя же была совершенно не в состоянии проявить в этой области хоть какую-то инициативу и отдала их на произвол рабочих партий, прежде всего недремлющих коммунистов. Масштабные свершения в области промышленности, национализация крупных заводов и банков, попытки здравых и справедливых изменений в сфере цен и заработной платы произошли вопреки воле и желанию партии большинства; хотя в ее рядах было немало честных экономистов, их мнение почти не учитывалось партийным руководством: в сложившейся экономической ситуации они, образно говоря, ничего не делали для повышения курса акций, а в глубине души надеялись, что цены на них в скором времени упадут. Впрочем, в одной сфере партия добилась многого: она превратила свою организацию в экономический организм, даже в государственно-правовой фактор. Вслед за ней все официально признанные партии стали превращаться в доходные предприятия: поделили между собой кинотеатры, заняли здания, распределили посты в банковском руководстве и на производстве, их члены получили всевозможные льготы, о чем и мечтать не смели те, кто оставался вне партийных структур. Отсюда до коррупции оставался всего один шаг, и партия большинства отнюдь этого не чуждалась и не подавала в этом вопросе примера, достойного подражания. Некоторых ее членов считали высеченными в граните памятниками коррупции.

У меня нет намерения и далее рисовать эту печальную картину, нам следует лишь уяснить себе суть происшедшего: в сложившейся атмосфере средний класс был не в состоянии объединиться с пролетариатом, смягчить его враждебность и объединенными усилиями взяться за возрождение родной страны из пепла. После первых революционных шагов, которые, впрочем, сделали другие, у среднего класса оставалась одна единственная разумная возможность: признать, что старые добрые времена – когда он с полным правом носил свое имя, ибо располагался между правящей элитой и (политически, экономически более бедными и слабыми) низшими слоями – прошли навсегда и больше не вернуться. Согласившись с неумолимыми фактами, он мог бы встать на достойные восхищения гуманистические

позиции, достаточно было не столько вынужденно признать необходимость улучшения материального и общественного положения тех, кто находился ниже него, сколько пойти на это ради социальной справедливости и повинувшись доводам милосердия. Такого «рукопожатия» не произошло, средний класс по-прежнему искал пути собственного спасения и предоставил заботы о возрождении отечества рабочим и их вождям. Если выражаться политическим языком, самая многочисленная партия большинства, бывшая, по сути, партией буржуазии, не смогла вовлечь этот средний класс в процесс созидания. Возрождение страны шло своим чередом, но средний класс принимал в нем участие в лучшем случае в лице политически несамостоятельных чиновников.

На партию и в ее рядах на средний класс решающее влияние оказала внешняя политика. У революции, как мы видели, наряду с внутренними резервами, естественной движущей силой оказывалось влияние соседнего Советского Союза. Мы видели, что СССР приходилось следить за тем, чтобы малые государства, расположенные по периметру его западных границ, вновь не превратились в очаги направленной против него агрессии. Никто не станет утверждать, что Советский Союз был изначально предвзято расположен к победившей на новых выборах партии большинства и сформированному под ее руководством коалиционному правительству. Напротив, венгерский кабинет министров пригласили в Москву точно так же, как до того правительства других бывших союзников гитлеровской Германии, чем оказали доверие и выразили надежду на развитие добрососедских отношений. Советско-англосаксонские противоречия проявились к тому времени уже во многих сферах, и ни у кого не оставалось сомнений, что после визита в Москву венгерское правительство поспешит вылететь в Вашингтон и Лондон. У этих двух западных вояжей не было ни позитивной цели, ни смысла, они были из рук вон плохо подготовлены, а точнее, неподготовлены; с Даунинг-стрит открыто дали понять, что в настоящий момент не считают визит венгерского правительства желаемым, примерно то же самое, только в менее резких выражениях, заявило и американ-

ское правительство. С другой же стороны, последствием у этих бессмысленных и бесполезных визитов должно было стать то, что венгерское правительство со всей очевидностью взяло бы на себя роль политического маятника.

Нет необходимости рисовать в деталях последующий ход событий. Премьер-министр и партия, уверовав в то, что присутствие Советского Союза у наших границ фактор временный, возложили дело возрождения страны всецело на плечи рабочих партий, с которыми партия большинства находилась в постоянной позиционной борьбе и под их давлением исключила из своих рядов тех своих членов, кто во всеуслышание заявлял о том, о чем остальные предпочитали не говорить вслух. По мере приближения момента подписания мирного договора премьер-министр и его окружение были озабочены возможным окончанием оккупации и ломали голову над тем, как положить конец советскому влиянию после вывода Красной армии, что, учитывая просоветскую ориентацию и пролетарский характер революции, скорее походило на приготовления к реставрации. Однако демонтаж революции на линии Дунай–Тиса затронул бы стабильность, которую Советский Союз оплатил ценой великих жертв, потому подобные эксперименты по внутри- и внешнеполитическим причинам представляли для Венгрии несомненную опасность, если учесть положение дел во время войны и то, что иначе и быть не могло. Статус оккупационных войск определялся соглашением о перемирии, и в соответствии с его буквой был пленен один из ведущих политиков большинства, да и другие оккупационные армии сохраняли за собой это право.

Наше понимание прав человека сыграло с нами злую шутку: можно сочувствовать юным фанатикам, но не ответственному руководителю, которому так и не удалось – раз и навсегда, без всякой надежды на возрождение – сровнять с землей эту израненную, обессиленную страну. Зато ему удалось разрушить одну крупную партию и лишить целый общественный класс, заслуживавший – при всех своих грехах и ошибках – лучшей участи, какой бы то ни было исторической роли. После того как сей политик добровольно вышел из рядов нации, его судьба нам

безразлична, как нет нам дела до трех «дипломатов», которые за годы неверной службы обогатились на министерских и иных ответственных постах, получили – при содействии партии большинства – назначения в дипломатические миссии за рубежом и воспользовались правительственным кризисом, чтобы перевести несправедливо нажитые состояния на капиталистический Запад. Если не считать воров, выход из партии честных, но плохо или совсем не информированных послов лишь подтвердил, насколько решающим было влияние прекратившей теперь свое существование партии большинства в одной из самых чувствительных областей нашей национальной жизни – в дипломатии.

VI. К НОВЫМ ФОРМАМ

В этой моей работе идет речь о трех годах перемен; в жизни нации это столь короткий период, что если мы захотим проанализировать детали, делать это придется с помощью микроскопа. Жизнь на самом деле так многогранна, индивиду и семьи, составляющие нацию, столь многочисленны, а людские судьбы до того тесно переплетены друг с другом, что нет никакой возможности нарисовать целое с такой долей достоверности, чтобы каждый разглядел в нем себя. При описании своей эпохи и ее особенностей мы сталкиваемся с такими же трудностями, что и историк, которому надлежит знать все события былых времен, а он вместо этого лишь рисует линии поверх непознаваемого прошлого, мертвой материи, чье богатство он не в состоянии воспроизвести. Примем ли мы эти линии за черты сложного прошлого, зависит от методики рисовальщика, его искренности и типа личности. С такими же трудностями мы сталкиваемся при анализе этих трех лет, если не хотим прибегать к самым примитивным методам и обосновывать размах наших успехов или степень отсталости статистическими данными, с цифрами в руках.

То, что за три прошедших года страна сделала колоссальный рывок в материальной сфере, не подлежит никаким сомнениям. Здесь нет необходимости лезть в карман за цифрами, мы прекрасно помним, как после штурма Будапешта, в конце войны возвращались или выползали на свет Божий, осматривали свои разоренные квартиры, изрытые воронками улицы, порушенные храмы, школы, мосты и в один голос заявляли: здесь уже никогда не будет ни города, ни страны. Сегодня, если оглядеться вокруг, в руинах остались только большие, многоэтажные постройки, в которых, согласно темпам восстановления, пока нет необходимости: королевский дворец, замки в разных уголках страны, пяти- или шестиэтажные многоквартирные дома в Буде, жители которых покоятся без погребения под их обломками или давно

переехали в другие места и навсегда покинули родные пепелища. Все остальное находится в стадии реконструкции. Улицы вновь стали улицами, на них нет и следа тех ужасов, мертвых человеческих тел, конских трупов, груды обломков высотой с жилой дом, которыми они были покрыты совсем недавно. Порядок наводили не современные американские уборочные машины, о применении которых в Германии или во Франции мы слышим то тут, то там: население само грузило мусор на повозку, затем пятнадцать-двадцать человек оттащивали ее в поле или на пустырь, где опять-таки вручную сбрасывали и ровняли с землей. Шла война, лошадей и тракторов не было или еще не было, когда изможденные голодом жители Будапешта проявили чудеса героизма, расчистив улицы родного города: женщины, старики, дети, плечом к плечу буржуазия и пролетариат. На пепелищах магазинов, как на подиумах, восседали женщины, предлагавшие необходимые для той примитивной жизни товары – две-три свечки, немного спичек, больше похожие на ветошь платки и «печенье», по вкусу напоминавшее песок (собственного изготовления или приготовленное мешанками и «благородными дамами»). Было много таких, кто только один и уцелел из всей семьи. С первозданным ужасом ждали они в своих лавках вестей из Освенцима. Так началась новая жизнь, из смерти и разрухи. Тогда же было инициировано плановое обновление экономической жизни под руководством рабочих партий. В первую очередь стали отстраивать дороги, восстанавливать тысячи взорванных мостов, налаживать железнодорожное сообщение, снабжать продовольствием города: в Будапеште находчивый бургомистр приказал завести на площадь Кальвина, прямо к стенам порушенных домов, вагоны с картошкой и безвозмездно раздал ее столпившимся вокруг столичным домохозяйкам. Закипела работа по восстановлению заводов и шахт, часто при поддержке оккупационных властей, которые плохо разбирались в рекламном деле, но случаи, когда тот или иной русский полковник откомандировал своих людей для проведения осенних или весенних полевых работ (при этом он принимал во внимание, когда данная территория была осво-

бождена от фашистов и там прекратились военные действия), не были редкостью.

Все остальное, в самом деле, проще прочувствовать с помощью скупых цифр статистики. Что в той или иной отрасли народного хозяйства мы через два-три года достигнем 80 или даже 100% от довоенного уровня, что прирост в поголовье той или иной породы скота с неожиданной быстротой компенсирует недавние потери, что благодаря трудам наших земледельцев у нас нет оснований опасаться грядущего года даже в такой засушливый год, как этот. Из списка голодающих европейских народов, что ведется на далеком Западе, нас давно уже вычеркнули, и только мы, венгры, смогли побороть послевоенную инфляцию собственными силами. Наша инфляция была самой высокой в мировой истории, пенгё упал так низко, как не падала ни одна другая валюта, даже немецкая марка после Первой мировой войны; прежде чем удалось подавить инфляцию, денежный оборот в стране прекратился на три долгих месяца: чиновники, учителя и рабочие жили не на свою скудную зарплату, а меняли на продукты те вещи, что уцелели за годы войны. Эти времена доказали, что в сё население, будь то буржуазия, или пролетариат, способны на героические усилия, если правительство в состоянии объяснить им конечную цель, а не просто «заговаривает воду»... Случилось так, что новая валютная единица быстро получила широкое признание, крестьянство, производящее продовольствие, тут же в нее поверило, вскоре оживился внутренний рынок, а за ним набрала обороты и внешняя торговля.

И вот теперь, когда пришло время подводить итоги, которыми нельзя не гордиться и которые признают все без исключения приезжающие к нам иностранцы, в наших убогих политических кругах немедленно встает вопрос: чья же это заслуга? И тут все поголовно гордо бьют себя в грудь, исключения составляют, пожалуй, бедные вдовы, учителя и учащиеся, а также швей-надомницы и врачи, не имеющие привычки гордо бить себя в грудь, а ведь они точно так же трудились и испытывали нужду, как и все остальные. Руководство, вне всяких сомнений, находилось в руках политических партий, и в их числе именно

две рабочие партии направляли и вдохновляли массы, занятые восстановлением страны. Программу опять-таки разработали коммунисты, но не следует думать, что эту страну за столь короткое время и со столь значительными успехами можно было бы возродить, не участвуя в этом сама страна.

Эта страна – прекрасная и талантливая страна, ее народ добродушен и покладист, вот только он не разбирается в одном вопросе нынешнего переходного периода – и тут уж ничего не поделаешь – в политике. И этого порой не учитывают даже наши вожди, отсюда их привычка слишком много разглагольствовать о политике.

После крушения партии большинства возникла необходимость в новых выборах, которые не воспринимались уже как судьбоносное волеизъявление, ибо за последние сто лет стали в Центрально-Восточной Европе делом привычным. Ситуация была вполне очевидной. На место партии большинства, заключавшей в себе «*rudis et indigesta moles*» среднего класса, в парламент пришла более однородная, озабоченная положением крестьянства независимая партия мелких хозяев, чья фракция уменьшилась в десять раз. Из двух марксистских рабочих партий небольшое численное преимущество было на стороне коммунистов, но большинство населения страны по-прежнему не разделяло марксистских идеалов. Коалиционным партиям в парламенте пришлось довольствоваться 60 процентами мест, зато теперь они представляли более сплоченный и революционно настроенный электорат; после этого несогласные из рядов (теперь уже бывшей) партии большинства перешли в открытую оппозицию и создали новые партии, выступавшие за сворачивание революции и – в противовес рабочим партиям – в той или иной форме по-прежнему представлявшие настроения разрозненного среднего класса.

Нет никаких сомнений, что в новом парламенте осуществляется воля коалиционного большинства, и, следовательно, революция в сфере экономики, управления, судопроизводства будет продолжаться. Но жизнь в стране протекает не только в стенах парламента; прибавим сюда старую истину, что не всегда самое

интересное то, что происходит в парламенте. В общем и целом, парламентские ристалища отражают противоречия в самом обществе, потому не будет лишним пристальнее рассмотреть этот свойственный среднему классу образ мыслей; однажды – в лице партии большинства – эта ментальность привела нас к краху, и на сегодняшний день у нее нет влиятельных, авторитетных представителей, ибо ее разделяет только оппозиционное меньшинство, и все-таки этот образ мыслей явно и неопровержимо живет в нашем обществе.

Часть этих оппозиционеров – наиболее заметные в политическом спектре – потеряли власть, положение, богатый образ жизни и, как следствие, свободу, на возвращение которых они могли бы рассчитывать когда-нибудь, в отдаленной перспективе, в случае наступления покоя и завершения революции. Они плачут о минувшем и ждут большого поворота, который отменил бы все то, что произошло за последние три года. В их рядах немало таких, кто в гитлеровские времена пугал тех, кто решался плыть против течения, теперь же они от чистого сердца предостерегают тех, кто готов принять сегодняшнюю ситуацию. Разворачивающееся на глазах у всего мира противостояние США и СССР вселяет в них надежду на полную и окончательную ликвидацию коммунизма. Спорить с ними бессмысленно: они скорбно и твердо верят в исполнение своих заветных чаяний.

«Страшные вести», если не приходят к нам в страну прямо из-за границы, распространяются именно этими людьми. Они представляют собой политическую силу, которую нельзя недооценивать: берутся реальные политические события, извращается их смысл и в очерненном виде подаются политически безграмотной толпе. На первом месте стоят страхи перед Советами, старые и новые. В числе старых с завидным постоянством фигурировали не имевшие ничего общего с действительностью слухи о введении однопартийной политической системы, насаждении колхозов, присоединении к Советскому Союзу – так называемой соподчиненной государственности. Новые страхи время от времени менялись, можно сказать, по сезонам. Например, этой осенью ходили слухи, что на наших границах стоит от

5 до 50 тыс. и даже 500 тыс. вагонов с пшеницей или сахаром, которые у нас забрали русские, чтобы помочь Франции и тем самым привести сторонников Тореца к власти. Точно так же не затихали разговоры о том или ином, находящемся в данный момент у власти венгерском правительстве, готовом в любой момент заложить страну и ее свободы.

Все это не получило бы такого широкого распространения, в том числе среди благонамеренных и не имевших ничего общего с прошлым режимом людей, если бы не была жива память о довоенном мире – вольготном, полноценном, дающем несоизмеримо большую свободу, чем та действительность, что досталась нам после бедствий войны и многократных катастроф. Часто речь идет о чем-то совсем незначительном: цене на сало, стоимости кружки пива и тому подобных мелочах, которые тогда – по сравнению с нашим временем регулируемой экономики, когда форинт обесценился в пять раз – были доступны даже беднякам. Из этого следует: все, что соответствует среднему уровню или, в глазах общественности, немного его превосходит, становится предметом откровенной зависти и даже превращается в социальное явление. Так, при прямом пособничестве зажиточных слоев вышел на свет лишенный всякой моральной силы и осужденный христианством дьявол антисемитизма, с которым, смею надеяться, мы больше никогда не столкнемся. По предварительным подсчетам, жизни лишились полмиллиона венгерских евреев, и все мы наверняка несем за это ответственность, поскольку не повели себя с ними так, как датские, голландские или французские верующие христиане-католики. Неважно, что около ста пятидесяти тысяч вернулись домой, но мы тогда, в момент полнейшего помутнения рассудка, ничего не сделали для их спасения. Мне один-единственный раз представилась возможность дать совет эмигрировавшему ныне за границу тогдашнему премьер-министру. Я предложил ему, чтобы на одном из первых заседаний Национального собрания были бы в форме официального манифеста принесены извинения евреям и – в связи с событиями в Уйвидеке – югославам. Я полагал, что те, кто пережил подлинное страдание и испытал чувство глубокой

обида, не останутся равнодушными к словам, вызванным столь же подлинными чувствами и наполненным пафосом справедливости и сожаления. Ничего подобного не произошло, и те, кто по Божьей милости чудом вернулся домой, не всегда получали назад свои жилища и магазины, потому что закон о квартирах стоял на стороне вселившихся в них тем временем нацистских приспешников. Большинство вернувшихся по сей день влачат жалкое существование и мечтают о переселении на историческую родину, в Палестину: евреи, прежде едва ли не поголовно лояльные венгерской национальной идее, с тех пор стали яркими сионистами. Но многие по-прежнему считают себя венграми, они включились в новую жизнь, вернулись на прежние роли в конторы, на предприятия, главным образом, в торговлю. Раньше я уже говорил, что в массах возросла неприязнь к видимым признакам благополучия и достатка, отчасти так проявлялся антисемитизм, но отчасти это было следствием того, что у спасшихся от бесчеловечных преследований людей нервная система даже в мирное время функционирует уже по-другому. Это проявляется в восприятии окружающего мира или высказываниях. Однажды, прочитав подобное резкое высказывание, я заинтересовался личностью автора и узнал: происходит он из многодетной семьи, по возвращении домой ему пришлось оплакать двадцать одного родственника, к гибели которых было не в последнюю очередь причастно и венгерское государство. Но озлобившихся друг на друга людей обычно не разоружить такими аргументами, и нам не остается ничего иного, как только причислить антисемитизм к силам, враждебным новому порядку. Может статься, придет то время, когда церкви куда более решительно и действенно осудят этот грех, позорными жертвами которого мы однажды уже становились.

Есть и куда менее заметные, не столь опасные явления, которые упорно никуда не деваются и постоянно мешают сближению старого и нового. Это те самые явления, что мешают поддержать новое направление многим прогрессивным, демократически мыслящим людям. Сюда относится, например, распространенное среди порядочных людей уважение к зако-

ну. Я не имею в виду традиционное государственно-правовое мышление, которое ныне сохранилось только у тех, кто слепо отвергает сложившиеся реалии и твердо верит в ушедшие, не подлежащие возврату категории, ставшие уже давно, почитай сто лет, пустым звуком, фикцией (Венгерское королевство, основанный на праве рождения сословный строй, или особый слой аристократии – «знаменосцев» («*baroni regni*»), собиравших под своими знаменами от нескольких сот до нескольких тысяч вооруженных наемных солдат для защиты отечества). Однако законы следует уважать, есть в них та моральная чистота, с которой современный мир примириться иногда не в состоянии. Ведь в дни Французской революции не соблюдали те законы и декреты, которые издавали сословные парламенты абсолютных монархов. Не будем забывать, что находимся в г о р н и л е революции, она не создала и не создаст новых фундаментальных законов, но творящие ее люди часто думают иначе, нежели сторонники законов действующих. Этот конфликт довольно серьезен, потому что у обеих сторон обострено чувство моральной ответственности. С особой резкостью это проявляется в вопросе о капитализме, но то же можно сказать и о других, этических по сути вопросах. Приведу несколько примеров, которые, дополняя друг друга, пояснят различия в позициях отдельных людей. Закон предписывает начальнику полиции на основании судебного решения отдать приказ об аресте или подобном действии, но случается так, что тот не отдает подобного приказа, потому что решение ошибочно, противоречит морали. Законопослушный же гражданин приходит в замешательство от того, что государственный служащий отказался повиноваться законно принятому судебному решению. Как видим, здесь сталкиваются два представления о морали, что, по моему скромному мнению, серьезнее столкновения двух поездов, и государство должно приложить все усилия, чтобы этого избежать. Некто, прежде мучивший рабочих активистов и коммунистов, был оправдан судом, но оправданного арестовала полиция, и один современный политик, у которого из рабочего отряда в живых осталось девять человек, объяснил мне, что арест был правомерен, потому что

иначе один или другой из девяти уцелевших не удержался бы и свершил над оправданным мучителем самосуд. Я прочитал необычайно интересную газетную зарисовку, в которой описывалось бессердечие зажиточного крестьянина по отношению к бедным односельчанам. Сельский судья или нотариус, видя все эти злодеяния, заявил, что вычеркнет этого никчемного, бесчеловечного крестьянина из списка избирателей. Здесь опять-таки налицо конфликт двух моралей, который наблюдается в стране повсеместно. Именно в нем корень раскола в венгерском обществе по вопросу о швабах. Никто не возражал против высылки швабов-гитлеровцев, когда, если я не ошибаюсь, еще до окончания войны лично Черчилль говорил об обменах населения и выселении немцев. У нас в стране трудности возникли с тем, что помимо швабов-гитлеровцев выселены были и те, кто не смог доказать свое сопротивление движению «фольксдойче», хотя и оставался верным сыном венгерского отечества. Несмотря на это, одна политическая партия пыталась выселить из страны именно этот верный Венгрии элемент, потому что у тех были, как правило, более крупные земельные наделы, которые, после выселения швабов, можно было бы поделить между переселенными сюда из Чехословакии венгерскими крестьянами. Мы снова имеем дело с конфликтом, где обе стороны придерживаются по-своему понимаемой законности, которую считают более человеческой, более нравственной.

Иными словами, в новых обстоятельствах закон становится слишком узким, тут и там выпирают то колено, то локоть – это дают о себе знать новые потребности, и удовлетворить их не удается пока ни с правовой точки зрения довольно спорными решениями государственной власти, ни незаконными или выходящими за рамки закона массовыми выступлениями. Но там, где друг другу противостоят (или скажем мягче: сосуществуют) несколько исповедующих взаимоисключающие идеалы партий, там, образно говоря, желают выкосить соседний луг именно те, кто убежден в правоте своих взглядов или нравственных позиций. Здесь берут свое начало многочисленные движения, возникшие в деревнях, на предприятиях, вокруг партий: н и з ы уже не в со-

стоянии выслушивать их жалобы, а вожди наверху безуспешно пытаются найти мирное решение.

Законопослушный гражданин между тем растерянно наблюдает за этим хаосом: его дисгармония мешает оценить наш путь, наше настоящее и наше будущее. Раньше или позже он становится «реакционером», ждущим возвращения прошлого, которое он в свое время сам осуждал. Нет сомнений, что в последние десятилетия именно в добропорядочных людях слишком сильно было уважение к букве закона, и в эпоху Хорти постепенно сформировалось мнение, что не следует критиковать приговоры суда, как если бы они в каждом конкретном случае служили бы абсолютным нравственным камертоном. Теперь судей вновь разрешили критиковать, в том числе устно и письменно, но это не снимает той двойственности, которая особенно очевидна в вопросах правосудия в дни революции. А ведь это вопрос колоссального значения, и если его разрешить, новая демократия получила бы честных и надежных сторонников. Старые законы, как законы классового общества, часто не имели ничего общего с чистой моралью, новые законы, которые только еще предстоит принять, тоже наверняка будут в той или иной форме носить классовый характер; но если они будут нравственнее законов капиталистической эпохи, то смогут преодолеть пресловутую двойственность и привлечь на свою сторону тех, кто стремится к правде и справедливости. Такая возможность открывается сейчас в связи с рассматриваемыми в рабочих судах делами об искусственном взвинчивании цен и пр.: как только стало ясно, что прежняя судебная машина не в состоянии своей работой погасить страсти, пролетарская революция создала такие суды, чьи решения благотворно скажутся на общественных настроениях, и таким образом будет погашен один из источников беспокойства, а, следовательно, революция в этом вопросе победит.

Мне представляется, что одними только политическими средствами большинство проблем не разрешить. Ведь явления, которые мешают революции идти вперед, вызывают хаос и вынуждают подолгу топтаться на одном месте, могут иметь другую природу (в крайнем случае, политики используют их в своих

интересах) – в общественном сознании они скорее относятся к разряду морально-этических, и как таковые требуют от руководителей психологического понимания и врачевания. Я упомяну только два круга проблем, без чего понимание ситуации не будет полным. Один – это коррупция и финансовые аферы, когда обогащение одних сопровождается злоупотреблениями, или, по крайней мере, ведет к сколачиванию таких состояний, которые никак не соотносятся с трудами на общее благо. Состояния, нажитые таким путем, принято, конечно же, самым примитивным образом выставлять на всеобщее обозрение: есть, пить, кутить в ресторанах, покупать автомобили и пр., иначе такие деньги и не потратишь; на злоупотреблениях трудно нажить капитал, а если это все-таки удастся, лучше спрятать его от греха подальше где-нибудь за границей или прибыльно вложить у себя на родине, например в какое-то предприятие. У такого образа жизни, очевидно, есть два источника, которые в глазах общественного мнения часто сливаются в один, границы и впрямь трудноразличимы. Один – это незаконный доход с продаж, который называют валютными махинациями, спекуляцией, контрабандой, взвинчиванием цен, торговлей на черном рынке и т.п. Этим, главным образом, промышляют представители некоторых свободных профессий, от кустарей до промышленных и сельскохозяйственных предпринимателей и коммерсантов. Есть среди них мелкие воришки, стащившие пару булочек, но есть и те, кто, вывозя из страны национальное достояние, сколотили миллионные состояния. Действовавшие до недавнего времени правила игры, в том числе создание экономической полиции, не могли заставить замолчать общественное мнение, обвинявшее тогдашний режим во всех грехах. Тут-то мы и встречаемся со вторым источником: в связи со злоупотреблениями нередко выясняется, что они были бы невозможны без содействия тех или иных должностных лиц, ведь мы помним, что до революции некоторые властные институты оказались замешанными в подобных скандалах. Не будем забывать и о том, что еще три года тому назад седьмая заповедь Христова в нашей стране толковалась весьма произвольно. Для исправления ситуации

необходимы содействие не только государственной власти, но и моральная поддержка политических партий, ибо последние, в глазах общественного мнения, нередко ставят властные интересы выше нравственных императивов. Лакмусовой бумажкой здесь служит сделанное коммунистами на прошлых выборах и поддержанное другими партиями обещание проверки источников доходов государственных чиновников. Если все-таки до этого дойдет черед, а не случится так, что расследования приостановят, дойдя до известных фигур, наживших колоссальные состояния, революция сделает большой шаг по пути честности и поднимет престиж новой демократии в глазах многих добропорядочных граждан.

Ни о денежной коррупции власти и торговли, ни о том, о чем пойдет речь сейчас – о духовной коррупции прессы – в Советском Союзе, который мог бы в этих вопросах служить образцом, не имеют ни малейшего понятия. В советской прессе вы не встретите личных выпадов, клеветы, беспочвенных и не ведущих ни к каким последствиям обвинений в адрес невинных людей. Пострадавшая сторона у нас обычно пишет опровержение, которое газета, как правило, не печатает, зато его, в лучшем случае, напечатает ее конкуренты. В опровержении будет говориться, что истец обратится за справедливостью в суд по делам прессы. Но, похоже, такого суда просто нет в природе, совет по делам прессы еще не создан, и всякий невинно пострадавший вынужден до тех пор носить обвинения у себя на спине, пока те со временем не «вылиняют». На счастье, «линяют» они довольно быстро, поскольку подобные действия прессы не вызывают доверия не только у политических партий, но и в обществе в целом. Раньше имело широкое хождение высказывание: «Раз написано в газете, значит, это правда». Сегодня, к сожалению, чаще повторяют обратное утверждение.

Упадок прессы имеет под собой причины общего характера, связанные с неожиданно вошедшей в моду демократией. Здесь необходимо проводить различие между рабочими партиями и не зависимой от них прессой. У рабочих партий не было никаких иллюзий относительно взглядов журналистов на демократию,

поэтому личные нападки случались крайне редко, а если и случались, то были делом рук неофитов, думавших, что если они нападут на своих буржуазных врагов и «перережут им глотки», то окружающие скорее забудут об ошибках их собственного буржуазного прошлого. Но рабочие партии по большому счету сумели разобраться со своими «новичками» и призвать их к дисциплине. Буржуазным же «элементам» жить стало еще вольготнее: каждый был вправе понимать под демократией то, что хотел. Один молодой писатель (кстати, буржуазного происхождения) с момента наступления демократии в каждой новелле вставлял в середину повествования по порнографической сцене, хотя в более ранних произведениях ничего подобного за ним не водилось. Большинство же, будь то оставшиеся в стране левые и правые, или эмигранты, ненадолго приехавшие погостить из Америки и Англии, воспользовались свободой для того, чтобы написать и издать автобиографии, начиная прямо с колыбели. Тот, у кого достало терпения прочесть несколько подобных сочинений, обнаружил в них нечто общее: уже в колыбели это были красивые, умные, мило лопочущие мальчишки. Повзрослев, все они описывают себя истинными демократами. Можно представить ту степень прозорливости и проницательности, которая отличает мемуары этих демократов. К счастью, эти авторы не читают друг друга, а кто не автор, не читает даже эти «свободные», непартийные журналы, где одни и те же в который раз высказывают свои осторожные, не направленные против властей суждения.

Кто-то может предположить, что пресса в СССР государственная, этим объясняется, почему в ней нет места ни порнографии, ни иной аморальности, ни бесплодным личным схваткам, ни историям о ставших жертвами ночной поножовщины невинных прохожих. Впрочем, на данной стадии нашей революции у правительства тоже есть возможность для контроля над прессой: как поставщик типографской бумаги оно обладает практически неограниченной властью. Почему оно не воспользуется этой властью для улучшения нравственного климата, чему можно поучиться у СССР, я не знаю, и воздержусь от комментариев.

Очевидно одно, что ежедневная пресса, не говоря уже о внушительном списке еженедельников, если имеет представление о предназначении демократии, ничего не делает в этом направлении. Партийная печать по природе своей является рупором политических движений, к тому же издания постоянно ругаются между собой, непартийная и нерабочая печать кормится с сенсаций и скорее отчуждает людей друг от друга, чем способствует рождению новой, демократической общности. Что же касается подлинно художественных произведений, автор этих строк был бы рад видеть и считать справедливым, если революция, провозглашающая равенство между людьми, равное человеческое достоинство и право бедняков на лучшую жизнь, иными словами, высшие духовные ценности, создала бы соответствующую этим высоким идеалам литературу. Приметы этого пока едва различимы, по крайней мере, их трудно обнаружить тому, кто когда-то считал «венгерской литературой» своих великих, ныне покойных современников: Ади, Бабича, Костолани, Морица. С тех пор всякий раз приходилось довольствоваться чем-то меньшим. Возможно, завтрашний день принесет изменения к лучшему.

За свою тысячелетнюю историю венгерский народ прошел через многое, но это «многое» не совсем совпадает с тем, через что прошли другие европейские народы. В жизни западноевропейцев не было того сопровождавшегося важными и тяжелыми последствиями негатива – веков османского владычества, выпавшего на долю венгров и живущих к югу от них народов (сербов, албанцев, болгар, греков и румын). Многие явления западной жизни в нашей истории отсутствуют, а ведь это сплошь положительные явления, принесшие Западу прогресс, материальное и духовное развитие. Уже само расселение по территории нашей сегодняшней родины, что по времени совпадает с принятием Христианства и распространением оседлого земледелия, произошло на территории, где отсутствовали предпосылки западного пути развития. Ломбардия, Франция, Западная Германия когда-то входили в состав Римской империи, вследствие чего расселившиеся там народы получили для

своих потребностей более или менее готовую урбанистическую инфраструктуру. Города же одним своим существованием препятствовали или мешали усилению власти суверенных государей и крупных феодалов. На севере Италии население городов превращается в серьезную силу уже в XII в., и силу по отношению к государям демократическую. У нас весьма серьезные ученые старались доказать, что пришедшие в бассейн Карпат венгры, по крайней мере в Задунавье, захватили развалины древнеримских городов. Доказать этого не удалось, и мы знаем, что демократические устремления городского сословия на протяжении многих веков не мешали землевладению короля, церковных и светских феодалов. Затем на Западе наступила эпоха феодальной раздробленности, когда власть крупных землевладельцев ослабла, раздробилась, усложнилась социально-политическая структура, возникло некое подобие свободы. Тот огромный снежный ком, который у нас наряду с недоразвитым феодализмом по-прежнему придавливал весь народ и удерживал его в политической, экономической, социальной власти крупных землевладельцев, на Западе давно уже рассыпался в процессе вырождения феодализма и системы вассалитета: феодальным замкам, господствовавшим над той или иной областью страны, не давали покоя вооруженные горожане, беглые зависимые крестьяне, наконец, крестьянские восстания, отчего власть феодалов существенно ослабла. В том же направлении действовали гуманизм и Ренессанс, противопоставляя государственным и экономическим институтам крупного феодального землевладения свободно мыслящего человека умственного труда и неуклонно растущее в числе городское сословие.

В нашей, восточноевропейской части света, многие народы довольно рано сошли с пути свободного развития, например народы Балканского полуострова; в ногу с нами развивались только поляки. У чешского народа немецкая колонизация, привнесшая горняцкий и городской элемент, привела к появлению специфической формы, когда власть чешской аристократии ослабла гораздо раньше и значительно сильнее, чем в Венгрии или Польше. Эпоха вассалитета минула, а венгерские крупные

землевладельцы по-прежнему безраздельно владели комитатской землей, крепко держали в руках грамоты экономического и правового характера; и хотя положение земледельческого народа в XIV–XV вв. временно улучшилось, после смерти короля Матяша в результате поражения крупного крестьянского восстания страна оказалась вновь поделена на землевладельцев и рожденных служить им зависимых крестьян. Ренессанс у нас затронул только самые высокие социальные слои и церковь, и можно сказать, что в Венгрии отсутствовали или появлялись с большим опозданием силы, вызванные к жизни ранним формированием городского сословия и интеллектуальным обновлением.

Точно так же мы практически не испытали влияния протекавших на Западе в раннее Новое время важных процессов, ведущих к дифференциации и, в конечном итоге, к освобождению. Первым необходимо назвать абсолютную монархию, которая (примером здесь служила Франция) упорными многовековыми усилиями сокрушила феодализм, победила региональных правителей, создала новое государство, представлявшее собой однородную и рациональную управляемую территорию, где открывались широкие горизонты не только для единой национальной культуры, но и для порожденной ранним капитализмом культуры буржуазной. Она принимала абсолютистские, придворные или просветительские формы и готовила свободолюбивые идеи Французской революции. В нашем развитии отсутствует и эта стадия, потому что наши абсолютные монархи находились в Вене и не просто низвели страну до уровня колонии – мы были поставщиками сырья для раннего австрийского капитализма – но представляли угрозу для национального суверенитета и самой венгерской нации. Венгерские магнаты, чье обращение с сотнями тысяч зависимых крестьян было далеко от западных форм управления и хозяйствования, пытались выдвигать и выдвигали ценности, призванные защитить нацию от враждебной венграм абсолютной власти. Нам было труднее, чем чехам, где Габсбургам удалось сломить и германизировать патриотически настроенное дворянство, но своей капиталистической политикой, которую у нас сознательно отказались проводить, Вена заложила основы

чешской буржуазии и пролетариата – в дальнейшем подлинных носителей чешской демократии.

Когда началась Французская революция, мы были страной латифундий и миллионов зависимых крестьян, ничуть не изменившейся за прошедшие века и поначалу остававшейся глухой к революции, ее идеалам. Тем временем наступила эпоха капитализма, уничтожившая на Западе последние остатки феодализма, создавшая новые условия для эксплуатации человека человеком и открывшая в экономической сфере новые возможности, но всюду, куда проникал капитализм, в воздухе начинало пахнуть свободой. У нас, под влиянием Сечени, с большим опозданием, смешав всё воедино, приходилось пропагандировать освобождение крестьянства от личной зависимости, свободное владение землей, право капиталистической экономики на существование. Интеллектуальные баталии длились у нас двадцать лет, пока в 1848 г. не наступила революция – недолговечная, как бабочка-однодневка – чтобы воплотить все то, от чего мы на двести-триста лет отстали. Этого, конечно, не произошло и тогда, когда в Париже потерпела поражение революция четвертого сословия; у нас та же судьба постигла буржуазную революцию, а с ней и венгерское государство, более того, чуть не погибла венгерская нация. Потом буржуазное равноправие и начатки капитализма были введены у нас иноземной властью, отчего после 1867 г. страну вновь увлекла политическая, национальная борьба, за ней притащились, крикливо прославляя самих себя, псевдодемократия, псевдолиберализм и в гораздо большей, чем на Западе, степени эгоистичный, зачаточный капитализм.

Таким образом, русские войска, освобождавшие страну от гитлеризма, нашли здесь те же самые латифундии, что некогда застал Наполеон и видели более ранние века.

Вопрос сегодня заключается в следующем: можно ли восполнить недостающие в нашей истории эпохи? Пытаться сделать это – занятие бесполезное: мы уже никогда не пройдем через те фазы, что выпали из нашего развития. Нельзя спустя века вернуться к средневековому бюргерству и Ренессансу, равно как нельзя сделать так, чтобы каким-то чудом воплотить част-

нопредпринимательскую систему Сечени или демократию, как она виделась Салаи и Этвёшу. И та и другая теории были для своего времени беспримерными и могли бы далеко увести наш народ по пути развития. Точно так же, если бы в XVII в. один из наших королей, принимавший во внимание интересы венгров, превратил Буду в национальный центр, подобный современному Парижу, наша история пошла бы по совсем иному пути. Но такого короля в нашей истории не было, как, впрочем, и великим мужам прошлых веков не довелось переустроить страну в соответствии с их проектами.

Я полагаю, что эти выпавшие эпохи были тем самым «злым роком», на который жалуются наши поэты. Будь удача с нами, мы бы на сто лет раньше, в 1848 г. превратили Венгрию в демократическое государство, позднее ее население в результате естественного внутреннего развития пришло бы к тем формам социализма, которые наиболее соответствуют нашему внутреннему и внешнему развитию. Итак, если бы из нашей истории не выпали важные для Европы эпохи, мы бы сейчас шли по более спокойному пути реформ.

Но как я уже показал в начале этой книги, именно из-за отсутствия реформ и наступила революция, в стремление которой мы сейчас находимся, и под чьим влиянием нам предстоит выработать новые формы жизни. Наблюдая за зарождением и движущими силами этой революции, мы поняли, что формы эти будут сильно отличаться от западных и, скорее, станут походить на те, что вводятся в сопредельных с нами государствах, рядом с нашим великим соседом Советским Союзом. Передел земли, огосударствление крупных предприятий уже указали обществу, что дальнейшее движение будет осуществляться по пути усиления тенденций равенства. О прежних, сословных ограничениях экономического, политического влияния и воспитания не может быть и речи, даже вопросы политической свободы и всего парламентского механизма не так важны, как то, чтобы в соответствии с принципом социальной справедливости поднять уровень жизни тех, кто всегда был и оставался на нижних ступенях общества. Там, где мы сейчас находимся, в э п и ц е н т р е

революции, можно не желать знать, к чему она приведет, но перед нами стоят неразрешенные вопросы, и у нас нет права закрывать на них глаза. Из двух принципов свободы и равенства приоритет сегодня принадлежит последнему, потому что с его помощью предстоит побороть отсталость и стереть память о былых обидах. Нужно поднять уровень жизни всего населения страны, и тут неизбежны ограничения личной свободы, но это не так важно, ибо мы видели, то же самое происходило на других этапах развития в западных странах. Не суть и то, что мы получим лучший парламент с более широким кругом полномочий, чем привыкли за сто минувших лет; главное – никто не посмеет, если оглянуться на недавнее прошлое, безответственно мешать социально-ориентированной реконструкции нашей страны. Если взглянуть на проблему издали, у меня нет сомнений, что народ нашей страны, конечно, за исключением упомянутых выше твердолобых, можно поднять на такой созидательный труд, если только право обращаться к народу будет не только у политических партий. Венгрия, после того как на нынешнем, рабоче-крестьянском этапе будут решены неотложные вопросы, станет более богатой и счастливой страной, чем когда бы то ни было. Прочное единство рабочего класса будет достигнуто путем более четкого обозначения круга обязанностей профессиональных союзов и производственных комитетов, или, если я верно информирован, вопрос о производственной конституции, более активное политическое просвещение крестьян о новых насущных задачах, реорганизация низшего звена местной администрации, реформирование экономической жизни на более справедливых началах, что означает введение установленных форм хозяйствования и повсеместный переход к его планированию. В культуре – опять-таки уравнивание на самом низком уровне, а наверху – отбор талантливых вне зависимости от происхождения. Все это пока не означает в реальной действительности существенного улучшения материального положения интеллигенции, принимающей цели революции, что, впрочем – если посмотреть на советско-российский пример – рано или поздно произойдет. Обустроенная таким образом страна уже по одним только гео-

графическим и экономическим параметрам, располагая квалифицированными производственными и сельскохозяйственными кадрами, займет важное и уважаемое место в ряду соседних демократических государств, с которыми нас объединят оживленные экономические связи и дружеские отношения. У нас к ним будет только одна просьба – гарантирование гражданских прав проживающим у них венграм и человеческое с ними обращение. Но превыше всего – как можно более тесные и искренние связи с Советским Союзом, не только в рамках, предписываемых договором о мире, ведь с этим большим соседом наша экономическая жизнь в любом случае станет более полной. Получив защиту в рамках создаваемой СССР системы безопасности, органически включившись в нее, мы внутри страны и за ее пределами достигнем столь долго нами ожидаемого равновесия и той гармонии, что однажды наступит в отношениях между людьми, народами и большими и малыми странами.

Для этого всего необходимо не только то, чтобы наша политическая и экономическая воля была обращена к описанным выше целям. Речь идет о том, чтобы Венгрия обрела счастье. Мы должны и в новых условиях оставаться венграми. Дело не в том, что кто-то хочет лишить нас этого, скорее, речь о том, что мы сами можем забыть о тех факторах, которые веками определяли наше венгерское естество. Во-первых – религия, а во-вторых, – наша история, наша складывавшаяся веками культура.

Повторюсь, их у нас никто не собираются отнимать. Католическая и протестантская религии как церковные организации обидели; значит, они утратили нечто, не являвшееся существенным, даже, по мнению многих, мешавшее их духовной деятельности. Однако пастырское служение, школа и воспитание молодежи им по-прежнему открыты, хотя, понятно, раздаются жалобы, да и содержание школ обходится недешево. Если можно сказать несколько слов о будущем, то материальное положение церкви во многом схоже с положением интеллигенции. В горниле рево-

люции, пока живы опасения, что они симпатизируют свергнутому режиму, их материальное положение будет хуже, нежели должно было бы быть в случае полного к ним доверия.

Вот об этом-то и идет речь, о доверии. В новых условиях мы стали соседом Советского Союза, и наш путь пролегает через мирный договор к, несомненно, новым договорам, возможно – к дружеским и даже союзническим с ним отношениям. Советской Россией и сегодня руководят коммунисты, эта же партия стоит во главе нашей страны. В конце Второй мировой войны не только у нас, но по всей западной границе Советского Союза десятки миллионов католиков, прежде всего в Польше, Чехословакии и у нас, оказались, таким образом, в сфере советского влияния. Эта ситуация сложилась с ведома и одобрения европейских и американских христианских держав, и я не думаю, что – стань мы, христианские лимитрофы, жертвами преследований – западные государства придут нам на помощь. В конце концов, западные страны в большинстве своем лишились конфессионального характера, даже если там кое-где осталась государственная религия. Но мы не являемся объектом преследований. Ни христиане в Советском Союзе, ни мы, венгры. То, что положение церквей в соседних государствах имеет некоторые различия, зависит, как мы уже убедились, от того, какие церкви и в каких странах поначалу выказали враждебность новому правительству.

Мы знаем, и я здесь не скажу ничего нового: дело не в том, чтобы стать марксистами или коммунистами, или отказаться от той или иной части догматики или лишиться возможности исповедовать веру. Ситуация очень похожа на эпоху дуализма, когда в сменявших друг друга правительствах посты, имеющие отношение к Церкви, занимали масоны, чей деизм осуждался Церковью точно так же, как атеизм современных государственных мужей, которые придерживаются марксистских и коммунистических взглядов. Можно привести и другой пример, из эпохи Хорти, когда страна Св. Стефана оказалась в руках регента-протестанта и назначаемые им премьер-министры тоже исповедовали протестантскую веру, что не помешало архиепископам, ни блаженному Черноху, ни Шереди – при-

знавать страну и правительство. Однако же взгляды, которые могут представлять угрозу нынешнему режиму – получи они в самом деле распространение в среде верующих христиан или их духовных наставников – развитие страны будет поставлено под угрозу. Но все эти взгляды, насколько я знаю, не соответствуют заповедям Святой Церкви.

Церковь не требует от нас, своей паствы, чтобы спустя 29 лет мы по-прежнему являлись сторонниками монархической формы правления. Даже тогда, когда упомянутый мною регент воспрепятствовал возвращению в страну короля, коронованного короной Св. Стефана. Будет вполне естественным, если нам не вменяют в обязанность вслед за Церковью требовать восстановления в стране исторических атрибутов королевства, будь то основанное на праве родства членство в верхней палате парламента, институт «знаменосцев» и пр. Но Церковь не имеет ничего общего и с капитализмом – посвященные ему папские энциклики не излучают восторга, даже наоборот, бичуют язвы этого строя. Церковь не готовится к новой войне, Папа Пий XII ежедневно произносит проповеди о мире, и согрешит против правды тот, кто скажет, будто понтифик приветствует создание ядерного оружия. Вполне очевидно: заповедям о христианской любви мало соответствует пожелание, чтобы атомная бомба упала на голову тому или другому собрату. Наконец, со времен противостояния Церкви гитлеризму и расовым теориям нет сомнения в том, что она жестко осуждает антисемитизм и причисляет его к грехам.

Кто не желает новой мировой войны и особенно тот, кто знает, что по человеческому разумению новой мировой войны быть не может, тому понятно, что европейские государства нужно возродить на современных основаниях, освободить их от неуверенности, страха и нищеты. Нам, католикам и протестантам, с нашей верой, честным трудом, с нашей древней традицией, живущей в широких слоях верующих, предстоит сыграть важную роль в возрождении родной страны и ее перестройке в тех формах, которые, корчась в преддровых схватках, производит она на свет. И если мы не бросим на полпути эту работу, но примем в ней

участие – естественным следствием станет то, что исчезнет сама причина жалоб, порождавшихся недоверием к нам.

Венгрии свойственна не только вера предков, но и венгерская духовность, которая живет и влияет на умы отчасти в повседневных традициях, отчасти в произведениях венгерской литературы и искусства. Сегодня, в разгар революции эта культура, основанная на народной традиции и историческом, литературном наследии, не может заявить о себе в полную силу. Дабы доказать, что так будет не всегда, укажу на пример Советского Союза, где подлинные ценности народной и исторической традиции уже приспособили к новым условиям и включили в советскую культуру. Мыслящий индивид ясно видит: то, что модно сегодня, не имеет ничего общего с национальными ценностями, это – временные пропагандистские явления. Я отдаю должное искусству Ади и Аттилы Йожефа, историческому значению Кошута, но нельзя для поколений будущего создать достаточную культурную основу, выхватывая несколько, соответствующих сегодняшним настроениям, стихотворений двух поэтов и произвольно интерпретируя события и высказывания, оторванные от контекста бурной и противоречивой жизни Кошута. Поскольку грядущие поколения тоже будут венграми, им придется признать все те ценности, которые созданы венгерским духом и венгерской литературой и о части которых не смеют или не хотят – оставаясь глухими к национальной общности – упоминать интеллектуалы, живущие сегодняшним днем и ему служащие.

Я верю, что все это в один прекрасный день изменится, и в новых общественных и экономических отношениях будут жить не несколько тысяч или десятков тысяч, но миллионы настоящих венгров – осмысленные наследники нашего долгого, многовекового прошлого.

КОММЕНТАРИИ

**Ференц Глац. Историк, нация, общество.
Из предисловия к венгерскому изданию 1983 г.**

с. 5 книга «Три поколения»

Речь идет о книге: *Szekfű Gy. Három nemzedék*. Вр., 1920. До 1940 г. выдержала шесть изданий (после 1934 г. дополнялась специально написанной пространной главой «Что случится потом» о развитии Венгрии после 1920 г.). Репринтное переиздание по инициативе Ф. Глаца – 1989 г. Автор задался целью проанализировать исторические корни Трианонского мирного договора 1920 г., воспринятого широким венгерским общественным мнением как национальная катастрофа, ибо территория «исторической Венгрии» (так называемых земель короны Св. Стефана) сократилась вследствие этого договора более чем втрое. В работе содержалась острая критика идеологии и политической практики позднего венгерского либерализма, не сумевшего адекватно оценить исторические задачи, стоявшие перед страной, в том числе найти пути примирения с национальными меньшинствами Венгрии. Был показан процесс вырождения и выхолащивания либеральной традиции, сделавший возможным выступление на политической арене антинационально настроенных радикальных сил, не заинтересованных в сохранении целостности «исторической Венгрии» и самобытности ее культуры в условиях усилившихся, особенно с началом Первой мировой войны, внешних вызовов. После поражения в августе 1919 г. коммунистического эксперимента в Венгрии, т.е. разгрома Венгерской Советской республики, книга Секфю, убедительной аргументацией и своими несомненными литературными достоинствами оказавшая немалое воздействие на умы современников, разочаровавшихся вследствие Трианона в левых идейных доктринах, была взята на вооружение идеологией победоносной контрреволюции – правоконсервативным

режимом Миклоша Хорти. При этом взгляды Секфю нередко упрощались и искажались в массовой пропаганде. Так, если для Секфю «национальный дух» был исключительно культурно-историческим феноменом, результатом длительной духовной эволюции, то некоторые его последователи из числа публицистов придавали идеям историка расистский оттенок.

с. 5 «Венгерская история» совместно с Б. Хоманом

Имеется в виду многотомный синтез венгерской истории, написанный в соответствии с методологией так называемой «истории духа», под влиянием идеологических и методологических установок современной немецкой идеалистической и неокантианской историософии. История представлялась как единый органический процесс, в котором тесно переплетались политика, экономика, образ жизни, культура, большое внимание было уделено западным влияниям на развитие Венгрии и венгерской культуры. См.: *Homán B., Szekfű Gy. Magyar Történet. I–VIII. k. Vp., 1928–1933.* Новое, расширенное издание в 5 томах: 1941–1943 гг.; репринтное переиздание по инициативе Ф. Глаца – 1990 г. О планах переиздания этого пятитомника на английском языке в целях донесения до западной публики венгерской позиции по ряду спорных проблем средневропейской истории см.: *Frank T. A revizióspolitikai «elméleti alapvetése»: az angol nyelvű Magyar Történet terve // Magyar Filozófiai Szemle, 1980.*

Перу Секфю принадлежали главы о позднем Средневековье и Новой истории Венгрии. В их основе лежали представления автора о благотворности союза Венгрии с Габсбургами как гаранта интеграции страны в европейское культурное пространство. Антигабсбургский провинциализм, символизируемый трансильванскими князьями, склонными к союзу с турками, противопоставлялся у Секфю универсализму сознания тех венгерских политиков и мыслителей, которые выступали за европейские ориентации Венгрии, немыслимые без компромисса с Веной.

с. 5 книга «Ракоци в изгнании»

Первая значительная историческая работа Секфю. См.: *Szekfű Gy. Száműzött Rákóczi. Vp., 1913;* репринтное переиздание – 1993 г. Книга была полемически заострена против устоявшихся стереотипов «национально-романтической школы» (К. Тали и др.), идеализировавшей трансильванского князя Ференца II Ракоци, вождя антигабсбургского движения 1703–1711 гг. С точки зрения идеологов этой школы, именно Ракоци явился наиболее полным выразителем подлинно патриотического начала в венгерской государственно-политической традиции. Секфю в противовес идеализирующим схемам «национально-романтической школы» представил в лице Ракоци не национального героя, как диктовала многолетняя апологетическая историографическая традиция, а лишенного политического реализма, донкихотствующего (но при этом довольно тщеславного) рыцаря-чудака, тщетно борющегося с ветряными мельницами, т. е. пытающегося противостоять исторической необходимости, требующей от венгерской нации – в интересах ее собственного благополучия и спокойствия – поддержания тесного союза с домом Габсбургов. Только Сатмарский мир 1711 г., ознаменовавший собой компромисс венгерской аристократии с династией (при сохранении традиций венгерского дворянского конституционного права) и открывший собой длительную полосу мирного поступательного развития, в полной мере отвечал национальным интересам.

Бросивший вызов не только влиятельнейшему направлению в венгерской историографии, но и общественному мнению молодой историк подвергся резкому ostracismu со стороны многих националистически настроенных коллег. Жаркой дискуссии вокруг его книги (причем голоса в поддержку Секфю тонули в море протеста) положила конец только Первая мировая война, переключившая внимание венгерского общественного мнения на совсем другие заботы. Выступив против традиционной венгерской историографии, Секфю позже, в работах 1920–1930-х годов, попытался положить начало новой, опираясь при этом на новейшие

достижения современной германской исторической науки, а также неокантианской философии и «философии духа» (М. Вебер, Г. Риккерт, В. Виндельбанд, В. Дильтей).

с. 6 «так и теперь, в качестве венгерского посла»

Дюла Секфю был посланником, а затем послом Венгрии в СССР с января 1946 по сентябрь 1948 г. Реально прибыл в Москву для исполнения своих дипломатических обязанностей в марте 1946 г.

в переработанном варианте «Что случится потом»

Речь идет о новом, дополненном издании книги Секфю «Три поколения, и что случится потом». См.: *Szekfű Gy. Három nemzedék és ami után következük. Bp., 1934.* В нем содержалась критика праворадикальных тенденций во внутривнутриполитической жизни хортистской Венгрии, а также внешней политики режима. Выступая за ревизию границ, Секфю вместе с тем ставил вопрос о необходимости поиска компромиссов в целях создания в новой Венгрии (и шире – в Дунайском бассейне) условий для плодотворного сотрудничества между разными народами.

Коллегиум имени Этвёша

В начале XX в. передовое для своего времени венгерское учебное заведение, созданное по наиболее совершенным западным образцам (в том числе французской *Ecole Normale supérieure*).

с. 7 Национальный музей и Венгерский национальный архив

Венгерский национальный музей был основан графом Ференцем Сечени (отцом выдающегося деятеля «эпохи реформ» Иштвана Сечени) в 1802 г. и стал предтечей Венгерской национальной библиотеки, ныне носящей имя своего основателя. Венгерский национальный архив был создан в 1874 г. по распоряжению совета министров Венгерского королевства и объединил в себе архивные коллекции прекра-

тивших свое существование центральных властных органов Венгрии и Трансильвании.

с. 7 в ведении австро-венгерского министерства иностранных дел

В эпоху дуализма (1867–1918 гг.) в Австро-Венгерской монархии существовало три общих министерства: иностранных дел, обороны и финансов, причем последнее отвечало только за общую финансово-экономическую деятельность, финансирование обороны и внешней политики.

«Биография Венгерского государства»

Речь идет о книге, написанной специально для немецкоязычного читателя и впоследствии переведенной на венгерский язык. См. немецкое издание: *Szekfű J. Der Staat Ungarn. Eine Geschichtsstudie. Stuttgart; Berlin, 1918;* венгерское издание: *Szekfű Gy. A Magyar állam életrajza. Történeti tanulmány. Bp., 1918.* Перед автором была поставлена задача познакомить немецкую публику с одним из союзников Германии в войне – Королевством Венгрия, одной из двух составных частей двуединой Австро-Венгерской монархии. Принципиальный тезис, который отстаивал автор, заключался в том, что историческая Венгрия уже в раннее Средневековье не только приобщилась к Христианству, но вошла в германский культурный ареал, «германско-христианское сообщество», что до сих пор предопределяет ее место в Европе. Другой важнейший тезис работы состоял в том, что из народов, заселяющих Дунайский бассейн, за исключением немцев, только венгры обладают политической волей, необходимой для образования и сохранения собственной государственности. Хотя работа писалась в 1916 г., в ней нет никаких следов осознания автором скорого краха системы австро-венгерского дуализма и передела Средней Европы.

в дни Венгерской Советской республики
с 21 марта по 1 августа 1919 г.

с. 7 *обобщающий труд по венгерской истории с историко-материалистических позиций*

Проект не был реализован.

«Документы и материалы по истории венгерского государственного языка»

См.: Szekfű Gy. Iratok a magyar államnyelv kérdésének történetéhez. Bp., 1926.

в 1939 г. историк вышел из состава редколлегии

Журнал «*Magyar Szemle*» стоял на позициях защиты христианско-национальной идеологии (доминировавшей в хортистской Венгрии в 1920-е годы) и христианской морали, много занимался межэтническими отношениями в Дунайском бассейне и положением венгров в соседних странах. После ухода из редакции журнала историк и дальше поддерживал хорошие отношения с графом И. Бетленом. Оба они последовательно стояли на позиции консервативного, христианско-гуманистического антифашизма, выступали против сближения Венгрии с нацистской Германией. О сотрудничестве Бетлена и Секфю см.: Szőke D. Szekfű Gyula és a Magyar Szemle kapcsolatának történetéhez // Új Forrás. Bp., 1984; Lackó M. Szekfű, Bethlen és az Encyclopaedia Britannica // Történelmi Szemle, 1984; Szőke D. Grof Bethlen István és a Magyar Szemle // Iparosodás és modernizáció. Tanulmányok Ranki György emlékének. Bp., 1991. В мае 1943 г. журнал откликнулся на 60-летие Секфю. В 1990-е годы журнал Бетлена и Секфю был восстановлен.

в сборник, посвященный памяти первого венгерского короля

Речь идет о статье «Иштван Святой в веках венгерской истории». См.: Szekfű Gy. Szent István a magyar történet századaiban // Szent István Emlékkönyv. Bp., 1938. Сборник вышел к 900-летию смерти первого венгерского короля, с именем которого было связано не только создание крупной раннефеодальной монархии, но и принятие венграми Христианства. Культ короля Иштвана Святого в хортистской Венгрии был

тесно связан с ревизионистской пропагандой, требованиями пересмотра установленных Трианонским договором границ и восстановления венгерской государственности в ее исторических границах, восходящих к эпохе «Иштвана Святого».

с. 7 *«Венок Корвина»*

Речь идет о награде, основанной в 1930 г. регентом Миклошем Хорти для венгерских ученых, писателей, деятелей искусства, добившихся выдающихся успехов в своей области.

в качестве редактора выпустил сборник «Что есть венгры?»

Речь идет о сборнике: *Mi a Magyar? / Szerk. Szekfű Gy. Bp., 1939* (репринтное переиздание – 1992 г.). Перу Секфю принадлежала статья «Венгерский характер в нашей истории» («A magyar jellem történetünkben»). В предисловии к сборнику Секфю писал о задачах, поставленных перед авторами книги: «У нас нет уверенности в будущем, и мы полагали, что эта книга может послужить путеводителем тем венграм, кто в потоке интеллектуальных течений и пропагандистском хаосе перестал понимать, что является подлинно венгерским. Мы рассчитывали, что эта книга послужит им компасом и уберезет от ошибок и иллюзий» (с. 7). В своей статье Секфю выразил острое неприятие расовых теорий. На становление национального характера и его изменения, по мнению ученого, решающим образом воздействуют исторический опыт нации и многообразные культурные влияния. Национальный характер венгров, обретших родину в Центральной Европе, формировался в изоляции от этнически близких народов, что сделало их мало привязанными к каким-либо абстрактным наднациональным идеям (типа славянской). Это облегчало возможности выбора союзников в зависимости от конкретной политической ситуации: с Габсбургами против турок, с турками против Габсбургов и т.д. «Эта нация – одна на всем белом свете, друзей и врагов она приобретает не иначе как по политическим причинам»

(цит. по венг. изд. 1939 г., с. 530). Все это создавало предпосылки для торжества подлинно реалистической тенденции в политике, что особенно ярко проявилось при заключении компромиссов с Габсбургами в 1711 г. (Сатмарский мир) и 1867 г. (Соглашение о создании Австро-Венгерской монархии). В крайне напряженной ситуации предвоенных месяцев 1939 г. Секфю призывал к возрождению тех самых реалистических традиций в венгерской политике, основанных не на чувстве, а на разуме. Без этого он не мыслил спасения страны. В статье историка нашла отражение его духовная эволюция, проявившаяся в отказе от прежней элитарности: теперь он видел гарант подлинного обновления общества в приобщении к политике широких масс. Кроме того, Секфю в этой статье впервые намекнул на возможность, даже оправданность пророссийских (в тех конкретных условиях просоветских) ориентаций в венгерской внешней политике ради сохранения нации и решения насущных политических задач, стоявших перед ней.

с. 8 *регулярно печатался в газете «Magyar Nemzet»*

В 1939–1944 гг. Секфю был ведущим публицистом праволиберальной антинацистской газеты «*Magyar Nemzet*», выступая против праворадикальных, прогерманских тенденций в венгерской политической жизни, за союз антифашистских сил. Наибольший резонанс из опубликованного им в этой газете вызвала серия статей «*Valahol utat vesztettünk*» («Мы где-то сбились с пути», 1943–1944), содержащая глубокий критический анализ тенденций, возобладавших в развитии венгерского либерализма во второй половине XIX в. Эти статьи частично вошли и в книгу «После революции». (См. также: *Huszár T. Valahol utat tévesztettünk – 1944 Szekfű Gyula pályaképehez // Magyar Nemzet. 1994. 12. sz.*)

в ряду авторов рождественского выпуска газеты «Népszava»

На страницах рождественского номера социал-демократической газеты «*Népszava*» (декабрь 1941 г.) выступили интеллектуалы разных идейных ориентаций, объединенные

неприятием нацизма и участия Венгрии в войне на стороне Третьего рейха. В статьях, опубликованных в рождественском номере, проводилась идея антифашистского народного фронта. Номер имел международный отклик, даже британская радиостанция Би-би-си сделала обзор этого номера, расценив сам факт его издания как свидетельство существования антифашистского движения в Венгрии.

с. 8 *приход к власти Салаши*

Речь идет о праворадикальной Партии «скрещенных стрел» или нилашистах (от венгерского слова «*nyíl*» – стрелок из лука), образованной в 1939 г. при материальной и политической поддержке гитлеровской Германии. Основателем партии был отставной офицер Ференц Салаши. В условиях режима Хорти партия не играла ведущей политической роли и находилась в оппозиции, иногда сближаясь с крайне правым флангом хортистской элиты. После разрыва Румынии с Германией 23 августа 1944 г. регент Хорти и его окружение в условиях наступления Красной армии на Венгрию активизировали поиски путей выхода из войны, затруднявшиеся присутствием на территории Венгрии крупного контингента вермахта. Расчеты хортистов на приближение англо-американских войск с юга к венгерским рубежам оказались иллюзорными, а нерешительное обращение по совету западных держав к СССР было малоэффективным из-за упорного стремления Хорти уклониться от объявления войны Германии. Работа венгерской делегации, с 1 октября обсуждавшей в Москве предварительные условия перемирия, была прервана вследствие путча 15–16 октября, организованного при участии вермахта преданными Третьему рейху нилашистами во главе с Салаши (осуществлению путча способствовал саботаж части венгерского генералитета приказам Хорти). Лишенный власти, Хорти был отправлен гитлеровцами в Баварию, где находился под домашним арестом в одном из замков вплоть до прихода американских войск в апреле 1945 г. Территория, которую контролировали нилашисты, постепенно сужалась по мере освобождения страны

осенью 1944 – весной 1945 г. (штурм Будапешта завершился 13 февраля). Попытки правящей группировки мобилизовать не только армию, но и мирное население на сопротивление Красной армии сопровождались массовым террором. В 1946 г. Салаши был казнен как военный преступник.

с. 8 *надежда, что пересмотром границ*

Речь идет о пересмотре границ Венгрии, установленных в соответствии с Трианонским мирным договором. Территория венгерского государства в этих границах составила 93 тыс. кв. км, тогда как площадь венгерской, управлявшейся из Будапешта половины Австро-Венгерской монархии составляла 320 тыс. кв. км. Эти земли (Бургенланд, Словакия, Закарпатская Украина, Трансильвания, Банат, Хорватия, Воеводина и др.) по Трианонскому договору отошли к соседним странам – Чехословакии, Румынии, Королевству сербов, хорватов и словенцев (с 1927 г. Югославии), Австрии. На территории первых трех из этих стран венгры составили значительное национальное меньшинство.

с. 9 *короткий, ознаменованный рядом реформ период 1920-х годов*

Речь идет о периоде, когда премьер-министром Венгрии был граф Иштван Бетлен (1921–1931 гг.). Программа реформ Бетлена включала в себя и ряд мер по экономической стабилизации (осуществление которых стало возможным только благодаря внешним займам), однако главное внимание уделялось консолидации политической системы. Была реорганизована партия власти, в которую влились политики и структуры ранее оппозиционной независимой партии мелких хозяев. В декабре 1921 г. было подписано тайное соглашение с лидером социал-демократической партии К. Пейером, в соответствии с которым партия получала право на легальное существование (при ряде ограничений – отказ от функционирования парторганизаций в сельской местности, обязательный полицейский контроль за партсобраниями и т.д.), обязуясь в свою очередь поддерживать внешнюю по-

литику правительства и базовые положения экономической программы. Деятельности правительства Бетлена положил конец экономический кризис конца 1920-х – начала 1930-х годов, перед которым принятые экономические меры оказались бессильны.

с. 9 *обрушилась громкая фразеология фашистского режима о социальной революции*

Автор имеет в виду время, когда во главе венгерского правительства стоял Д. Гёмбёш (1932–1936), пытавшийся (не слишком успешно) реформировать политическую систему хортизма по современным германским (нацистским) образцам. В реальности применительно к Венгрии 1930-х годов можно говорить лишь об усилении влияния праворадикальных течений во внутривнутриполитической жизни. Диктатура фашистского типа фактически установилась лишь после германской оккупации страны 19 марта 1944 г.

студенческое движение «Турул»

Союз «Турул» (Общегосударственный центр венгерских товарищеских объединений студентов университетов и высших школ; венг. *Turul Szövetség: A Magyar Egyetemi és Főiskolai Bajtársi Egyesületek Országos Központja*) – это созданная в Венгрии в 1919 г. структура, объединявшая ряд более мелких правых молодежных кружков. Название Союз «Турул» вошло в обиход в 1924 г. В 1930-е гг. насчитывала порядка 80 студенческих братств (15–20 тыс. членов). Организация названа в честь птицы турула – по всей видимости, алтайского сокола, фигурирующего в венгерской мифологии в качестве тотемного животного и проводника кочевников-мадьяр на территорию нынешней Венгрии. Наряду с католическим объединением «Эмерикана» – крупнейшее молодежное объединение межвоенной Венгрии. Союз имел эклектичную идеологию, сочетавшую элементы неоязычества и христианского традиционализма. Члены организации стояли на позициях «чистоты расы» и принимали участие в травле и погромах евреев в венгерских университетах. Организа-

ция несет часть ответственности за продвижение законов, ограничивавших для евреев возможность получать высшее образование. В годы Второй мировой войны члены Союза составляли списки, на основании которых венгерских евреев отправляли на принудительные работы на Восточный фронт. В дальнейшем «Турул» считался символом венгерских военных и дворян, позже – эмблемой венгерского национализма. Союз «Турул» был запрещен в 1945 г. вместе с другими правыми организациями*.

с. 9 *их ждало упокоение в республике*

Венгрия была провозглашена республикой 1 февраля 1946 г.

джентри

В историографии этим англоязычным термином традиционно обозначают среднепоместное дворянство, представители которого во второй половине XIX – первой половине XX в. составляли в Венгрии значительную долю чиновничества и офицерства.

буржуазную революцию он еще принял

Речь идет о демократической революции конца октября 1918 г., когда была свергнута Австро-Венгерская монархия и введена республиканская форма правления.

Аббазия, Ломниц, Херкулесфюред

Речь идет о традиционных местах отдыха венгерского среднего класса.

пролетарскую диктатуру ... считал диктатурой нового конкурента – еврейского среднего класса

Имеются в виду сильные позиции евреев во властной элите Венгерской Советской республики 1919 г. и вообще в левых политических движениях в Венгрии 1910-х – 1920-х

* Авторы комментариев выражают благодарность Н.А. Асташину за помощь в подготовке комментария.

годов. (См. подробнее: *Стыкалин А.С.* К вопросу о роли еврейской буржуазии в модернизации Венгрии и эволюции отношения властей и общественного мнения к еврейскому вопросу (1900–1940-е годы) // *Человек на Балканах. Власть и общество: опыт взаимодействия (конец XIX – начало XX в.)* / Отв. ред. Р.П. Гришина. СПб., 2009. С. 218–232.) Позиция Секфю в еврейском вопросе менялась. В «Трех поколениях» он проводил мысль о том, что именно еврейский средний класс, неукорененный в национальной почве, стал проводником чуждых «национальному духу» влияний, способствовавших ослаблению и последующему краху «исторической Венгрии» в границах средневекового «королевства Святого Иштвана (Стефана)». В конце 1930-х – начале 1940-х годов, в условиях усиления крайне правых тенденций в венгерской политической жизни, он выступал против притеснений евреев с гуманистических позиций.

с. 11 *скандал с выходом в свет работы «Ракоци в изгнании»*

См. комм. к с. 5.

с. 12 *«эпоха реформ»*

«Эпохой реформ» в истории Венгрии называют период со второй половины 1820-х годов до начала революции 1848 г. Для этой эпохи были характерны оживление предпринимательской инициативы среднепоместного дворянства и части аристократии, активизация общественной, политической жизни как на местном (комитатском), так и на общевенгерском уровне (деятельность Государственного собрания), расцвет культурной жизни, включая прессу, художественную литературу, издательскую, театральную деятельность.

централисты

Речь идет о либерально-реформаторском направлении в венгерской общественно-политической мысли середины XIX в. В канун революции 1848 г. выступали с резкой критикой отжившей себя, феодальной по своей сути системы дворянского самоуправления на уровне комитатов. Их

реформаторская программа предполагала создание более эффективной централизованной системы управления с сильной исполнительной властью, ответственной перед демократически избранным парламентом. Испытали влияние идей Просвещения и либерализма, внимательно изучали современные французские и британские государственно-правовые модели (в том числе политическую систему Июльской монархии во Франции), выступали за творческое использование в условиях Венгрии передового опыта западного парламентаризма. В своих проектах демократизации избирательной системы шли дальше Л. Кошута (показательно, в частности, что на первый план выдвигали не имущественный, а образовательный ценз). В то же время занимали более умеренные и компромиссные позиции в вопросе достижения Венгрией независимости от Габсбургов. Ведущие представители течения: Й. Этвёш, Ж. Кемень, Л. Салаи, А. Трефорт, А. Ченгери, М. Лукач, Й. Ирини. Некоторые из своих проектов централисты, в том числе Й. Этвёш, бывший первым министром просвещения Венгрии в эпоху дуализма, пытались воплотить в реальности после соглашения 1867 г. с Габсбургами, однако на практике эти идеи были выхолощены. Так, либеральный закон 1868 г. о национальных школах после смерти Этвёша в 1871 г. фактически не соблюдался.

с. 12 *речей в защиту дворянских свобод, произнесенных в комитатах или на Государственном собрании*

Имеются в виду выступления на местных дворянских собраниях (на уровне комитатов), а также на Государственных собраниях королевства, неоднократно созывавшихся начиная с 1832 г.

с. 15 *статью Закона XXVI от 1790 г. о свободе вероисповедания*

В 1781 г. император Иосиф II (1780–1790) особым декретом отменил большинство дискриминационных мер в отношении не католических христианских конфессий, введенных его предшественниками. Декрет обрел силу закона после ратификации на Государственном собрании 1790–1791 гг.

с. 15 *дебаты по крестьянскому вопросу в «эпоху реформ»*

В центре внимания дискуссий находились пути повышения производительности труда в дворянских имениях. И. Сечени, М. Вешшелени и другие деятели «эпохи реформ», придя к осознанию неэффективности существующей крепостнической системы хозяйствования, выступали за капитализацию отношений, замену труда крепостных наемным трудом. Выдвигались проекты создания кредитных обществ, изменения системы налогообложения (отмены дворянских привилегий в налоговой сфере), в наиболее радикальных проектах ставился вопрос об освобождении крестьян от крепостной зависимости и предоставлении им права собственности на обрабатываемые ими наделы посредством выкупа.

с. 16 *попал в круг служащих в министерстве по общим, австро-венгерским делам*

Архив, в который Секфю поступил на службу в 1908 г., находился в ведении общего министерства финансов Австро-Венгерской монархии.

с. 17 *придворного архива самой католической династии*

Речь идет о Габсбургах.

между Венгрией и Наследственными провинциями

Наследственными провинциями принято называть Австрийские и Чешские земли – историческое ядро владений Габсбургского дома.

его чело увенчано короной Св. Стефана

Начиная с 1526 г. представители австрийского дома Габсбургов короновались и венгерской короной, что было непременным условием легитимности их власти. Первым Габсбургом, коронованным венгерской короной, был Фердинанд I.

- с. 17 *Таллоци и венские венгры выступали против мадьяризаторской программы...*

Речь идет в первую очередь о периоде острого политического кризиса 1905–1906 гг., сопровождавшегося столкновением сил прогабсбургской и антигабсбургской ориентации.

живой интерес к невенгерским национальностям королевства

Около 50% населения венгерской половины дуалистической монархии Габсбургов (т.е. Королевства Венгрии) составляли национальные меньшинства; если перечислять в порядке убывания численности, самыми значительными были словаки, румыны, хорваты, сербы, немцы, евреи (испытывавшие сильное влияние венгерской ассимиляции), русины.

такие в будущем выдающиеся деятели национальных движений

Шуфлай, Милан (1879–1931) – хорватский историк и политик, член руководства Партии права, автор трудов по средневековой истории Хорватии и Албании. Крофта, Камиль (1876–1945) – чехословацкий государственный деятель, историк, автор общих трудов по чешской истории, в 1936–1938 гг. министр иностранных дел Чехословацкой республики. Лупаш, Иоанн (1880–1967) – историк, политический деятель, православный священник, автор трудов по Новой истории Трансильвании, в 1926–1927 гг. министр здравоохранения и социальной политики, в 1932–1935 гг. президент Отделения истории Румынской академии наук. Гоосс, Родерих (1879–1951) – австрийский историк, архивист, дипломат.

- с. 18 *Балканская война 1912 г.*

Вследствие первой балканской войны (октябрь 1912 – май 1913 г.) страны так называемого Балканского союза (Болгария, Сербия, Греция, Черногория) нанесли поражение Турции, в результате потерявшей все свои европейские владения кроме

Стамбула и небольшой части Восточной Фракии. Наиболее велики были территориальные приобретения Болгарии, что вызвало недовольство соседних стран, начавших против нее военные действия (к Сербии, Греции и Черногории присоединились Румыния и Турция). В ходе второй балканской войны (лето 1913 г.) Болгария, потерпевшая поражение, утратила ряд ранее приобретенных владений. Балканские войны привели к обострению международных противоречий, ускорив начало Первой мировой войны.

- с. 18 *полемика по поводу велико- и маловенгерского пути развития*

Полемика, о которой идет речь, вызывала reminiscenции с проявившимся в немецкой общественной мысли XIX в. и сказавшимся также на развитии исторической науки спором сторонников двух концепций объединения Германии – великогерманской (прогабсбургской) и малогерманской (видевшей главную силу объединения в Пруссии). Соответственно, сторонники «великовенгерского» взгляда на историю Венгрии (наиболее яркой фигурой среди них был Д. Секфю) видели в союзе с венским двором гарант поступательного развития страны и национального благополучия. Приверженцы «маловенгерского» пути развития противопоставляли прогабсбургским ориентациям опору на традиции национально-освободительной борьбы. «Маловенгерский» путь символизировало управлявшееся венгерской знатью Трансильванское княжество, в XVII – начале XVIII в. успешно ведшее войны с Габсбургами, опираясь на поддержку турок.

в работе, посвященной сервиентам и фамилиариям

Речь идет о брошюре «Сервиенты и фамилиарии». (См.: Szekfű Gy. Servientek és familiárisok. Bp., 1912; в немецком переводе: Szekfű J. Die Servienten und Familiaren im ungarischen Mittelalter // Ungarische Rundschau. 1913. S. 524–557.) «Сервиентами» в Венгрии XI–XII вв. именовались личные слуги короля и крупных феодалов. В XIII в., по мере ослаб-

ления королевской власти, этот институт пришел в упадок. Ему на смену пришел специфически-венгерский вариант западноевропейского вассалитета – фамилиаритет. В отличие от вассалов, фамилиарии могли получать за свою службу не землю, а деньги или продукты и не должны были брать на себя пожизненные обязательства верности сеньору. К XVII в. институт фамилиаритета прекратил свое существование.

с. 18 *«Литература по истории центральных австрийских органов управления»*

Речь идет о работе: Szekfű Gy. Az osztrák központi kormányzatszervek történetének irodalma // Történelmi Szemle. 1912. 1. sz. 185–219. old.

когда король перестал существовать как независимая величина

Это произошло в 1526 г., когда после поражения венгерской армии от турок в решающей битве под Мохачем значительная часть Королевства Венгрия перешла под контроль Османской империи. Габсбурги в это же время установили контроль над западными областями королевства.

с. 19 *эпоха Фердинанда I и Максимилиана I*

Максимилиан I (1459–1519) – австрийский эрцгерцог из династии Габсбургов, император Священной Римской империи с 1493 г. Положил начало реальному объединению австрийских земель под властью Габсбургов. Путем династического брака присоединил к их владениям также Нидерланды. Фердинанд I (1503–1564) – император Священной Римской империи с 1556 г. (после отречения брата Карла V, занимавшего одновременно испанский престол). Австрийский эрцгерцог, в 1526 г. первым из Габсбургов коронован королем Чехии и Венгрии.

годам изгнания Ракоци

Ференц II Ракоци после поражения восстания 1703–1711 гг. и до самой смерти, последовавшей в 1735 г., на-

ходился в изгнании в Турции. В конце жизни он написал мемуары на французском языке, впервые опубликованные в 1739 г. в Гааге. (См. венгерский перевод: Rákóczi F., Vállomások, Emlékiratok / Szerk. Hopp L., Bp., 1979.)

с. 19 *после провала коалиции либеральной и народной партии*
Речь идет о политических событиях 1910 г.

прах князя был привезен из Турции

Останки Ференца II Ракоци были перезахоронены 29 октября 1906 г. в кафедральном соборе города Кашша (совр. Кошице в Словакии).

с. 20 *уже тогда прозвучала критика коштувской эмиграции*

Лидер венгерской революции и национально-освободительной войны 1848–1849 гг. Лайош Кошут после поражения своего движения жил в эмиграции – сначала в Турции, затем в странах Западной Европы и США и, в конце концов, обосновался в Италии. Критика Дюлой Секфю позиции Кошута и его эмигрантского окружения была обусловлена тем, что те выступали против компромисса с Габсбургами, способного, по мнению историка, гарантировать благополучие нации.

много написано о том, какую бурю вызвала эта книга

См.: Glatz F. Történeti kultusz és történetírás. Reflexiók Szekfű száműzött Rákócziához // Történelmi Szemle, 1976.

Секфю ответил оппонентам в особой статье

Вероятно, речь идет о памфлете: Mit vétettem én? Ki gyalázta Rákóczit? s.d. [1915].

с. 21 *идеалы куруцев*

Куруцами в Венгерском королевстве называли участников (крестьянских) антифеодалных восстаний, прежде всего под предводительством Дёрдя Дожи (1514 г.). В конце XVII – начале XVIII в. под куруцами понимали участников

антигабсбургских освободительных движений под руководством трансильванских князей Имре Текели и Ференца Ракоци, в особенности бойцов армии Ракоци в период освободительной войны 1703–1711 гг. В национально-романтической историографии куруцев окружал героический ореол борцов за независимость страны. (См.: *Хаванова О.В.* Венгерский миллениум 1896 года: между «потемкинской деревней» и «градом Китежем» // *Национализм в мировой истории* / Под ред. В.А. Тишкова, В.А. Шнирельмана. М., 2007. 375–407.) После заключения австро-венгерского Соглашения 1867 г. и образования двуединой Австро-Венгрии для венгерских либеральных и части консервативных интеллектуалов, считавших исторически обоснованным компромисс Венгрии с домом Габсбургов, куруцы стали символом национальной ограниченности, изоляции от идущих с Запада культурных влияний. Наиболее законченное, программное и даже провокативное выражение такая позиция нашла в книге Секфю «Ракоци в изгнании» (1913).

с. 23 *нанести удар по либеральной партии*

Речь идет о том, что с позиции Секфю были неприемлемы политические силы, ориентированные на разрыв с Австрией и домом Габсбургов.

выступать с лекциями, речами и т.п. в партийных организациях

Речь идет в первую очередь об активной деятельности Секфю в 1942 г. в рамках антивоенной легальной организации *Magyar Történelmi Emlékbizottság* («Венгерский исторический мемориальный комитет»), занимавшейся пропагандой революционных, национально-освободительных традиций. Там историк сотрудничал с социал-демократами, деятелями левых крестьянских движений и даже крипто-коммунистами, был в числе авторов программного сборника «По пути Петёфи», выступал свидетелем в защиту коммунистов-нелегалов на шумевшем судебном процессе.

с. 23 *в апреле 1945 г. выступил со знаменитой речью в профсоюзе учителей*

Об этом событии см.: *Varga I.* Egykori hírlapi tudósítások Szekfű Gyula 1945. áprilisi előadásáról // *Történelmi Szemle*, 1985; *Szólke D.* Megjegyzések Szekfű Gyula demokráciafelfogásához 1945-ben // *Emlékkönyv L. Nagy Zsuzsa 70. születésnapjára*. Debrecen, 2000.

следует отказаться от древней теории Венгрии Святого Иштвана

Вплоть до последних лет эпохи хортизма венгерские государственно-правовые теории мыслили Венгрию в границах «королевства Святого Иштвана» (XI в.), гораздо более широких в сравнении с границами Венгерского государства после 1920 г.

с. 25 *превращается в контрреволюционного сторонника консервативных реформ и противника революции*

Речь идет о позиции Секфю в период работы над книгой «Три поколения».

Ценной мост

Речь идет о старейшем и красивейшем мосте Будапешта, построенном в 1839–1849 гг. по инициативе графа И. Сечени. Соединил два города – Буду и Пешт, став первым мостом через Дунай вниз по течению от Регенсбурга. Проект разработал английский инженер Уильям Кларк, работами руководил его тезка Адам Кларк. Мост был взорван фашистами в январе 1945 г., восстановлен и введен в эксплуатацию к своему 100-летию в 1949 г. В данном контексте речь идет об отмене налоговых привилегий дворянства.

весной 1919 г. получил кафедру в Будапеште

В мае 1919 г., в период Венгерской Советской республики, Секфю, вероятнее всего по идейно-политическим мотивам, отказался возглавить кафедру вспомогательных исторических дисциплин в Будапештском университете.

с. 26 *румынская оккупация*

Румынские войска при поддержке Антанты заняли Будапешт и значительную часть Венгрии в августе 1919 г., после падения Венгерской Советской республики, и находились там до ноября того же года.

с. 27 *в 1946 г. Секфю произносит речь о Ленине*

Лекция Секфю на вечере, посвященном памяти Ленина, состоялась за считанные недели до его отъезда в Москву в качестве посланника, 21 января 1946 г., в день 22-й годовщины со дня смерти первого главы советского правительства. Вечер, прошедший в здании будапештской Оперы, был организован Национальным комитетом Будапешта и Венгерско-Советским культурным обществом. Выступление Секфю было подготовлено строго в соответствии с базовыми идеологиями официальной советской доктрины – ленинско-сталинской версии марксизма. Есть основания говорить о том, что историк, не придерживавшийся марксистских убеждений, выполнил политический заказ, поставленный перед ним новой властью, действовавшей в условиях советского военного присутствия, заинтересованной в стабильных отношениях с соседней великой державой, а в конкретных условиях начала 1946 г. также и в поддержке СССР на Парижской мирной конференции позиции Венгрии в ее национально-территориальном споре с Румынией. (См.: *Исламов Т.М., Покивайлова Т.А. Восточная Европа в силовом поле великих держав. Трансильванский вопрос. 1940–1946 годы. М., 2008.*)

В своей лекции Секфю продемонстрировал неплохое знание биографии Ленина, конкретных (начиная со времен учебы в Казанском университете) обстоятельств его участия в российском революционном движении, вероятно, почерпнув необходимые сведения из советских пропагандистских брошюр на иностранных языках, распространявшихся ВОКСом и Совинформбюро. Судя по всему, Секфю терзали сомнения в правильности избранного пути, такие же, как и его любимого героя Иштвана Сечени в ссылке в Дёблинге

после поражения революции 1848–1849 гг. По свидетельству одного из современников, исполнив акт политической лояльности великой державе, согласившейся принять от него верительные грамоты посланника, историк, сойдя с трибуны, вдруг почувствовал себя плохо.

Независимо от того, насколько был искренен крупнейший венгерский консервативный историк в своей глубоко позитивной оценке исторической роли Ленина, некоторые положения его лекции предвосхитили ряд ключевых построений книги «После революции».

с. 32 *считал подобные перспективы окончательно провальными*

Любые планы не только восстановления Венгрии в ее исторических границах, но и федерализации Дунайского бассейна при сохранении (пускай в самой завуалированной форме) ведущих позиций Венгрии и ее элиты были заранее обречены на провал, поскольку их реализация неминуемо натолкнулась бы на сопротивление соседей Венгрии по региону. Показательна реакция представителя югославского королевского правительства в Турции на планы венгерских эмиссаров, от имени правительства М. Каллаи ведших секретные переговоры об условиях выхода Венгрии из войны. Выдвигая предложение о послевоенной конфедерации с участием как Хорватии, так и независимой Трансильвании, Венгрия, говорил югославский дипломат, «этой комбинацией хочет заполучить все то, что когда-то потеряла Австро-Венгрия, и демонстрирует то, что дважды битая Венгрия не хочет расстаться со своими империалистическими намерениями». (Запись беседы посла СССР в Турции С.А. Виноградова с посланником Югославии Шуменковичем от 7 июля 1943 г. См.: *Трансильванский вопрос. Венгеро-румынский территориальный спор и СССР. 1940–1946. Документы. Отв. ред. Т.М. Исламов. М., 2000. С. 193.*)

Дюла Секфю.
ПОСЛЕ РЕВОЛЮЦИИ

ВВЕДЕНИЕ

с. 37 *две революции (октябрьская и большевистская)*

Под «октябрьской» подразумевается демократическая революция конца октября 1918 г., свергнувшая власть Габсбургов в Венгрии и установившая республиканское правление. «Большевистской революцией» Секфю называет установление 21 марта 1919 г. Венгерской Советской республики, внешнеполитически ориентированной на большевистский режим в России и во внутренней политике также предпринявшей реформы в соответствии с социальными и политическими доктринами российских большевиков. Пала 1 августа 1919 г. под натиском внутренней контрреволюции и интервенции румынской армии, поддержанных Францией и Великобританией.

белый террор

Речь идет об имевших место в конце 1919–1920 гг. расправах над лицами, причастными к коммунистической диктатуре (Венгерской Советской республике 1919 г.). По достоверным, проверенным данным, количество жертв белого террора составило порядка одной тысячи человек.

в дни оккупации

Речь идет о присутствии Красной армии в Венгрии с началом освобождения страны от сил вермахта осенью 1944 г.

с. 38 *двух кровавых революций*

Трудно сказать, что имеет в виду автор под двумя кровавыми революциями: если переросшая в гражданскую войну Английская революция 1642–1660 г. сопровождалась

кровавопролитием, то так называемая Славная революция 1688 г. была, по сути, бескровным переворотом. Скорее всего, Секфю ведет речь о разных этапах в развитии революции середины XVII в., например до и после установления диктатуры О. Кромвеля в 1653 г.

с. 38 *гитлеровские Савлы так быстро усвоили принципы демократических Павлов*

Секфю отсылает читателя к библейскому сюжету (Деяния святых апостолов), повествующему о том, как иудей Саул (Савл), яростно преследовавший христиан, после того как ему было чудесное видение и он услышал голос, идущий с неба, принял христианство вместе с новым именем Павел, данным ему при крещении. В данном контексте автор намекает на идейно-политическое ренегатство среднего класса.

герои эпохи, предшествовавшей 1848 году

Речь идет о так называемой «эпохе реформ» – периоде, предшествовавшем революции 1848 г. См. комм. к с. 12.

с. 39 *более десяти лет минуло с тех пор, как я... попытался показать начала той трагедии...*

Речь идет о книге «Три поколения» (см. комм. к с. 5)

с. 40 *как несколькими месяцами ранее написал Бенедетто Кроче*

Кроче Бенедетто (1866–1952) – итальянский интеллектуал, критик, философ, политик, историк. Представитель неогегельянства. Оказал сильное влияние на эстетическую мысль первой половины XX в.

І. «Мы где-то свились с пути»

с. 41 *«Мы где-то свились с пути».* Цикл статей под этим названием впервые был опубликован в 1943 – начале 1944 г. в либеральной газете «*Magyar Nemzet*».

- с. 44 *Меттерниховская цензура*
См. *Меттерних* в Биографическом справочнике.
- с. 46 «*Общество Кишфалуди*» («*Kisfaludy Tarsasag*»)
Речь идет о венгерском литературном обществе, действовавшем с 1836 по 1952 г. Возникнув в «эпоху реформ» как одно из средоточий венгерской национальной культуры, в эпоху дуализма стало оплотом официоза в литературе.
- черпал из великого труда А.Токвиля*
Речь идет о классической работе известного французского историка, политического мыслителя и деятеля Алексиса де Токвиля (1805–1859) «О демократии в Америке» (1835–1840). Развивающееся капиталистическое общество Токвиль рассматривал под углом зрения соотношения в нем свободы и равенства, взаимодействия политической власти и общественного организма в целом. В свободных, независимых гражданских (в том числе общинных, самоуправленческих) ассоциациях видел противовес авторитарно-элитарным тенденциям.
- с. 47 *мог положить только комитат*
Комитат – основная административно-территориальная единица Венгрии. Здесь речь идет о дворянских органах местного (комитатского) самоуправления.
- и дальше поддерживать в нашей стране «крепостное право»*
В Венгрии «крепостное право», точнее поземельная зависимость крестьянства, было фактически ликвидировано в ходе революции 1848 г.
- с. 52 *самое значительное его произведение на эту тему вышло в свет в 1847 г.*
Речь идет о работе «*Néhány eszme az egyesületi jog körül*» («Некоторые размышления по поводу закона об общественных организациях»).

- с. 52 *Иштван Сечени, основавший Национальное казино и Академию наук*
На Государственном собрании 3 ноября 1825 г. граф Иштван Сечени (1791–1860) пожертвовал сумму, равную годовому доходу с поместий (60 тыс. форинтов) на создание Венгерского ученого общества – будущей Венгерской академии наук, деятельность которой фактически началась только в 1830 г. В 1827 г. Сечени основал Национальное казино как форум патриотически настроенного дворянства.
- с. 60 *провал кандидатуры Шандора Петёфи*
В условиях начавшейся революции, 15 июня 1848 г., представители более умеренного крыла венгерского национального движения, не принимавшие радикальных республиканских убеждений великого поэта Шандора Петёфи, заблокировали его избрание в Государственное собрание – верховный сословно-представительный орган Венгрии.
- при заключении Соглашения 1867 г.*
Поражение в австро-прусской войне 1866 г. и активизация венгерского и некоторых других (особенно чешского и польского) национальных движений в империи заставили Габсбургов в интересах сохранения своей власти прийти к соглашению с венгерской политической элитой во главе с Ференцем Деаком. Австрийская империя была преобразована в Австро-Венгерскую дуалистическую монархию, восточная половина которой (исторические земли венгерской «короны Св. Стефана», а также Хорватия–Славония) попадала под юрисдикцию венгерских органов власти. Сфера общих дел в дуалистической монархии сводилась к внешней политике, армии и их финансированию.
- с. 64 *вспомним потасовки в Тюкоде и Ченгере*
Тюкод, Ченгер – поселки в восточно-венгерском комитате Сатмар, где споры о лишении дворян налогового иммунитета привели в 1832 г. к кровавым столкновениям.

Консервативный политик Дёрдь Форинтош в те же годы выступал против отмены налогового иммунитета дворянства в западно-венгерском комитате Зала. Кехида (совр. Кехида-куштань) – деревня в этом комитате.

с. 66 *sub specie aeternitatis*

С точки зрения вечности (лат.).

с. 70 *Апрельские законы*

Речь идет о законах, легших в основу деятельности правительства графа Лайоша Баттяни (1807–1849) в условиях начавшейся в Венгрии в марте 1848 г. революции. Не ставя под сомнение право Габсбургов на венгерскую корону, эти законы санкционировали создание правительства, ответственного перед Государственным собранием, раскрепощение крестьян, демократизацию системы налогообложения и избирательного права, признание равноправия всех граждан независимо от национальности. Речь шла, таким образом, о максимально широком самоопределении Венгрии в рамках монархии Габсбургов. (На русском языке см.: *Шнира Д.* Четыре судьбы. К истории политической деятельности И. Сечени, Л. Баттяни, Ш. Петёфи, Л. Кошуга. М., 1986.)

с. 74 *потомками сотен тысяч безземельных «дворян-лапотников»*

«Дворяне-лапотники» (*bocskoros nemesek*) – иронично-уничижительное прозвище беднейшего слоя дворян, номинально относившихся к привилегированному сословию, но часто уже лишенных налогового иммунитета.

II. Единственное спасение – революция

с. 78 *«Красная армия – самая сильная армия в мире...»*

В тексте речи дословно говорилось: «Красная армия из всех армий мира имеет наиболее прочный и надежный тыл».

с. 78 *последним государственным деятелем, способным действовать по обстоятельствам... был отстраненный от дел Иштван Бетлен*

Политическая консолидация правоавторитарного хортистского режима, установленного вследствие краха Венгерской Советской республики 1919 г., была связана с деятельностью в качестве премьер-министра в 1921–1931 гг. крупного консервативного политика Венгрии графа Иштвана Бетлена (см. Биографический справочник). Последовательный курс на ревизию границ, установленных в рамках Версальской системы, и пересмотр в пользу Венгрии Трианонского мирного договора 1920 г. сочетался с приверженностью принципам реальной политики, отказом от внешнеполитических авантюр и стремлением к решению спорных вопросов мирным путем. Выход Венгрии из длительной внешнеполитической изоляции произошел в 1927 г. с подписанием договора с муссолиниевской Италией. Внутренняя политика была направлена на создание мощной партии власти, базирующейся на консервативной платформе, и нейтрализацию крайних течений на левом и правом флангах. Важными вехами внутривнутриполитической консолидации явились подавление в 1921 г. двух легитимистских путчей, связанных с попытками захвата власти бывшим королем Карлом Габсбургом, и последующее лишение Габсбургов прав на венгерский престол, а также заключение соглашения с руководством социал-демократической партии, разрешавшего ей легальное функционирование в обмен на ряд условий. Культурная программа правительства Бетлена – во главе ее осуществления стоял бессменный министр культуры граф Куно Клебельсберг (1875–1932) – была направлена на создание в Венгрии мощной инфраструктуры отвечающих высоким европейским стандартам элитарных культурных учреждений (университеты, библиотеки, музеи и т.д.), что было призвано в известной мере компенсировать территориальные потери и утвердить в новых условиях роль Венгрии как главного «бастиона культуры» в Дунайско-Карпатском регионе. Завершение эпохи «бетленовской консолидации»

связано с экономическим кризисом 1929–1933 гг., усугубившим положение в экономике и социальной сфере и дестабилизировавшим внутривластную ситуацию.

В дальнейшем, в условиях наступления фашизма в Европе, граф Бетлен возглавлял проанглийское крыло хортистской политической элиты, последовательно выступал против сближения Венгрии с Третьим рейхом, а летом 1941 г. против объявления войны СССР. После оккупации Венгрии вермахтом 19 марта 1944 г. скрывался. С декабря 1944 г. находился в расположении Красной армии под домашним арестом. Отказался сотрудничать с коммунистами в деле формирования антифашистского правительства Венгрии. Опасаясь, что влиятельнейший политик станет знаменем антикоммунистического лагеря Венгрии, советские спецслужбы в апреле 1945 г. депортировали Бетлена в СССР. В дни, когда посол Венгрии в СССР Д. Секфю писал, находясь в Москве, свою работу, граф И. Бетлен пребывал в этом же городе в качестве тюремного узника.

с. 78 *не одобрил, что Трансильванию нам в подарок вернул Гитлер*

Речь идет о втором венском арбитраже 30 августа 1940 г., в соответствии с которым Венгрии была передана принадлежавшая после 1920 г. Румынии территория Северной Трансильвании площадью 43 тыс. кв. км. В качестве арбитров в румыно-венгерском территориальном споре выступали Германия и Италия. Позиция графа Бетлена в отношении итогов второго венского арбитража не была однозначной. В одной из своих записок он оценил арбитраж как дипломатический успех Венгрии, хотя и выражал опасения в связи с усиливающимся германским влиянием на страну. (См.: Czetter A. Teleki Pál és a magyar külpolitika, 1939–1941. Вр., 2008. 165. old.)

с. 80 *словно Антей*

Антей – в греческой мифологии царь Ливии, сын бога морей Посейдона и богини земли Геи, обретающий необори-

мую силу от соприкосновения с матерью-Геей. Победен Гераклом.

с. 80 *в последнем политическом решении Каллаи*

18 марта 1944 г. Хорти встречался с Гитлером близ Зальцбурга. Фюрер, знавший о попытках премьер-министра М. Каллаи навести мосты к западным державам, в ходе встречи угрожал, что отнимет у Венгрии приобретенные начиная с 1938 г. земли, разрешит румынским и словацким войскам оккупировать их. Регент отказался подписать письмо с приглашением немецких войск и в то же время согласился образовать правительство, угодное Берлину. На следующий день началось вторжение немецких соединений в Венгрию. В отсутствие Хорти, еще не вернувшегося из Зальцбурга, Каллаи, убедившись в нежелании венгерского генералитета оказать сопротивление вермахту, отдал приказ о сложении оружия, в тот же день снял с себя полномочия премьер-министра и укрылся в турецком посольстве. (Подробнее см.: Ranki Gy. 1944. március 19. magyar német megszállása. Вр., 1968.)

в лице приспешников Салаши мы получили...

См. комм. к с. 8.

с. 81 *15 октября*

Речь идет о путче 15 октября 1944 г., устранившем М. Хорти и приведшем к власти нилашистов.

движение вооруженного сопротивления в армии под руководством Я. Киша и Э. Байчи-Жилински

Имеется в виду раскрытый в ноябре 1944 г. заговор, направленный на устранение власти нилашистов в условиях наступления Красной армии на Будапешт. Руководители заговора, включая генерала Я. Киша и видного деятеля венгерской антифашистской оппозиции Э. Байчи-Жилински, были казнены в декабре 1944 г.

с. 82 *вожди, вернувшиеся из советской эмиграции*

Речь идет о деятелях венгерской компартии М. Ракоши, Э. Герё, М. Фаркаше, Й. Реваи, З. Ваше, И. Наде и др., вернувшихся в конце 1944–1945 гг. из советской эмиграции.

найдишь у кого-нибудь время углубиться в материал

Такую попытку предпринял и Д. Секфю в своей последней работе «Изменение позиции интеллигенции в период освобождения от фашизма». (См.: *Szekfű Gy. Az értelmiségiek átállása a felszabadulás idején // Tanulmányok a magyar népi demokrácia történetéből*. Вр., 1955. Также опубликована в журнале: *Csillag*. 1955. № 9.)

с. 84 *Военная академия в Винер-Нойштадте*

Высшее учебное заведение в Австро-Венгрии, основанное в 1751 г. императрицей Марией Терезией (1740–1780). Готовило высшие офицерские кадры для императорско-королевской армии монархии.

кто еще в бытность в Сегеде разделял расистские теории

Весной-летом 1919 г., когда в Будапеште существовала Венгерская Советская республика, в городе Сегеде на юге Венгрии, находившемся под контролем французских войск, было сформировано альтернативное контрреволюционное правительство. Сегед стал в это время пристанищем правых идейно-политических сил разных ориентаций.

хотел добраться до несметных сокровищ

В 1930 г. в Будапеште евреям принадлежало 26% жилья, сдаваемого в аренду, они обладали 45% общего годового дохода от аренды собственности. В 1935 г. евреи (иудеи по исповеданию) контролировали 49% венгерской металлургии, 41% машиностроения, 73% производства текстиля; гораздо более слабыми были их позиции только в сельскохозяйственном производстве – около 10%. (См.: *Kádár, G., Vági Z. Rationality or Irrationality? The Annihilation of Hungarian Jews // The Hungarian Quarterly*. Budapest, Summer 2004. Vol. 45. № 174.

Р. 34.) О масштабах присутствия евреев в различных сферах общественной жизни Венгрии до 1938 г. дают представление также следующие цифры. При том, что доля евреев-иудеев в общей численности населения Венгрии не превышала 5,6%, в 1930 г. евреями (иудеями по вероисповеданию) были 55% врачей, 49% практикующих адвокатов и юристов, 30% инженеров, 59% банковских служащих, 46% торговцев. Если сюда же были бы отнесены также крещеные евреи, то цифры оказались бы еще более внушительными. Не менее трети венгерских евреев имели свое дело (*Ibid*. Р. 33).

Столь беспрецедентное по масштабам присутствие евреев в экономике и общественной жизни страны было отнюдь не следствием некоего «заговора», как пытались показать националистически настроенные публицисты, а сложилось в силу исторических причин. С конца XIX века в Венгрии существовали более благоприятные, чем в большинстве европейских государств, условия для продвижения евреев по ступеням социальной лестницы. Наряду с более давними традициями веротерпимости в мультиконфессиональном венгерском обществе (так, управляемое венгерской знатью Трансильванское княжество было первой страной, где еще в 1571 г., за год до Варфоломеевской ночи во Франции, был принят закон, по существу уравнивавший в правах католиков, кальвинистов и лютеран) это было связано с особенностями этнической структуры Венгерского королевства. Поскольку венгры составляли всего около 50% населения восточной (управлявшейся из Будапешта) половины дуалистической Австро-Венгрии, правительство сознательно стремилось увеличить удельный вес венгерского элемента в монархии за счет ассимиляции 5%-ного еврейского национального меньшинства, около трех четвертей которого к началу XX в. были мадьяризированы. Решение этой задачи было возможно лишь при отсутствии каких-либо дискриминационных мер в отношении евреев.

Между тем, по мере дальнейшего развития капитализма в Венгрии, выходцы из среднепоместного дворянства, составлявшие главную социальную базу консервативно-

националистического лагеря, продолжали все более приспособляться к законам капиталистической экономики и, следовательно, не могли не видеть в молодой еврейской буржуазии преуспевающего, а значит, весьма опасного для них конкурента (достаточно сказать, что уже в 1896 г. евреям принадлежало 30% банковских вкладов). Острый политический кризис 1905–1906 гг. завершился укреплением властных позиций националистически ориентированных сил. С этих пор происходит корректировка политики в отношении евреев – благоприятствование сменяется некоторым сдерживанием, резко усилившимся в эпоху Хорти вследствие довольно большого количества евреев среди активистов Венгерской Советской республики 1919 г. Урезавший на две трети территорию исторического Венгерского королевства Трианонский мирный договор 1920 г., воспринятый венгерским общественным сознанием как ни с чем не сопоставимое национальное унижение, зачастую ассоциировался с деструктивной деятельностью левых, антинациональных сил, причем все левое часто связывалось с присутствием инородцев; происходит не только «поправление» национального сознания, но и резкое усиление антисемитизма. Тем не менее и после Трианона буржуазия еврейского происхождения, лояльная новой власти, сумела сохранить и даже упрочить свои экономические позиции. Любая экономическая дискриминация 5% населения автоматически влекла бы за собой перераспределение не менее 20–25%, а в некоторых областях промышленности и банковском деле до 50 и более процентов собственности. (Подробнее см.: *Стыкалин А.С. К вопросу о роли еврейской буржуазии в модернизации Венгрии. С. 218–232.*)

с. 84 *Орден отважных*

Одна из многочисленных неформальных элитных структур в хортистской Венгрии.

закон о лишении евреев собственности

Первый закон, призванный ограничить активность венгерских евреев в экономической и общественной жизни,

был принят в мае 1938 г. Согласно закону, среди госслужащих, а также лиц, занятых в качестве врачей, адвокатов, журналистов, инженеров, представителей некоторых других профессий, и зарегистрированных в соответствующих профессиональных организациях (в том числе коллегиях, объединяющих лиц свободного труда), евреи по вероисповеданию не должны были превышать 20%. (См.: *Magyarországi zsidótörvények és rendeletek 1938–1945 / Összeáll. Vértes R. Bp., 1997.*)

Согласно второму, гораздо более жесткому антиеврейскому закону, внесенному правительством Б. Имреди в декабре 1938 г. и утвержденному в апреле 1939 г., евреи не могли получить венгерское гражданство, могли быть лишены гражданства решением МВД, если получили его после 1 июля 1914 г. Они лишались отныне права быть госслужащими, в том числе на местном уровне, им запрещалось становиться редакторами газет и издателями, стоять во главе театров и кинотеатров. Среди членов коллегии адвокатов, гильдии актеров, профессиональных организаций врачей и инженеров евреи могли теперь составлять не более 6%. Доля евреев среди имеющих разрешение на частное предпринимательство не должна была превысить 12%. Евреи не имели также возможности получить разрешение на предпринимательскую инициативу, которая предоставляла бы им монополию в своей сфере деятельности. Согласно второму закону (в отличие от первого), к евреям относили не только иудеев, но тех, у кого отец или мать (либо двое из 4 бабушек и дедушек) принадлежали к иудейскому вероисповеданию (там же). Закон возымел наибольшие последствия в той своей части, которая касалась ограничения предпринимательской деятельности.

В дальнейшем хортистские правительства шли по пути еще большего ужесточения антиеврейского законодательства; закон, принятый в августе 1941 г., запрещал смешанные браки. Под действие антиеврейского законодательства в 1941 г. попадало, по некоторым подсчетам, до 825 тыс. человек из примерно 14 млн. проживавших на территории Венгрии в ее границах, установленных в 1938–1941 гг. вслед-

ствии ревизии территорий соседних государств. (См.: *Braham R.L. The Politics of Genocide: The Holocaust in Hungary*. New York, 1981. Vol. II. P. 1143–1144.) Против введения под давлением нацистской Германии антиеврейских законов выступало проанглийское крыло хортистской политической элиты во главе с графом И.Бетленом. В 1942 г. правительство М.Каллаи отклонило германское требование о депортации из страны евреев–уроженцев Венгрии.

Попытки преодоления еврейского «засилья» вели к особенно тяжелым последствиям в сфере здравоохранения. В некоторых областях Венгрии под действие антиеврейского законодательства попадало 80% врачей, а вследствие массовых депортаций 1944 г. оставался один врач на 50 тыс. человек, тем самым возникла реальная опасность эпидемии тифа. (См.: *Kádár G., Vági Z. Rationality or Irrationality? The Annihilation of Hungarian Jews // The Hungarian Quarterly*. Budapest, Summer 2004. Vol. 45. № 174. P. 45, 47.)

с. 85 *при Салаши*

То есть после прихода к власти в Будапеште нилашистов 15–16 октября 1944 г.

имело своим прообразом узаконенный грабеж евреев

Об исторических и социально-психологических корнях антисемитизма в Венгрии 1940-х годов дает представление одна из работ известного политического мыслителя Иштвана Бибо. (См.: *Бибо И. Еврейский вопрос в Венгрии после 1944 года*. М., 2005.)

с. 86 *срывал с женщин шубки и украшения*

4–30 января 1942 г. в отместку за действия югославских партизан хортистская жандармерия предприняла карательные акции в районе г. Нови-Сад в оккупированной в апреле 1941 г. венгерской армией Воеводине. По подсчетам современных историков, погибло 866 человек, в том числе 550 евреев и 290 сербов. (См.: *Gyurgyák J. A zsidókérdés Magyarországon*. Politikai eszmetörténet. Budapest, 2001, 170. old.)

с. 86 *близ Цепного моста – творения Сечени*
См. комм. к с. 25.

тайных заседаний сионских мудрецов...

Автор иронически отсылает читателя к появившемуся в начале XX в. сборнику текстов, известному как «Протоколы сионских мудрецов». Публикаторы выдавали его за свидетельство подготовки всемирного еврейского заговора, имевшего целью завоевание евреями мирового господства. В 1920-е годы было доказано, что текст Протоколов сфальсифицирован и восходит к политическим памфлетам конца XIX в.

с. 87 *движение «Левенте»*

Речь идет о правой молодежной военизированной организации «Левенте», существовавшей в 1921–1945 гг. Прививала венгерской молодежи навыки военного дела, готовя ее к борьбе за ревизию Трианонского договора 1920 г.

своим правом декана

Секфю был некоторое время деканом исторического факультета Будапештского университета (ныне имени Л. Этвёша)

из учительствующих орденов

Речь идет, прежде всего, об учительствующих орденах иезуитов и пиаристов.

с. 89 *пролетариат не мог прорвать ту изоляцию*

Венгерская Советская республика 1919 г. (несостоявшийся социалистический эксперимент, предпринятый по большевистским моделям) зачастую оценивалась в массовом общественном сознании как одна из причин Трианонского мирного договора 1920 г., условия которого были восприняты в обществе как беспрецедентное национальное унижение.

с. 89 *«народные» писатели*

Речь идет о влиятельном течении в литературной, идейной и общественно-политической жизни Венгрии 1930–1950-х годов. Выступали за далеко идущую аграрную реформу. К течению примыкали классики венгерской литературы Дюла Ийеш и Ласло Немет, экономист и социолог Ф. Эрдеи, писатели П. Верещ, П. Сабо, Й. Дарваш, Г. Фейа, Я. Кодолани, публицист И. Ковач и др.

с. 90 *учение Гёмбёша*

Речь идет о выдвинутых премьер-министром Д. Гёмбёшем проектах реформирования политической системы хортизма в соответствии с современными немецкими образцами.

швабское происхождение

Швабами в Венгрии традиционно называли немцев-католиков, переселенцев из австрийских и баварских земель, издавна проживавших в стране (не только в ее трианонских границах, но и на других исторических землях, в частности, в Банате). Наряду с ними как в Венгрии, так и особенно в Южной Трансильвании проживало немало немцев-лютеран (колония трансильванских саксов вела свои истоки с XIII в.). (См. также комм. к с. 95.)

хольд

Венгерская мера площади, равная 0,4316 га.

с Венгрией ... обошлись в высшей степени несправедливо

В соответствии с Трианонским мирным договором 1920 г. Королевство сербов, хорватов и словенцев (с 1929 г. Югославия) получило Хорватию (обладавшую с 1868 г. формальной автономией в рамках Королевства Венгрия) и Воеводину, Чехословакия – словацкие земли и Закарпатскую Украину, Австрия – самые западные районы Венгрии, образовавшие после 1920 г. австрийскую провинцию Бургенланд. Наиболее значительны были территориальные приобретения Румынии. Перешедшие в ее владение Трансильвания и приле-

гающие к ней области Банат, Парциум (согласно румынской терминологии – Кришана) и Марамуреш занимали площадь более 100 тыс. кв. км, что превосходило по территории Венгрии в ее новых границах (93 тыс.).

Территория нового Венгерского государства составила около 30% площади венгерской половины монархии Габсбургов – земель венгерской и хорватской корон. На ней в год Трианона проживал всего 41% населения довоенной Венгрии, при этом наряду с землями, где большинство составляли прежние национальные меньшинства (хорваты, сербы, румыны, словаки, закарпатские русины или украинцы), к соседним странам отошел и ряд территорий с преобладанием компактно проживавшего венгерского этноса (в частности, в Южной Словакии и в Восточной Трансильвании, вдали от новых венгеро-румынских границ). Несмотря на усилия группы международных экспертов, тщательно изучивших особенности расселения разных этносов в тех районах, где в силу смешанности состава населения было трудно или (как в случае с Трансильванией) совсем невозможно провести размежевание по этническому принципу, установленные границы оказались в общем далеки от идеала, поскольку в Средней Европе сохранились обширные районы с компактным расселением национальных меньшинств. Так, каждый четвертый венгр оказался за пределами своего национально-государства. Неизменно претендовавшая на ведущую роль на востоке Центральной Европы Венгрия была теперь низведена до положения малого государства – соседние Румыния, Чехословакия и Югославия каждая в отдельности превзошли ее как по площади, так и по численности населения.

Итоги мирного договора с Венгрией потрясли внутри страны даже наиболее жестких критиков темных сторон довоенного режима и, в частности, его национальной политики. Не удивительно, что внешняя политика хортистского режима, последовательно направленная на ревизию трианонских границ (пожалуй, ни одно европейское государство, включая Германию, не выдвигало требований пересмотра версальских мирных договоров в их территориальном аспекте с такой

настойчивостью и упорством, как Венгрия), была всецело поддержана общественным мнением страны, в течение двух межвоенных десятилетий так и не адаптировавшимся к новой геополитической ситуации. Особенно восприимчивыми к реваншистским, ревизионистским лозунгам оказались 3 млн. венгров, волею держав-победительниц оторванных от матери-родины. С внутривосточной точки зрения лозунг ревизии Трианона имел огромное консолидирующее значение, став важнейшим инструментом достижения национального единства.

с. 91 *мы не тронули ничьих сердец*

Показательна реакция председателя Парижской мирной конференции известного французского политика А. Мильерана. «Даже и тысячелетнее положение вещей не должно продолжаться, коль скоро оно признано противным справедливости», – заявил он в своем обращении к венгерской делегации. (Цит. по: Трансильванский вопрос. Венгеро-румынский территориальный спор и СССР. 1940–1946. Документы. Отв. ред. Т.М. Исламов. М., 2000. С. 319).

прекратила свое существование королевская диктатура в Югославии

Стремление правительства графа Пала Телеки (1939–1941) к расширению внешнеполитических маневров в условиях продолжающейся Второй мировой войны привело к заключению 12 декабря 1940 г. договора Венгрии с королевской Югославией о «постоянном мире и вечной дружбе». Тем не менее 28 марта 1941 г. под нажимом немецкой дипломатии и собственного генералитета Хорти дает разрешение на проход немецких войск через территорию Венгрии в Югославию. Это случилось на следующий день после государственного переворота в Белграде, приведшего к власти силы антигерманской ориентации. 30 марта в Будапеште было подписано венгерско-немецкое соглашение о совместных военных действиях против Югославии. Принимая во внимание договор с Белградом, венгерское правительство свое непосредственное

участие в военной акции обставило определенными условиями – венгерская армия могла пересечь границу с Югославией лишь в случае распада этого государства, его нападения на Венгрию первым, а также если будет подвергнута угрозе жизнь проживавших там этнических венгров. Наступление немецкой армии в направлении Югославии было начато 2 апреля. На следующий день премьер-министр граф Телеки в знак протеста против участия Венгрии в кампании застрелился в своей резиденции. 6 апреля части вермахта вторгаются в Югославию. (Подробнее см.: *Zakar A. Teleki Pál halála. Mítosz és rejtély*. Вр., 2009.) В Венгрии в этот день происходит мобилизация войск, но на границе принимаются лишь меры оборонительного характера. 7 апреля в условиях начавшейся войны с Германией югославские ВВС подвергли бомбардировке венгерские города Печ и Сегед, что дало Венгрии один из поводов для непосредственного вмешательства в конфликт. 11 апреля, после объявления «независимой» Хорватии и начавшейся эвакуации югославской администрации и отступления войск из Воеводины, венгерская армия переходит границу, занимает г. Суботицу и в течение 4 дней овладевает землями, ранее входившими в состав исторического Венгерского королевства, в том числе г. Нови-Садом. Тем самым Венгрия вступила во Вторую мировую войну, а Югославское государство перестает существовать.

с. 91 *книга Макартни*

Речь идет о книге британского историка К.А. Макартни (1895–1978): *Macartney C.A. Hungary and her Successors. The Treaty of Trianon and its consequences 1919–1937*. London; New York; Toronto; Oxford, 1937.

приняла из рук Гитлера часть территорий

Территориальные приращения хортистской Венгрии в 1938–1941 гг. происходили в следующем порядке. 2 ноября 1938 г. германо-итальянский арбитраж в Вене вынес решение о передаче Венгрии южных областей Словакии и Подкарпатской Руси (Закарпатской Украины) общей площадью около

12 тыс. кв. км и населением свыше 1 млн. человек. Весной 1939 г. венгерские войска оккупировали всю Подкарпатскую Русь. 30 августа 1940 г. на основании второго венского арбитража Венгрия получила Северную Трансильванию (около 43 тыс кв. км) с населением более 2,3 млн. человек. В апреле 1941 г., во время антиюгославской кампании Третьего рейха и его союзников, венгерская армия оккупировала и закрепила за собой часть территории Югославии (край Воеводина) площадью около 12 тыс. кв. км.

с. 91 *не остановится на Годесберге и Мюнхене*

Речь идет о соглашении о расчленении Чехословакии, подписанном в Мюнхене 29 сентября 1938 г. главами правительств Великобритании (Н. Чемберлен), Франции (Э. Даладье), Германии (А. Гитлер), Италии (Б. Муссолини). В Бад-Годесберге 22 сентября состоялась решающая встреча Чемберлена с Гитлером, на которой была выражена готовность британской стороны к компромиссу с Третьим рейхом.

с. 92 *присоединение Кашиши и Коложвара к Венгрии*

Современные Кошице в Словакии и Клуж-Напока в Румынии до 1918 г. входили в состав Венгерского королевства и по результатам ревизии Трианонского мирного договора на Первом (1938 г.) и Втором (1940 г.) венском арбитраже были вновь присоединены к Венгрии. По окончании Второй мировой войны возвращены Чехословакии и, соответственно, Румынии.

слов Пала Телеки, произнесенных в адрес румын

Вопреки сделанным представителями венгерского правительства заявлениям об обеспечении прав румынского меньшинства в новых границах Венгрии, венгерские спецслужбы уже в первые недели сентября интернировали и выдворили за пределы новых границ многих румынских чиновников, что признает и венгерская историография. (Czetter A. Teleki Pál és a magyar külpolitika. 179. old.) По Румынии также прошла волна притеснений венгров.

В венгерском парламенте было зарезервировано 12 мест для трансильванских румын, но вакансии решено было заполнить только тогда, когда и с румынской стороны будут сделаны ответные шаги по обеспечению представительства венгерского меньшинства в румынском парламенте. Вопрос завис, поскольку ни та, ни другая сторона не предпринимали эффективных мер для его решения. «Это легионерское государство не является пока что стабильным, и заключать договор о нацменьшинстве с таким государством» мы не собираемся, говорил в октябре 1940 г. советскому полпреду в Венгрии Н.И. Шаронову один из высокопоставленных хортистских чиновников. (См.: Трансильванский вопрос. С. 100.)

Опасаясь политической активизации румынского населения, Будапешт не решился даже провести парламентские выборы в Северной Трансильвании, депутаты от этого края вошли в парламент по правительственному назначению. Среди них были немцы (хотя немецкое меньшинство проживало главным образом в Южной Трансильвании, оставшейся за Румынией), но не было ни одного румына, представляющего интересы 1,2-миллионного меньшинства, наиболее значительного в новых границах Венгрии. Система административного управления, выстраивавшаяся венгерскими властями в Северной Трансильвании, с самого начала отличалась от того, что было в самой Венгрии. Так, правительством назначается Верховный комиссар по делам Северной Трансильвании с широкими полномочиями.

Комментируя все происходящее в румыно-венгерских отношениях в свете второго венского арбитража 30 августа 1940 г., германский посланник в Будапеште Эрдманнсдорф цинично заявлял полпреду СССР: и венгры, и румыны сильно шумят, «но обе стороны великолепно знают, что решить спорные вопросы вооруженной силой им никто не разрешит». (Цит. по: Трансильванский вопрос. С. 101.) Политическая инициатива в Дунайском бассейне в это время принадлежала Берлину. Под флагом нераспространения на этот регион конфликта с Великобританией Третий рейх за-

креплял там свои собственные позиции. Сильно разочаровав вторым венским арбитражем Румынию и не удовлетворив элиту Венгрии (требовавшую большего – т. е. всей Трансильвании), нацистская Германия вместе с тем не только сохранила рычаги воздействия на обе страны, но получила дополнительные возможности играть в своих интересах на венгеро-румынских противоречиях. Венгрия ждала от Третьего рейха передачи всей Трансильвании, а Румыния если не возвращения Трансильвании, то территориальных компенсаций на востоке, за счет СССР (реваншистские настроения требовали выхода, и задача верхушки нацистской Германии заключалась в том, чтобы придать им строго определенный вектор, соответствующий военным целям Третьего рейха). Сколь ни была велика в Румынии обида на Германию, в Европе в это время не было другой силы, на которую могла возлагаться надежда на пересмотр установлений венского арбитража. Зависимость обеих стран от Третьего рейха, таким образом, усилилась, каждая из противоборствующих сторон была плотнее пристегнута к внешнеполитическому курсу Германии, что способствовало в конечном итоге втягиванию стран-антагонистов (как Венгрии, так и Румынии) в войну против СССР.

с. 92 *гости из Будапешта, прискакавшие сюда на белых конях*

Кинохроника того времени сохранила редкие кадры – регент М. Хорти на белом коне едет 5 сентября 1940 г. по главному городу Трансильвании Коложвару (Клужу). Его встречают рукоплесканиями тысячи венгров.

Рудольф II

Речь идет об императоре Священной Римской империи и венгерском короле Рудольфе II Габсбурге (1576–1612). Трансильванский князь Иштван Бочкаи, чье детство и юность прошли при венском дворе, в 1604 г. поднял восстание против Габсбургов под лозунгами защиты государственно-правовой свободы Венгрии и свободы вероисповедания для протестантов. (См. также *Бочкаи* в Биографическом справочнике.)

с. 92 *Верхняя Венгрия*

Верхней Венгрией (Felső Magyarország) в раннее Новое время именовались северные и северо-восточные области королевства, соответствующие территории современной Словакии. В пост-трианоновской Венгрии эти утерянные области получили наименование, которое на русский язык можно условно перевести как Верхний Край (Felvidék).

с. 93 *когда Господь позволил нам вернуть часть утерянных территорий*

См. комм. к с. 91.

с. 94 *Св. Иштван в своем «Наставлении»*

Речь идет о сочинении «Наставление Иштвана Святого сыну Имре», в котором король Иштван I изложил для потомков принципы, в соответствии с которыми следует управлять государством. Здесь имеется в виду глава 6 «О приеме иноземцев», в которой Иштван советовал открыть страну представителям иных стран и народов, если те могут принести пользу королевству. (См: *Libellus de institutione morum // Scriptores Rerum Hungaricarum / Ed. Szentpéteri I. P. k. Bp., 1938. 619–627. old.*; венгерский перевод: *István király intelmei / Az előszót és jegyzeteket írta Szigethy G., fordítás Kurcz Á. Bp., 1982.*)

все как один ссылались на Св. Иштвана

В 1938 г. в Венгрии широко было отмечено 900-летие смерти основателя венгерского государства. Был опубликован солидный трехтомник с участием ведущих историков, в том числе и Секфю (см. прим. автора на с. 94). В своих работах, начиная от «Биографии венгерского государства» (1917), Секфю много занимался ролью Иштвана в истории венгерской государственности, значением созданного им королевства в становлении венгерской государственной традиции.

с. 95 *законодательство о «фольксдойче» (этнических немцах)*

В качестве своего рода оплаты за получение Северной Трансильвании германская сторона 29 августа 1940 г. потребовала от венгерского правительства предоставления особого статуса и исключительных прав немецкому национальному меньшинству и его общественной организации – *Volksbund der Deutsche in Ungarn*. Она, по сути, была выведена из-под венгерской юрисдикции, подчинена Третьему рейху, имела неограниченное влияние на внутривнутриполитическую жизнь Венгрии и принятие внешнеполитических решений. По требованию Берлина этнические немцы Венгрии должны были получить особые удостоверения, свидетельствовавшие об их принадлежности к германской нации. Венгерская сторона взяла на себя гарантии относительно обеспечения более широкого участия немцев в органах администрации на разных уровнях, расширения сети немецкоязычных школ, снятия любых ограничений на пути распространения прессы Третьего рейха. В тех районах Венгрии, где немцы составляли значительный процент населения, вводилось использование немецкого языка в государственных учреждениях. *Volksbund der Deutsche in Ungarn* получал право прямых (фактически неконтролируемых венгерским правительством) связей с соответствующими государственными структурами Германии. При этом власти Венгрии обязались не давать другим национальным меньшинствам страны тех прав, которыми было наделено немецкое меньшинство. В угоду Третьему рейху были выпущены на свободу крайне правые, пронацистски настроенные элементы (в частности, из числа нилашистов), прежде осужденные за антигосударственную деятельность.

Важно отметить, что наделение особыми правами немецкого фольксбунда в Венгрии стало составной частью более широкого проекта. (См.: *Spannenberger N. A Magyarországi Volksbund Berlin és Budapest között, 1938–1944. Vp., 2005.*) Зав. ближневосточным отделом НКВД СССР Н.В. Новиков в записке заму наркома В.Г. Деканозову от 21 сентября 1940 г., с которой ознакомились также нарком В.М. Молотов и его первый зам. А.Я. Вышинский, обратил внимание на попытки

создания Третьим рейхом на территории Венгрии, Югославии и Румынии своего рода «германского коридора», что дало бы возможность Гитлеру, опираясь на немецкие фольксбунды в этих странах, оказывать давление на правительства в своих интересах. (См.: Трансильванский вопрос. С. 97–98.) Особенно сильны были позиции фольксбунда в Румынии. Есть сведения о том, что германский МИД весной 1941 г. проинформировал венгерских лидеров о рассматриваемых в Берлине проектах создания в Южной Трансильвании и Банате некоего автономного (в составе Румынии) государственного образования со швабским управлением. Эта идея вызвала в Будапеште крайне негативный отклик, поскольку в ней увидели труднопреодолимое препятствие для осуществления дальнейших ревизионистских планов Венгрии. (См.: Трансильванский вопрос. С. 101.)

с. 95 *передачу венгерских граждан еврейского происхождения в руки гитлеровцев*

С началом Второй мировой войны из оккупированных германской армией стран, в первую очередь из Польши, в пределы Венгрии переселилось большое количество евреев, получивших право на убежище. (См.: *Kapronczay K. Lengyel menekültek Magyarországon, 1939–1945. Vp., 2009.*) В августе 1941 г. по требованию Берлина правительство Л. Бардоши лишило беженцев этого права. Несколько десятков тысяч евреев, не имевших венгерского гражданства, было передано соответствующим службам вермахта, депортировавшим их в оккупированные районы Украины. Большинство депортированных из Венгрии польских евреев было расстреляно в г. Каменец-Подольском. Процесс передачи гитлеровским спецслужбам евреев, имевших венгерское гражданство, с целью отправки их в концлагеря, начался после германской оккупации Венгрии 19 марта 1944 г.

уничтожить евреев как вредный элемент

По данным известного американского историка венгерского происхождения И. Деака, к марту 1944 г. (начало

массового уничтожения венгерских евреев) в границах венгерского государства (установленных к 1941 г.) проживало как минимум 760 тыс. евреев. (См.: *Deák I. The Holocaust in Hungary // The Hungarian Quarterly. Budapest, Winter 2004. Vol. 45. № 176. P. 51.*) Причем в сравнении с 1941 г. произошло снижение количества евреев, поскольку в 1941 – начале 1944 г. немало их погибло на фронте, умерло в трудовых лагерях при строительстве военных укреплений, а также вследствие ряда насильственных депортаций, проведенных главным образом на территориях, присоединенных к Венгрии в 1938–1941 гг.; в условиях военного времени заметно снизилось и естественное воспроизводство населения. Количество евреев Будапешта немногим не достигало 250 тыс. человек.

В литературе приводятся разноречивые данные относительно количества жертв Холокоста в Венгрии. Известный исследователь Холокоста Р. Брэм называет цифру 564 тыс. человек (см.: *Braham R.L. The Politics of Genocide. Vol. II. P. 1144*), в ряде публикаций приводятся и более высокие цифры. Так, по мнению некоторых авторов, около 620 тыс. умерло вследствие крупномасштабных депортаций, развернувшихся после оккупации Венгрии германской армией 19 марта 1944 г.; общее же число потерь еврейского населения Венгрии за годы войны достигло 686 тыс. человек (см.: *Patai R. The Jews of Hungary. History, Culture, Psychology. Detroit (Michigan), 1996. P. 590*). В середине 1990-х годов венгерский историк Т. Штарк на основе выверенного анализа многочисленных источников (в первую очередь, статистических) подверг эти цифры существенной ревизии. По его мнению, количество жертв Холокоста в Венгрии колеблется в пределах 440–465 тыс. человек, тогда как верхняя цифра потерь военного времени применительно к венгерским евреям едва ли превышает 510 тыс. человек (см.: *Stark T. Zsidóság a vézskorszakban és a felszabadulás után, 1939–1955. Bp., 1995. 75–87. old.*). Его выкладки считает убедительными Я. Дьюрдяк (см.: *Gyurgyák J. A zsidókérdés Magyarországon. Politikai eszmetörténet. Bp., 2001. 188. old.*).

Разница между цифрами отчасти обусловлена несопадением данных относительно количества депортированных в

Аушвиц и другие концлагеря -- в литературе приводятся числа от 437 тыс. (см.: *Kádár G., Vági Z. Rationality or Irrationality? P. 39.*) и 445–450 тыс. (см.: *Gyurgyák J. Op. cit. 180. old.; Stark T. Op. cit. 20–26. old.*) до 600 и более тыс. человек. Некоторое завышение количества жертв могло происходить также при отсутствии проверенных данных относительно количества евреев, выживших после депортации, но не вернувшихся в Венгрию. По данным, приведенным в литературе последних лет, в Будапеште, где удалось предотвратить истребление обитателей большого еврейского гетто, погибло 40% евреев, в венгерской провинции 75% (см.: *Erdei A. A magyarországi zsidóság migrációja (1945–1955) // Beszélő. Budapest, 2004 (április). P. 69.*)

с. 95 *что касается швабов*

Вынашиваемые после Второй мировой войны некоторыми политическими крутами планы выселения из Венгрии всех этнических немцев находили поддержку немалой части общественного мнения, что вполне объяснимо социально-психологической атмосферой, сложившейся вследствие войны. Среди тех, кто занял в этом плане довольно гуманистическую позицию, требуя дифференцированного подхода к венгерским немцам, был глава католической церкви, шваб по происхождению, кардинал Миндсенти, который, кстати, в 1930-е годы (будучи епископом) выступал против прогитлеровских акций немецкого фольксбунда Венгрии. Документы об этом см.: *Forrás. 1991. № 7* (публикация Ч. Бекеша). В целом следует подчеркнуть, что из Венгрии и Румынии не было столь поголовной депортации немцев, как из славянских стран – Польши, Чехословакии, Югославии. (См. также: *Национальная политика в странах формирующегося советского блока. 1944–1948 / Отв. ред. В.В. Марьина. М., 2004.*)

с. 96 *дабы те подвергли их более или менее мучительной смерти*

5 апреля 1944 г. все венгерские евреи должны были нацепить желтую звезду, 7 апреля началась их массовая депортация в специальные лагеря, а затем в Аушвиц. В Будапеште

около 200 тыс. евреев были сосредоточены в гетто, часть из них успели депортировать в пределы Третьего рейха. Около 5 тыс. евреев сумели бежать из страны, в частности, при содействии шведского посольства. В конце июня – начале июля депортация была приостановлена по требованию Хорти. В те же дни регент Венгрии обращался к германскому командованию с просьбой разрешить эмиграцию части евреев в нейтральные страны (см.: *Patai R. Op.cit. P. 580*). Премьер-министр генерал Г. Лакатош, пришедший к власти в конце августа 1944 г., отправил в отставку ряд высокопоставленных чиновников, ответственных за депортацию евреев, ослабил действие антиеврейских законов.

В ноябре правительство Салаши отправило 50 тыс. будапештских евреев на строительство оборонных укреплений, многие погибли. Около 10 тыс. евреев погибли в результате боевых действий в ходе полуторамесячного штурма Будапешта Красной армией с декабря 1944 по февраль 1945 г. (см.: *Deák I. Op. cit. P. 65*). 16–18 января большое гетто в центре Будапешта, где было около 70 тыс. евреев, освободили советские войска. Из находившихся в венгерской столице евреев гибели избежали не менее 120 тыс. человек, живших в гетто, специально отведенных домах, а также тайно укрывавшихся от преследований (см.: *Stark T. Op. cit. 46. old.; Patai R. Op. cit. P. 590*). По данным Патаи, скорее всего спорным, в остальной Венгрии на момент освобождения было не более 20 тыс. евреев (см.: *Patai R. Op. cit. P. 590*).

Весной 1945 г. начинается возвращение в Венгрию угнанных и выживших в концлагерях евреев. Один из них, будущий нобелевский лауреат И. Кертес, отразил эту тему в своем творчестве. По данным Р. Брэма, на конец 1945 г. в пределах венгерских границ 1941 г. находились 190 тыс. евреев, 116 тыс. из них вернулись из концлагерей и вышли из гетто (см.: *Braham R. Op.cit. Vol. II. P. 1143–1144*). Р. Патаи называет цифру 255 тыс. евреев в границах 1941 г. на конец 1945 г. (см.: *Patai R. Op. cit. P. 590*). Т. Штарк, анализировавший данные Венгерского статистического ведомства, полученные из разных источников (в том числе предварительной переписи на-

селения), пришел к выводу о том, что в 1946 г. на территории, контролируемой венгерским правительством и совпадавшей с Венгрией в ее трианонских границах (подтвержденных с незначительными корректировками не в пользу Венгрии Парижским мирным договором 1947 г.), находились 143 тыс. иудеев (см.: *Stark T. Op. cit. 62. old.*). По подсчетам того же исследователя, в 1945–1947 гг. в Венгрию возвратились около 190 тыс. евреев (см.: *Ibid. 52. old.*). А. Эрдеи считает, что количество выживших в Венгрии евреев колеблется в пределах 220 – 260 тыс. человек (см.: *Erdei A. Op. cit. P. 69*).

Количество выживших венгерских евреев, оставшихся за границей, с трудом поддается исчислению. Следует также иметь в виду, что уже в 1945 г. начинается миграция венгерских евреев в Палестину. По некоторым данным, более 30 тыс. человек официально обратилось к властям за разрешением о выезде, однако реально до 1949 г. в Палестину приехали 15 тыс. евреев из Венгрии, в дальнейшем коммунистические власти запретили выезд своих граждан из страны (см.: *Stark T. Op. cit. 77, 94. old.*).

III. РЕВОЛЮЦИЯ НАЧАЛАСЬ

с. 99 *после падения Аварского каганата*

Аварский каганат – раннесредневековое государство, возникшее на основе племенного союза преимущественно тюркоязычных народов. Образовано в 60-е годы VI в. н. э.; в период наивысшего могущества контролировало значительную часть Восточной Европы. В 626 г. силы авар были разгромлены под Константинополем, что положило начало распаду их государства.

с. 100 *древнюю столицу империи Карла Великого – город Ахен*

Франкский король (впоследствии император) Карл Великий (747–814) в 90-е годы VIII в. избрал Ахен своей зимней резиденцией, построил там внушительный дворцовый комплекс, в 807 г. перенес туда столицу своего государства.

В 814 г. император был похоронен в дворцовой церкви. В Средние века город служил местом коронаций преемников императоров Священной Римской империи – так называемых римских королей.

с. 100 *объединилась с генералом Тито*

Речь идет о народно-освободительной армии Югославии под командованием И.Б. Тито (1892–1980).

за три дня до прихода к власти Салаши

М. Хорти, искавший пути разрыва с Третьим рейхом, не мог считаться в Берлине надежным союзником. В результате путча, осуществленного при германской поддержке 15–16 октября, к власти пришел лидер нилашистов Ф. Салаши.

третья армия вступила в Коложвар и Сегед

Главный город Северной Трансильвании (в конце августа 1940 г. перешла под венгерскую юрисдикцию) Коложвар и город Сегед были освобождены в ходе дебреценской операции 2-го Украинского фронта, продолжавшейся 6–28 октября 1944 г.

Уйпешт, Кишпешт

Речь идет о пригородах (ныне – районах) Будапешта.

с. 101 *еще до того, как страна была полностью очищена от немецких войск*

Временное национальное правительство, сформированное на коалиционной основе и включавшее в себя представителей антифашистских сил разной ориентации, было образовано в освобожденном от вермахта и его союзников г. Дебрецене (на востоке Венгрии) 22 декабря 1944 г.

изъявить свою политическую волю на парламентских выборах

Сталин и его окружение в обмен на ряд уступок США и Великобритании (в том числе предоставление СССР права

на фактически неограниченную доминацию в Румынии и Болгарии, где западные державы ограничились требованием о включении в прокоммунистические правительства ряда представителей оппозиционных коммунистических партий) дали согласие на проведение в Венгрии свободных выборов по стандартам западных демократий. Такие выборы, состоявшиеся 4 ноября 1945 г., принесли убедительную победу независимой партии мелких хозяев, завоевавшей 57% голосов, тогда как компартия получила всего 17% (что, впрочем, можно было бы считать успехом в условиях свободных выборов для партии, на протяжении четверти века действовавшей в Венгрии нелегально). Советское военное присутствие и решающие позиции СССР в Союзной контрольной комиссии по Венгрии (ее возглавлял маршал К.Е. Ворошилов) усиливали реальный политический вес компартии. Независимая партия мелких хозяев, опасаясь массивного давления слева и обструкции принимаемых мер, не решилась на формирование однопартийного правительства; после выборов 4 ноября в стране сохранялось коалиционное правление. Коммунистам удалось обеспечить себе контрольные позиции в органах внутренних дел, что позволило в скором времени перейти к контрнаступлению. Их оппоненты были постепенно ослаблены и вытеснены с политической арены один за другим. В июне 1948 г. в Венгрии фактически установилась однопартийная диктатура сталинского типа.

с. 102 *что не лилась в те дни кровь на улицах*

Речь идет о событиях, связанных с установлением в Венгрии в 1919 г. Венгерской Советской республики. Они были несопоставимы с русской революцией по масштабам жертв.

они никогда не стремились к установлению пролетарской диктатуры

В ходе встреч с единомышленниками-коммунистами советские лидеры были более откровенны, в большей мере были склонны раскрывать свои карты, нежели, к примеру,

при общении с послом Венгрии Д. Секфю, известным своими консервативными убеждениями. По свидетельству видного деятеля компартии Югославии М. Джиласа (впоследствии крупного диссидента), Сталин, принимая в апреле 1945 г. югославскую делегацию, говорил: «В этой войне не так, как в прошлой, а кто занимает территорию, насаждает там, куда приходит его армия, свою социальную систему. Иначе и быть не может». (Цит. по: Джилас М. Лицо тоталитаризма. М., 1992. С. 84.) Необходимо в то же время иметь в виду, что в 1945 г. Венгрия в силу слабости компартии и ряда других факторов не считалась советским руководством страной, готовой к далеко идущим реформам социалистического характера, и это предопределяло тактику Москвы, в отдельных случаях даже пытавшейся сдерживать венгерских коммунистов, гасить в их среде радикалистские, революционерские настроения, грозившие преждевременным выступлением, способным поставить компартию под удар.

Говоря об отношении Секфю к советскому руководству в этот период, уместно привести отзыв лидера венгерской компартии М. Ракоши: «Историк Дюла Секфю, наш посол в Москве, который скептически и со многими внутренними оговорками воспринимал советскую действительность и который не раз встречался со Сталиным, говорил мне о нем с самым большим уважением и признательностью». (Цит. по: «Людам свойственно ошибаться». Из воспоминаний М. Ракоши // Исторический архив, 1997. № 3. С. 117.) Как следует из дневника посетителей кремлевского кабинета Сталина, Секфю встречался с ним по меньшей мере дважды – 10 апреля 1946 г. (вместе с венгерской правительственной делегацией) и 17 февраля 1948 г., что было связано с предстоящим подписанием советско-венгерского договора. (См.: На приеме у Сталина. Тетради (журналы) записей лиц, принятых И.В. Сталиным (1924–1953 гг.) / Под ред. А.А. Чернобаева. М., 2010. С. 701.)

Построения Секфю, излагаемые в работе «После революции», основывались на иллюзиях длительного мирного существования в рамках сложившейся на международной

арене антифашистской коалиции, создающего предпосылки для поступательного (пускай и небезболезненного) продвижения Венгрии по пути демократии нового (восточноевропейского) типа в союзе с большой соседней победоносной державой – СССР, и с учетом негативного опыта предшествующего исторического периода. Начавшаяся холодная война внесла, однако, в скором времени свои коррективы в ход событий, заставив Сталина и его окружение форсировать процесс советизации стран своей сферы влияния и приступить к формированию на основе жесткой дисциплины военно-политического блока антизападной направленности.

с. 103 *не входит установление пролетарской диктатуры и приращение территории... за счет поглощения Венгрии*

Необходимо иметь в виду, что Союзная контрольная комиссия по Венгрии, контролируемая советской стороной, создала условия для последующего усиления позиций коммунистов в борьбе за абсолютную власть. Можно привести и факты непосредственного участия советских спецслужб в устранении оппонентов компартии с политической арены, как это произошло, например, в феврале 1947 г. с одним из лидеров независимой партии мелких хозяев Б. Ковачем.

чего, впрочем, не произошло и в случае соседних стран

Говоря о территориальных приращениях СССР, нельзя забывать о присоединении в июне 1945 г. к УССР Закарпатской Украины, в межвоенный период находившейся под юрисдикцией Чехословакии, а также о переходе к СССР по согласованию с западными державами части Восточной Пруссии, на территории которой была образована Калининградская область РСФСР. Кроме того, СССР почти полностью (за исключением, прежде всего, района Белостока) сохранил территориальные приобретения в Восточной Европе, относящиеся к 1939–1940 гг. (к ним принадлежат Прибалтика, Западная Украина, Западная Белоруссия, Бессарабия, Северная Буковина, Карельский перешеек). Значительные изменения

послевоенных границ в пользу СССР были, однако, полностью санкционированы союзниками по антифашистской коалиции, став тем самым неотъемлемой составной частью формирующейся ялтинско-потсдамской системы международных отношений.

с. 103 *Ленин все равно победил*

Как говорил Секфю в лекции о Ленине, «люди новой Венгрии собрались почтить память того, о ком год назад почти ничего не знали, а то немногое, что знали, едва ли побудило бы их принять участие в этом торжестве. Наша общественность, как и каждое буржуазное общество, рассматривало окружающую ее действительность со своей собственной точки зрения и, таким образом, в лице создателя Советского Союза не видела и не хотела видеть ничего кроме как своего заклятого врага и беспощадного губителя гражданского сословия» одной из великих держав. Из всего того, что происходило в России, продолжал Секфю, «в сознание нашей общественности до недавнего времени просачивались лишь картины гражданской войны, распространяемые сознательной пропагандой негативные стороны великой исторической революции, следы уничтожений и разрушений», на фоне которых неотчетливо проступали «черты сурового лица» вождя, взявшего на себя ответственность за все произошедшее перед Богом и людьми.

Прошел уже год с тех пор, как «сыновья страны Великой Революции» пришли в Венгрию, и все те, кто захотел вступить с ними в контакт, могли убедиться, насколько высоко воины Советской армии (независимо от их национальности) чтят память основателя Советского Союза. Был снова подтвержден старый парадокс: значение, масштаб исторических событий могут быть оценены лишь после определенной временной дистанции, точно так же, как, «находясь у подножия башни, мы не можем точно определить ее размеров». Перспективу, необходимую для адекватного восприятия великих перемен, произошедших в России, по мнению Секфю, предоставила Вторая мировая война, в дни которой

более 100 млн. человек самоотверженно, без малейших колебаний приняли ожесточенный бой с врагом до последней капли крови, трудились в тылу до полного изнеможения сил, чтобы защитить ту систему, которую породила революция 1917 г. с последовавшей за ней чередой кровавых лет. Между тем именно Ленин был центральной фигурой при подготовке и реализации победоносной революции, в результате которой возникла общественная и экономическая организация современной России, пришедшая на смену царизму и капитализму. Человек, за результаты деятельности которого одна шестая часть земного шара готова жертвовать жизнью, может быть, по глубокому убеждению венгерского консервативного историка, поставлен в ряд самых великих исторических личностей.

Ленин в России взял на себя решение непосильных для одного человека задач (включая устройство нового мира), которые в условиях Великой французской революции решали целые поколения способных, иногда даже гениальных людей, далеко не всегда столь же успешно достигших своих целей, как это сделал своей богатырской работой русский гений. Ведь французскую революцию духовно подготовили мыслители-просветители – Вольтер, Руссо, Кондорсе и др. Ее практическое осуществление взяли на себя совсем иные силы, во главе которых стояли такие незаурядные личности, как Мирабо, Дантон, Марат, Робеспьер. Затем наступила пора послереволюционной реорганизации и консолидации – этим занялся Наполеон, в конечном итоге проигравший. После его падения новым поколениям политиков пришлось снова начать борьбу за гражданские, гуманитарные права и свободы, однажды уже прокламированные с немалой верой и воодушевлением. В условиях русской революции Ленин взял на себя тройную миссию – он занимался духовной подготовкой революции, затем взял в свои руки революционное знамя, которое нес до самой победы, до окончательного разгрома старого миропорядка. Наконец, он взял на себя составление кодекса нового устройства – такого, за сохранение которого двадцать лет спустя боролась вся страна, весь

ее народ как один человек. Личность Ленина и ленинские достижения не были даны французской революции, но они были даны русской пролетарской революции естественным течением обстоятельств.

Исходным пунктом русской пролетарской революции служило ленинское убеждение в том, что уничтожение капитализма, угнетающего рабочий класс и колониальные народы, невозможно мирным путем, без революции, как было принято полагать ранее. Из этого убеждения, основанного на марксизме, выросли три направления ленинской дореволюционной деятельности – создание авангарда, способного политически и идейно руководить революционным пролетарским движением, привлечение на сторону революции основной массы крестьянства (чему способствовало глубокое изучение Лениным-социологом особенностей развития капитализма в России), разработка стратегии осуществления революции в недостаточно капитализированной стране. При этом Ленин учитывал тенденцию развития мирового капитализма, превращение его в империализм, возникновение империалистических войн, создающих новые условия для революционных выступлений угнетаемых масс.

Наблюдения Лениным тенденций мирового развития, полагал Секфю, не только свидетельствовали о его беспрецедентной политической зоркости, но и позволили дополнить в соответствии с изменившимися условиями основные положения теории Маркса и Энгельса. Важным теоретическим новшеством стала опора на советы рабочих и крестьян. Еще до осуществления революции Ленин концептуально разработал ту форму организации государственной жизни в революционной России (а в перспективе и в более широком, всемирном масштабе), которая затем нашла воплощение на практике. Уделяя большое внимание в своей деятельности созданию авангардной революционной партии, Ленин не мыслил ее без доверия пролетариата, выражения партией политической воли рабочих масс, дающих решающее направление всей ее деятельности. Очень глубоко Ленин занимался изучением национального вопроса (чрезвычайно

интересующего и венгров), связывая с национальными движениями новые революционные возможности. Деятельность Ленина вывела на новый путь развития эксплуатируемые народы бывшей царской империи, с которыми ранее никто не считался. Именно в этом, в известном смысле национально-освободительном контексте Секфю призывал оценивать предпринятые Советским Союзом грандиозные усилия и понесенные им большие жертвы ради освобождения Венгрии из-под власти немецкого империализма. Не только революция 1917 г. в России и последующее развитие великой державы – СССР, но и все, что совершается в мире сегодня, имеет свои корни в теории Ленина, резюмировал венгерский историк. По его мнению, трудно найти в истории другого человека, идеи которого влияли бы на жизнь такой огромной массы людей, как идеи Ленина. Они влияют не только на жизнь народов России, но и на развитие других стран мира, в том числе через деятельность политических партий, функционирующих в соответствии с принципами, разработанными Лениным. И едва ли был другой такой мыслитель, которому удалось бы столь же полно реализовать на практике свои, по выражению Секфю, «рациональные мечты». Говоря о ленинском окружении, людях, поддерживавших Ленина в осуществлении его идеалов, Секфю упомянул в первую очередь его «сегодняшнего преемника» Сталина, имеющего «большие заслуги в развитии ленинского способа мышления», применяемого и в настоящее время, в новых условиях, в связи с новыми факторами мировой политики. На основании идей и принципов Ленина была создана и сильнейшая в мире победоносная Красная армия, бойцов которой связывает в первую очередь не национальное чувство и не столько сознание общего происхождения, сколько следование теоретическим заветам этого великого мыслителя. После победы над нацизмом перед разными странами мира открылся путь для практического осуществления социальных и экономических реформ, разработанных в теории.

Корни политического успеха Ленина Секфю призывал видеть в его прочной связи с массовыми общественными дви-

жениями, в глубоком знании им «вечного русского крестьянства» и составляющего его высшие слои промышленного пролетариата, судьбу которых он разделял на протяжении десятилетий подготовки великой русской революции. За приверженностью Ленина марксистской доктрине следует видеть его чувствительность к народным страданиям и гуманизм, не всегда заметные за строгой революционной риторикой.

Вынашиваемые великими мыслителями прошлого мечты о достижении общего блага, всеобщего счастья и т.д. никогда не выходили за рамки теоретических построений. На практике же неизменно правила бал выгода меньшинства, что вело и к застыванию теории. Только при жизни недавно сошедших со сцены поколений старая мечта ярко проявила себя под новым названием – «социализм». Именно Ленин, по мнению Секфю, работая в непрерывном темпе, сдвинул с мертвой точки дело достижения всеобщего блага и больше других со времен Великой французской революции сделал для его практического воплощения, хотя и ценой великих и тяжелых жертв. Имя Ленина открыло новую эпоху, исход которой пока невозможно предвидеть, можно говорить лишь об открывшемся пути к освобождению миллионов людей. Вся его деятельность стала «символом силы воли, преданности своим принципам и душевной непоколебимости».

По Секфю, было бы неуместным делать жизнь Ленина средством нравочений и наставлений. Вместе с тем изучение труда его жизни представлялось историку полезным и необходимым. «Отложив в сторону все недоразумения и предубеждения, современная Европа должна узнать в нем своего самого влиятельного государственного мужа, великого мастера политического искусства, освободителя народов». С изучением системы взглядов Ленина и его преемника Сталина «мы приблизимся к Советскому Союзу, стране, спасшей нас год тому назад от гибели, грозившей нам на краю германской пропасти, в которую мы со своей слабой головой и моралью чуть не скатились. Этот наш прошлогодний освободитель – могущественный сосед будет

стоять возле нас и в не меньшей мере влиять на нашу судьбу, как и тогда, когда он спас оставшихся в живых венгров. Нам нужно познакомиться с его мышлением, чтобы наши слова были им услышаны, а его слова нами поняты. Первым шагом на этом пути будет наше ознакомление с жизненной работой и творчеством его самого великого сына. Нам откроются многие перспективы, мы почувствуем ураган мировой истории и в нем увидим современного Демиурга, перед памятью которого Венгрия преклоняет сегодня свои знамена». Содержание выступления Секфю излагается по брошюре, опубликованной Венгерско-Советским культурным обществом. (См.: *Szekfű Gy. Lenin. Vp., 1946.*)

Оценку Ленина как наиболее выдающегося политического деятеля XX в., проложившего новые пути развития мировой цивилизации, разделяли в то время многие, в том числе далекие от идеи коммунизма венгерские интеллектуалы. Не избежал идеализации основателя советского государства и первый президент Венгерской республики в 1918–1919 гг. левый либерал по своим убеждениям граф М. Каройи, выступивший с речью о Ленине на вечере его памяти в том же здании национальной оперы ровно через год, 21 января 1947 г. Правый народник Я. Кодолани писал о Ленине как о человеке, который «с выдержкой ученого, его объективностью и отважным хладнокровием проник в законы общественных землетрясений как современная буровая машина в твердые пласты рудничных глубин», «мир жадно ждет ту голову и то сердце, которые с ленинской твердостью и раскаленным темпераментом снова оценят наше положение и, овладев новыми мерилami науки, создадут подходящий для новой исторической ситуации метод для коммунистов». (Цит. по обзору венгерской прессы, выполненному в ВОКСе: ГАРФ. Ф. 5283. Оп. 17. Д. 134. Л. 149, 153.)

Что касается дифирамбов в адрес Сталина, то они в атмосфере послевоенной эйфории не противоречили настраиваниям значительной части европейской интеллигенции, адекватно оценивавшей вклад Красной армии в победу над нацизмом. Так, в отчете о поездке группы советских кинема-

тографистов во главе с М. Калатозовым на первый Каннский фестиваль в 1946 г. отмечалось: хотя в фестивальном жюри не было ни одного коммуниста и состав съехавшейся аристократической публики «не давал оснований предполагать, что в ее лице мы встретим почитателей советской культуры... каждое появление тов. Сталина (при демонстрации одного из советских пропагандистских фильмов. – Комментаторы) вызывало аплодисменты как жюри, так и зрительного зала» (РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 125. Д. 469. Л. 58, 62).

с. 104 *в духе пунктов Вильсона*

В январе 1918 г. президент США Вудро Вильсон выдвинул программу мира, сформулированную в 14 пунктах и признававшую право наций на самоопределение в качестве основы послевоенного переустройства мира. «14 пунктов» Вильсона ставили под сомнение принцип политического равновесия, лежавший после наполеоновских войн в основе европейской системы международных отношений. Перемещение главного акцента на этнический принцип государствообразования создавало особую угрозу для многонациональной Габсбургской монархии (и столь же полиэтничной исторической Венгрии как ее неотъемлемой составной части). В январе 1918 г. президент Вильсон еще выступал сторонником широкой автономии, которую следовало предоставить народам Австро-Венгрии при сохранении целостности государства. Но через несколько месяцев внешняя политика США уже исходила из необходимости создания на территории Дунайской монархии ряда новых государств. «Я убежден в том, что это единственный верный способ, позволяющий нам положить конец могуществу немцев в Европе», – писал в этой связи в 1918 г. ближайший соратник В. Вильсона госсекретарь США Р. Лансинг. (Цит. по: *Ромшич И.* О причинах распада Габсбургской империи в 1918 г. и падения династии Романовых в 1917 г. // *Судьба двух империй. Российская и Австро-Венгерская монархии в историческом развитии от расцвета до крушения.* М., 2006. С. 253.)

с. 104 *слушали по ту сторону стены «ceterum censeo»*

Здесь Секфю уподобляет лидеров западных держав древнеримскому государственному деятелю и полководцу Катону Старшему (234–149 до н. э.), который, по свидетельству Плутарха, все свои публичные речи завершал словами: «Кроме того, я думаю, что Карфаген должен быть разрушен» (*Ceterum censeo Carthaginem esse delendam*).

с. 105 *Советский Союз пытался наладить отношения с Венгрией*

Первая такая попытка была предпринята в 1924 г. Правда, подписанный в это время двусторонний договор об установлении дипотношений не был ратифицирован венгерским парламентом. В основе позиции венгерской стороны лежал определенный интерес к экономическому сотрудничеству с СССР. (См.: *Пушкаш А.И.* Внешняя политика Венгрии, ноябрь 1918 – апрель 1927 г. М., 1981; *Seres A.* A szovjet piac «meghódítása» és a magyar tőke Trianon után. Iratok a szovjet-magyar vegyes kereskedelmi társaság történetéhez (1923) // *Századok*, 2006. 1 sz.; *Kolontári A.* Magyar-szovjet diplomáciai, politikai kapcsolatok. 1920–1941. Bp., 2009.)

установил дипломатические отношения с правительством Миклоша Хорти

Дипломатические отношения между СССР и Венгрией были установлены в 1934 г. (См.: *Колонтари А.* Переговоры по установлению дипломатических отношений между Советским Союзом и Венгерским Королевством в 1934 году // *Славяноведение*. 2010. № 1.) В феврале 1939 г. они были прерваны вследствие присоединения Венгрии к Антикоминтерновскому пакту, но осенью того же года, вскоре после заключения Советско-Германского пакта, были восстановлены в условиях произошедшего поворота во внешней политике СССР. При всей непримиримости советской идеологии и консервативно-охранительных идейных установок хортистского режима в Венгрии (возникшего на руинах большевистского эксперимента 1919 г. в этой стране), существовал весомый геополитический фактор, способствовавший некото-

рому сближению двух государств на международной арене в благоприятных для этого внешних условиях. Речь идет о том, что, как Венгрия, так и СССР имели серьезные территориальные претензии к Румынии. Пик «потепления» в официальных советско-хортистских отношениях и сближения двух стран на антирумынской платформе пришелся на лето 1940 г., когда обе страны осуществили территориальные приращения за счет Румынии (Советский Союз в июне возвратил силовым путем принадлежавшую после 1812 г. царской России и утраченную в 1918 г. Бессарабию, а также воссоединил с другими украинскими землями Северную Буковину; Венгрия же на основе второго венского арбитража в конце августа получила Северную Трансильванию). (См.: *Стыкалин А.С. Трансильванский вопрос в отношениях Венгрии и Румынии в 1940-е годы // Национальная политика в странах формирующегося советского блока, 1944–1948 / Отв. ред. В.В. Марьина. М., 2004; Исламов Т.М., Покивайлова Т.А. Восточная Европа в силовом поле великих держав. Трансильванский вопрос. 1940–1946 гг. М., 2008; Колонтари А. «Одна из самых стабильных границ в Европе». К истории советско-венгерских отношений 1939–1941 гг. // Средняя Европа. Проблемы международных и межнациональных отношений. XII–XX вв. / Отв. ред. А.С. Стыкалин. СПб., 2009; Шереш А. Два неопубликованных советских документа к истории «трансильванского вопроса» и «второго венского арбитража» // Там же.)*

- с. 105 *вернул в Будапешт гонведские знамена, конфискованные в 1849 г. армией Николая I*

Речь идет о знаменах венгерской революционной армии, сложившей в 1849 г. оружие перед численно превосходившим ее российским войском под командованием фельдмаршала И.Ф. Паскевича, призванным на помощь венскому двору. В январе 1941 г. советское правительство обещало правительству Венгрии вернуть боевые знамена революционной армии 1848–1849 гг. После предварительных переговоров 20 марта 1941 г. в Москве в Центральном доме Красной армии состоялась торжественная церемония пере-

дачи знамен. Через три месяца, в июне 1941 г., СССР и Венгрия оказываются в состоянии войны. Знамена венгерской революционной армии 1848 г. достались Красной армии в качестве трофеев в начале 1945 г. в процессе освобождения Венгрии от сил вермахта (некоторые из них бежавшие из Будапешта нилашисты успели вывезти в Австрию, где они также оказались в советской зоне оккупации). Весной 1948 г., в дни празднования 100-летнего юбилея венгерской революции, состоялась повторная церемония возвращения знамен. (См.: *Деркеи Е. Дважды возвращенные гонведские знамена // Научные издания московского Венгерского колледжа I. / Отв. ред. Й. Горетить. М., 2001; Пушкаш А.И. Два возврата венгерских гонведских знамен // Там же.*)

- с. 105 *восточные территории, на которых русские составляли большинство*

Речь идет об украинцах и белорусах.

Польша... при советской поддержке получила немецкие имперские земли

Речь идет о Силезии, Померании и части Восточной Пруссии.

Чехословакия как давний союзник СССР

Речь идет о преобладающих (особенно если говорить о словацком движении) прорусских ориентациях чешского и словацкого национальных движений еще задолго до образования в 1918 г. Чехословацкой республики.

- с. 106 *судьба Венгрии после заключения перемирия*

Договор о перемирии между державами антифашистской коалиции и Венгрией был подписан в Москве 20 января 1945 г.

ни в одной из стран не произошло насильственной смены власти

Летом 1947 г., когда писались эти строки, уже всюю происходил процесс ликвидации демократических форм прав-

ления в Польше, Румынии, Болгарии, в 1948 г. дело дошло до их ликвидации и установления, по сути дела, однопартийных диктатур в Чехословакии и Венгрии. (См.: *Гибианский Л.Я. Проблемы Восточной Европы и начало формирования советского блока // Холодная война. 1945–1963 гг. Историческая ретроспектива / Под ред. Н.И. Егоровой, А.О. Чубарьяна. М., 2003; Он же. Формирование советской блоковой политики // Там же.*)

с. 106 *зложил основы так называемой восточноевропейской демократии*

Представления о так называемой «восточноевропейской демократии», открывающей путь далеко идущим социальным преобразованиям без диктатуры пролетариата, также строились на иллюзиях длительного мирного сосуществования антифашистских держав. Эти иллюзии, однако, утратили под собой почву с началом холодной войны.

с. 112 *связи, которые в эпоху Хорти соединяли церковь и паству с государством*

Установившийся в результате свержения Венгерской Советской республики 1919 г. правоавторитарный хортистский режим с первых лет своего существования стремился активизировать деятельность «исторических» церквей Венгрии – католической (к которой было официально приписано более 65% населения), а также протестантских (кальвинистской и лютеранской). Цель, которая преследовалась этой политикой, четче других сформулировал в одном из программных заявлений начала 1920-х годов министр просвещения и культов граф К. Клебельсберг: «Борьба идет между церковью и социализмом... В этой связи на венгерские церкви ложится громадная ответственность. Только сильная церковь сможет поставить преграды на пути дехристианизации человеческого духа. Беда, если церковь не выдержит испытания, проиграет в схватке с социализмом за умы людей. Именно это случилось, как мы знаем, в России... Мы должны дать нашей церкви всю ту поддержку, которая ей необходима

от нас для успеха в этой борьбе». В межвоенный период в Венгрии существовало около 1500 различных религиозных организаций (от культурных, благотворительных обществ и христианских профсоюзов до политических объединений ярко выраженной консервативной направленности). В них состояло до 15% всех католиков. В 1920–1930-е годы в стране имелось столько же монастырей, сколько их было в эпоху австро-венгерского дуализма, хотя территория венгерского государства по итогам Трианонского мирного договора 1920 г. уменьшилась примерно втрое. Глава католической церкви (примас) обладал правом накладывать вето на принятие любого закона, касающегося деятельности клира, существовала также практика предварительного ознакомления епископата со всеми проходившими через парламент законопроектами. Епископы и другие высокие церковные иерархи (католики и протестанты) автоматически входили в верхнюю палату венгерского парламента.

Идеологи консервативного хортистского режима пытались именно на христианском фундаменте возводить свои системы взглядов, неизменно облекали их в христианские одежды. Функцию официальной идеологии в Венгрии эпохи хортизма на протяжении, по меньшей мере, полудесятилетия пыталась выполнять так называемая христианско-национальная доктрина, которой был придан межконфессиональный характер. Господствующим направлением официальной художественной культуры становится необарокко, широко эксплуатировавшее христианскую символику. (Подробнее см.: *Стыкалин А.С. Хортистский режим и идея возрождения Венгрии в 1920–1930-е годы // Славяноведение. 1994. № 6.*)

Довольно сильны были позиции «исторических» церквей в экономической жизни. Так, католическому костелу принадлежало более 15% всех земельных угодий, 5 банков, многочисленные предприятия легкой промышленности, одна треть всех учреждений здравоохранения и социального обеспечения. Особенно велика была роль церквей в управлении школьной системой: до 1948 г. в ведении церковных

администраций находилось 67% начальных школ, половина гимназий, 80% средних педучилищ, ряд вузов.

- с. 114 *под запоздавшим влиянием ... Просвещения XVIII в. и йозефинизма начала XIX столетия*

Секфю резко отвергал рационализм, свойственный философии Просвещения (прежде всего французского), видел в нем причину ослабления веры в ее глубоко эмоциональных формах, свойственных эпохе барокко. Еще более негативно историк относился к церковной политике императора Иосифа II (1780–1790), получившей название йозефинизма (впоследствии термин распространился на все реформы этого правителя). Иосиф II декретом о веротерпимости (1781 г.) отменил ряд дискриминационных мер в отношении христианских не католических конфессий, запретил католическому клиру прямые сношения с папской курией, передал учебные заведения, готовившие католических священников, под контроль государства, распустил религиозные ордена, не вовлеченные в общественно-полезную деятельность (содержание школ, больниц, приютов) и т.п. Неясно, почему Секфю относит йозефинизм к началу XIX в. Возможно, историк считал, что к тому времени проявились негативные последствия перечисленных выше реформ.

созданием национальной партии

Возможно, речь идет не о конкретной политической партии, а о представленном разными партиями (прежде всего партией независимости и 1848 г.) националистическом лагере в венгерской политической жизни. Его программа исходила из необходимости пересмотра в пользу Венгрии основ системы дуализма. Активизация этого лагеря в начале XX в. была симптомом усиливающегося кризиса дуалистической модели.

- с. 115 *новая католическая газета*

Скорее всего, имеется в виду газета «*Nemzeti Újság*» («Национальная газета»).

- с. 115 *архиепископ эстергомский*

Эстергомский архиепископ является примасом (главой) венгерской католической церкви в ранге кардинала.

- с. 116 *наступивших с нацистской оккупацией*

Венгрия была оккупирована силами вермахта 19 марта 1944 г.

начавшееся при правительствах Стойяи и Салаши

Прогерманское правительство Д. Стойяи было сформировано 22 марта 1944 г., после оккупации Венгрии вермахтом. Реальная власть в стране принадлежала командованию немецких оккупационных сил. Оппозиционные партии были объявлены вне закона (что означало, по сути дела, превращение правоавторитарного режима в тоталитарный), была предпринята массовая депортация евреев в Освенцим, посланы новые значительные воинские формирования на Восточный фронт, заключен новый экономический договор с Германией, предоставивший ей неограниченное влияние на венгерскую экономику. 24 августа, на следующий день после государственного переворота в соседней Румынии, приведшего к свержению режима маршала Антонеску и разрыву Румынии с нацистской Германией, регент Хорти отправил правительство Стойяи в отставку и поручил формировать правительство генералу Г. Лакатошу, поддержавшему возобновившиеся осторожные поиски венгерской политической элитой путей выхода из войны. Эти поиски были пресечены государственным переворотом 15–16 октября, когда власть в стране захватили верные союзу с Германией нилашисты во главе с Ф. Салаши.

примас венгерской католической церкви

Речь идет о кардинале Юстиниане Шереди. См. *Шереди* в Биографическом справочнике.

так называемых барских забавах

Выражение «*uri huncutság*» – «барские забавы» – вызывает реминисценции с известным романом Жигмонда Морица

«Úri muri» (был переведен на русский язык как «Барские затеи»).

с. 116 *поддерживал меня в противостоянии гитлеризму*

По мере втягивания хортистской Венгрии в орбиту внешней политики нацистской Германии Д. Секфю все более активно участвовал в деятельности легальных антифашистских организаций, в частности, Комитета памятных исторических дат (*Magyar Történelmi Emlékbizottság*), организовавшего ряд акций антифашистской, патриотической направленности, в том числе разогнанный полицией митинг 15 марта 1942 г. В декабре 1941 г. вместе с публицистами левого и леволиберального толка Секфю был в числе авторов рождественского номера социал-демократической газеты «*Népszava*», включившего в себя ряд смелых статей антивоенного, антифашистского содержания, а в 1942 г. принял участие в аналогичном по содержанию сборнике «По пути Петёфи». В 1943–1944 гг. на страницах либеральной газеты «*Magyar Nemzet*» опубликовал ряд статей, в которых поднимал прогрессивные традиции эпохи реформ первой половины XIX в., противопоставляя их реакционным тенденциям политического развития современной Венгрии. Большой авторитет Секфю в среде венгерской интеллигенции способствовал усилению антифашистского лагеря.

с. 117 *в момент великого поворота*

Речь идет о событиях конца 1944 – начала 1945 г. (разрыве Венгрии с нацистской Германией, формировании правительства антифашистской коалиции).

Епископ Фаульхабер

Речь идет о кардинале римско-католической церкви и мюнхенском епископе Михеле фон Фаульхабере (1869–1952), одном из наиболее последовательных оппонентов нацизма в гитлеровской Германии.

с. 118 *раздел всего крупного епископского землевладения*

В результате антифеодальной аграрной реформы 1945 г., проводившейся под руководством министра земледелия коммуниста Имре Надя, католический клир безвозмездно лишился более 90% своих земельных владений.

польская и румынская церкви были по-прежнему крупными земельными собственниками

На самом деле и польский католический костел, и румынская православная церковь в значительной мере утратили свои позиции крупных земельных собственников вследствие послевоенных аграрных реформ. (Подробнее см.: Волокитина Т.В., Мурашко Г.П., Носкова А.Ф. Москва и Восточная Европа. Власть и церковь в период общественных трансформаций 40–50-х годов XX века: Очерки истории. М., 2008.)

как сказал один иерарх

«Давайте помолимся за то, чтобы успехи новых владельцев смогли бы утешить служителей церкви, понесших утраты», – говорилось в послании иерархов венгерского католического клира к священнослужителям от 24 мая 1945 г. (документ представлен в Музее террора в Будапеште).

с. 119 *регент Хорти в свое время изгнал из страны короля*

Речь идет о неудачных попытках захвата власти в Венгрии, дважды предпринятых в 1921 г. бывшим австрийским императором и венгерским королем Карлом Габсбургом в расчете на поддержку своих сторонников-легитимистов. Регент королевства Венгрии адмирал М. Хорти пресек эти попытки, зная о том, что возвращение Габсбургов к власти в Венгрии будет в штыки воспринято в Чехословакии, Румынии и Королевстве сербов, хорватов и словенцев (будущей Югославии) и не найдет поддержки в Великобритании и Франции, будучи расценено как первый шаг на пути к реставрации Дунайской монархии, а значит, разрушению установленной по итогам Первой мировой войны Версальской

системы. Тем самым усилится внешнеполитическая изоляция хортистского режима. Хотя страна осталась монархией (без монарха), Габсбурги были лишены прав на венгерский престол. (Подробнее см.: Шимов Я.В. Последний австрийский император // Славяноведение. 2008. № 1.)

с. 119 *новое государство стало республикой, хотя и не народной республикой*

Венгрия была провозглашена республикой 1 февраля 1946 г. Первым президентом был избран деятель независимой партии мелких хозяев Золтан Тилди. По конституции, вступившей в силу в августе 1949 г., была провозглашена Венгерская Народная Республика.

чтобы избежать воспоминаний о 1918 году

Имеются в виду революционные события 1918–1919 гг., включая большевистский эксперимент 1919 г. (Венгерская Советская республика), не поддержанный большинством населения страны.

с. 120 *с гибелью армии*

В январе 1943 г. венгерская армия понесла огромные потери (80 тыс. убитыми) на Восточном фронте, в излучине р. Дон близ Воронежа.

во время инфляции

Острейшую инфляцию, купюрой в триллион пенгё установившую «мировой рекорд» обесценения валюты, удалось преодолеть вследствие успешно проведенной в августе 1946 г. финансовой реформы. На смену пенгё пришла новая денежная единица – форинт. В подготовке реформы сыграл позитивную роль выезжавший на родину на несколько недель выдающийся советский экономист академик Е.С. (Енё) Варга (1879–1964), в 1919 г. нарком Венгерской Советской республики, а позже основатель и многолетний директор (1927–1947) Института мирового хозяйства и мировой политики АН СССР.

с. 120 *передать суду наиболее скомпрометированных... очистить от них ряды чиновничества*

К середине 1946 г. из государственного аппарата было удалено около 60 тыс. человек, заподозренных в политической неблагонадежности.

новые люди были ставленниками партий

Речь идет о коалиционном характере новой власти в Венгрии, о соперничестве партий, входивших в правящую антифашистскую коалицию, в борьбе за расширение социальной базы.

с. 121 *о демократии, которая в первую очередь защищала интересы пролетариата*

Лозунг защиты интересов пролетариата (как и требование скорейшего установления пролетарской диктатуры) коммунисты на первых порах старались особенно не выпячивать из тактических соображений, о защите пролетариата больше говорили левые социал-демократы. Главный идеолог ВКП Йозеф Реваи на III съезде этой партии, состоявшемся осенью 1946 г., следующим образом сформулировал тактическую линию партии: «народная демократия служит, в частности, тому, чтобы те общественные прослойки, которые являются союзниками рабочего класса в демократии, без спешки, терпеливой работой убедить в том, что социализм служит и их кровным интересам. Это движение вперед к социализму будет, несомненно, медленнее, чем путь, которым мы следовали в 1919 г., но в интересах... всего трудового народа мы готовы предпочесть пусть медленный, но безболезненный путь к социализму, чем быстрый, но через кровавую гражданскую войну». (См: A népi demokrácia fejlődése. A MKP III. Kongresszusának jegyzőkönyve. Bp., 1946. 137–138. old.)

вернулись на родину и вступили в одну из партий правительственной коалиции

Речь идет о независимой партии мелких хозяев (*Független Kisgazda Párt*) или НПНХ. В 1945–1946 гг. это была идеологи-

чески разнородная партия «сборного» типа. В ней нашли свое пристанище многие из оппонентов той тенденции в политическом развитии Венгрии, которая вела к установлению монополюльной власти компартии, системы государственного социализма (а значит, в сложившихся конкретных условиях, репрессивной диктатуры сталинского типа).

с. 121 *еще до создания правительства в Дебрецене*

Временное национальное правительство Венгрии было создано в Дебрецене 22 декабря 1944 г.

с. 122 *в национальные комитеты не раз хотели вдохнуть новую жизнь*

Со временем, по мере узурпации власти компартией, демократическая система, о которой идет речь, была отброшена.

результатом соглашения двух рабочих партий

Объединительный съезд коммунистической и социал-демократической партий состоялся 13–14 июня 1948 г. Правые социал-демократы, выступавшие против объединения СДП с коммунистами, остались за бортом новой партии – Венгерской партии трудящихся (ВПТ).

стоявший во главе их Совет

Речь идет о Совете профсоюзов, созданном в 1891 г. как центральный координационный орган профсоюзного движения. В 1945–1948 гг. Совет обладал автономией и действовал в рамках соглашения между коммунистической и социал-демократической партиями. На смену ему пришел Национальный совет профсоюзов, подконтрольный Венгерской партии трудящихся.

с. 123 *профсоюзам будет придаваться все большее значение*

Вскоре профсоюзы превратились в один из приводных ремней правящей ВПТ.

с. 124 *в коалицию входило пять партий*

В антифашистскую коалицию, сформировавшую Временное национальное правительство, образованное в декабре 1944 г., вошли представители коммунистической, социал-демократической партий, независимой партии мелких хозяев, национальной крестьянской партии, так называемой гражданской демократической партии, а также четверо беспартийных – антинацистски настроенных представителей хортистского истеблишмента, прежде всего генералов.

после недавних национальных выборов – четыре

После выборов 4 ноября в правительство вошли представители НПМХ, СДП, компартии и национальной крестьянской партии.

независимая партия мелких хозяев – партия большинства

На свободных выборах 4 ноября 1945 г. независимая партия мелких хозяев, воплощавшая некоммунистическую альтернативу развития страны, получила 57% голосов.

две рабочие партии

Речь идет о коммунистической и социал-демократической партиях.

партия большинства представляла ... и ту буржуазию...

Как уже отмечалось, НПМХ превратилась в 1945–1946 гг. в партию, разнородную по составу, став политическим пристанищем для многих оппонентов коммунистической альтернативы в развитии Венгрии.

между двумя национальными выборами

Имеются в виду парламентские выборы, состоявшиеся в ноябре 1945 г. и в августе 1947 г.

в конце августа, за месяц до выборов

Новые выборы в государственное собрание состоялись 31 августа (!) 1947 г. и прошли с серьезными нарушениями

и подтасовками. Коммунисты набрали 22% голосов, однако вместе с союзниками немногим более 50%, получив тем самым большинство, что дало им возможность усилить атаку на оппонентов. Независимая партия мелких хозяев к этому времени находилась во власти левого крыла, выступавшего за сотрудничество с коммунистами.

с. 125 *становятся понятными уступки*

Как уже отмечалось, советское военное присутствие и решающие позиции СССР в Союзной контрольной комиссии по Венгрии (ее возглавлял маршал К.Е. Ворошилов) усиливали реальный политический вес одной из сил политического спектра, а именно компартии. В этих условиях одержавшая абсолютную победу на выборах в ноябре 1945 г. партия мелких хозяев, опасаясь массивного давления слева и обструкции коммунистами принимаемых мер, не пошла на формирование однопартийного правительства; после выборов 4 ноября в стране сохранялось коалиционное правление. Коммунистам удалось обеспечить себе контрольные позиции в силовых структурах (особенно в политической полиции), что позволило в скором времени предпринять контрнаступление. Их оппоненты были постепенно вытеснены с политической арены.

когда обстановка накалится

Речь идет о ситуации весны 1947 г., когда лидеры компартии, не гнушаясь нечистых средств, предприняли атаку на правое крыло НПМХ, обвинив его деятелей (в том числе премьер-министра Ференца Надя, подавшего в мае в отставку) в причастности к антигосударственному заговору.

парламентский строй, соответствующий западным демократическим стандартам

Как отмечалось, Сталин и его окружение в обмен на ряд уступок США и Великобритании дали согласие на проведение в Венгрии 4 ноября 1945 г. свободных выборов по стандартам западных демократий.

с. 125 *в первый голодный инфляционный год*

Речь идет о первом послевоенном 1946 г.

с. 126 *взамен они получили то, что им полагалось – землю, а значит, и залог улучшения благосостояния*

Вплоть до конца Второй мировой войны в Венгрии сохранялась неэффективная система землепользования, сложившаяся в своей основе еще в условиях господства феодальных отношений. На ликвидацию ее была направлена аграрная реформа 1945 г. Все партии были согласны с необходимостью уничтожения системы латифундий, разногласия касались только методов решения аграрного вопроса. За основу был взят более радикальный план перераспределения земли в пользу бедного (и отчасти среднего) крестьянства, предложенный компартией. Наряду с экономической функцией аграрная реформа обладала политической функцией (уничтожение системы крупного, в том числе церковного, землевладения, тесно связанной с прежним строем), она выполняла и карательную функцию – в той мере, в какой затрагивала коллаборационистов. Главные социально-политические последствия проведенной реформы заключались в подрыве влияния аристократии и дворянства. По замыслам ее инициаторов из лагеря коммунистов и их ближайших союзников (из национальной крестьянской партии), радикальная аграрная реформа была призвана укрепить авторитет компартии как организации, утолившей многовековой земельный «голод» венгерского крестьянства. Министр земледелия коммунист, вернувшийся из московской эмиграции, Имре Надь (во время событий осени 1956 г. глава правительства Венгрии) надолго остался в народной памяти как политический деятель, распределявший землю, что способствовало его популярности в венгерском обществе. В то же время реформа была недостаточно экономически обоснованной, не только ликвидировав латифундии, но и сократив долю ферм площадью 50–100 акров – минимума земли, необходимого для создания конкурентоспособного фермерского хозяйства.

с. 127 *уклонялись от конфликта с церковью*

Влиятельный в венгерском обществе веспремский архиепископ Йозеф Миндсенти, став в октябре 1945 г. примасом венгерской католической церкви (архиепископом эстергомским) и получив от Ватикана кардинальский сан, отнюдь не пошел на сближение с новыми властями. Он выступил не только решительным оппонентом социалистической перспективы развития, но и противником далеко идущей модернизации существующей политической системы. Так, зимой 1946 г. Миндсенти, известный своими легитимистскими (т. е. в сущности прогабсбургскими) убеждениями, пытался опротестовать провозглашение Венгрии республикой. Включившись в политику и заняв крайне правый фланг на венгерской политической арене, он дистанцировался и от наиболее влиятельных потенциальных своих союзников по антикоммунистическому лагерю, в частности, из правого крыла независимой партии мелких хозяев, а также от политиков демохристианской ориентации (И.Баранкович и др.), выступавших с более умеренных позиций. Особенно решительно Миндсенти протестовал против ущемления интересов церкви в духовной жизни. Школьная реформа, завершившаяся национализацией 20 июня 1948 г. 6500 школ, находившихся в ведении церкви, была осуществлена вопреки его жесткому противодействию; именно на июнь 1948 г. пришелся пик острейшего противоборства церкви и власти. Проявляя принципиальность в отстаивании интересов церкви (как он их понимал), кардинал вместе с тем занял гуманистическую позицию в отношении некоторых несправедливо притесняемых категорий населения. В частности, венгерских немцев, которых после 1945 г. собирались насильственно депортировать из страны.

К концу 1948 г., когда позиции правых партий в венгерском парламенте были окончательно подорваны, именно католический епископат становится усилиями Миндсенти и его окружения самым мощным в стране центром антикоммунистической оппозиции. Это не могло не вызвать реакции властей. Сразу же после Рождества, 26 декабря 1948 г.

кардинал был арестован в своей резиденции в Эстергоме, а в феврале 1949 г. приговорен к пожизненному заключению на открытом судебном процессе, получившем широкий международный отклик. В традициях показательных процессов сталинских времен ему инкриминировались ложные обвинения – в попытках реставрации власти Габсбургов в Венгрии, шпионаже в пользу США и т. д. Однако в качестве оснований для выдвинутых обвинений послужили не только вымышленные связи Миндсенти, но и его реальные контакты с американской миссией в Будапеште. На процессе, проходившем 3–8 февраля, было зачитано письмо Миндсенти американскому посланнику от 31 августа 1947 г., в котором содержалась просьба не возвращать правительству Венгрии важнейшей национальной реликвии, короны «Святого Иштвана», попавшей в руки американцев на завершающем этапе войны, а отправить ее на хранение в Ватикан. При том, что бескомпромиссность кардинала вызвала неоднозначное отношение в венгерском обществе (в том числе среди священнослужителей), жестокая расправа над главой католической церкви Венгрии и связанная с этим массивная пропагандистская кампания задела религиозные чувства миллионов венгров и скорее способствовали повышению популярности Миндсенти.

27 ноября 1946 г. в беседе со своим соотечественником известным советским экономистом академиком Е.С. Варгой (в 1919 г. наркомом Венгерской Советской республики) Секфю говорил о том, что «реакционные элементы, бывшие активные фашисты группируются вокруг главы католической церкви» кардинала Миндсенти. (См.: Архив внешней политики России (АВПР). Ф. 077. Оп. 26. Пор. 45. Папка 119. Л. 51.)

с. 127 *направить развитие демократии по восточноевропейскому пути*

По окончании Второй мировой войны в странах советской сферы влияния были установлены режимы антифашистской демократической коалиции, в рамках которых значительную (а в некоторых странах и решающую) роль с

самого начала играли силы коммунистической ориентации и их ближайшие союзники. Процесс перерастания режимов демократической коалиции («народной демократии» восточноевропейского образца) в диктатуры сталинского типа занял несколько лет. В Югославии коммунистическая диктатура фактически существовала с самого начала (союзники по коалиции, функционировавшие на политической арене до осени 1945 г., играли декоративную роль как условие сотрудничества новой власти с Западом). В Болгарии она была установлена к концу 1945 г., в Польше и Румынии к 1947 г., в Чехословакии вследствие февральского путча 1948 г., в Венгрии к лету 1948 г.

IV. НОВЫЙ СОСЕД

с. 128 *утеряла возвращенные после Трианона территории*

Речь идет о том, что территории, возвращенные Венгрии в 1938–1941 гг. вследствие пересмотра Трианонского договора 1920 г. (Северная Трансильвания, Южная Словакия, Закарпатская Украина, Воеводина), решением держав-победительниц перешли обратно под юрисдикцию стран, обладавших этими территориями в межвоенный период (Румынии; Югославии; Чехословакии, передавшей Закарпатскую Украину СССР). Послевоенные границы Венгрии были окончательно зафиксированы Парижским мирным договором 1947 г.

В беседе с академиком Е.С. Варгой от 27 ноября 1946 г. Секфю говорил о том, что в отличие от 1920 г., когда утрата двух третей территории Венгерского государства стала для общества шоком, теперь неудовлетворение Парижской мирной конференцией венгерских территориальных требований не произвело никакого впечатления в широких кругах, гораздо больше общественное мнение озабочено судьбой венгерского национального меньшинства в Словакии, планами выселения венгров из Чехословакии (см.: АВПР. Ф. 077. Оп. 26. Пор. 45. Папка 119. Л. 51). Однако по некото-

рым донесениям МИД СССР, «проанглийски настроенный Секфю» видел именно в заключении Парижского договора крушение своих надежд (см.: АВПР. Ф. 077. Оп. 28. Пор. 52. Папка 131. Л. 40).

с. 128 *включил их... в административное управление Украинской ССР*

Советско-чехословацкий договор о передаче Закарпатской Украины СССР был заключен 29 июня 1945 г.

с которыми Арпадовичи не раз вступали в династические браки

Подробнее об этом см: Кришто Д. Русские в Венгрии в эпоху династии Арпадов // Славяноведение, 2001. № 2.

Иштван II

Речь идет о венгерском короле, правившем в 1116–1131 гг.

с. 129 *условно переданная Чехословакии и по этой причине забытая Прагой область*

В условиях первой Чехословацкой республики (1918–1938 гг.) эта заселенная преимущественно восточнославянским (украинским либо русинским в зависимости от самосознания) населением территория была особой административной единицей под названием Подкарпатская Русь. Чехословацкая политическая элита во главе с Э. Бенешем, склонившаяся в годы второй мировой войны к далеко идущему сближению с Москвой, знала о территориальных претензиях СССР в отношении Подкарпатской Руси (Закарпатской Украины) и не собиралась удерживать этот край, по выражению Э. Бенеша, «ценой русской вражды». Единственное пожелание Бенеша Сталину заключалось в том, чтобы передача Закарпатской Украины СССР состоялась после того как державы-победительницы гарантируют восстановление Чехословакии в ее довоенных границах, иначе будет создан прецедент, которым не преминут вос-

пользоваться другие соседи Чехословакии, имеющие к ней территориальные претензии. Подробно см.: *Марьина В.В. Закарпатская Украина (Подкарпатская Русь) в политике Бенеша и Сталина. 1939–1945 годы. М., 2003.*

с. 129 *наш новый сосед, на кого мы пошли войной*

23 июня 1941 г. В.М. Молотов заявил венгерскому посланнику о том, что в случае нейтралитета Венгрии СССР по окончании войны поддержит ее требования в отношении всей Трансильвании. Этот спонтанный дипломатический ход не сумел, однако, переломить прогерманских ориентаций хортистской элиты. Поводом для вступления Венгрии в войну против СССР 27 июня 1941 г. стала провокация особых частей вермахта с бомбардировкой г. Кашша (Кошице), ответственность за которую была возложена на советскую авиацию. Соглашение о перемирии с Венгрией было заключено союзническими державами 20 января 1945 г., мирный договор подписан 10 февраля 1947 г.

суверенитет Венгрии на всем протяжении оккупации не был полным

Пребывание на венгерской территории иностранных войск не завершилось и с подписанием в феврале 1947 г. мирного договора. В соответствии с подписанным договором определенный контингент советских войск мог и далее находиться в Венгрии, выполняя функцию поддержания коммуникации с советской зоной оккупации в Австрии. Только заключение в мае 1955 г. государственного договора, восстановившего в полном объеме суверенитет Австрии, сделало пребывание советских войск в Венгрии юридически незаконным (вплоть до заключения в мае 1957 г. соответствующего соглашения с правительством Я. Кадара).

Чехословакия, Югославия, Польша являются военными союзниками СССР

Договор СССР с эмигрантским правительством Чехословакии, заключенный в декабре 1943 г., оставался в силе

и по окончании Второй мировой войны. Договоры СССР с Югославией и Польшей были заключены в апреле 1945 г.

с. 129 *если Красная армия покинула бы страну*

Вопреки мирному договору 1947 г. советские войска продолжали находиться на территории Венгрии и после подписания в мае 1955 г. государственного договора с Австрией. Это вызывало недовольство в венгерском обществе, проявившееся во время событий октября–ноября 1956 г.

с. 130 *Малая Антанта*

Малая Антанта – союз Чехословакии, Румынии и Югославии в 1920–1938 гг., ключевое звено во французской системе военно-политических союзов в Европе в 1920–1930-е годы. Одну из главных своих задач элита Малой Антанты видела в том, чтобы воспрепятствовать ирредентистским устремлениям хортистской Венгрии, направленным на пересмотр границ, установленных Трианонским мирным договором 1920 г.

прежняя Венгрия ... находилась в тесной связи со столь же большой прежней Австрией

Имеется в виду система дуализма (1867–1918), в условиях которой как из Вены, так и из Будапешта управлялись огромные территории, заселенные разными народами. К сфере общих дел двуединой монархии относились внешняя политика, армия и их финансирование, тогда как внутренние дела находились в каждой из половин монархии в ведении австрийского либо венгерского правительства.

по причине несуразности большинства тогдашних диктаторских по своей природе государств Малой Антанты

Секфю, вероятно, имеет в виду искусственность государственных проектов по объединению в одном государстве чехов и словаков (в Чехословакии), сербов, хорватов и словенцев (в Югославии) на основе интегративных идеологий чехословакизма и югославизма, недостаточно учитывавших

национальные различия между близкими в языковом отношении народами. Что касается Румынии, «несуразной» могла казаться сама конструкция Великой Румынии, пытающейся соединить в едином административно-правовом пространстве земли, сильно отличавшиеся друг от друга по своим историко-культурным традициям (кроме ядра румынской государственности – Валахии и Молдовы еще и Добруджу, Трансильванию, Банат, Буковину, Бессарабию). Около четверти населения межвоенной Румынии составляли национальные меньшинства.

с. 130 *Альфёльд*

Речь идет о Великой Венгерской равнине – обширных равнинных территориях Восточной Венгрии (до Дуная).

австрийские замашки

Речь идет об определенных политических традициях космополитически настроенной венской аристократии, мало уместных в условиях малого государства, каким была межвоенная хортистская Венгрия.

слушать не хотели о венгерско-австрийских связях

Это объяснимо широко распространенными не только в венгерском, но – шире – в европейском политическом сознании 1920–1930-х годов представлениями о нежизнеспособности Австрии, которая рано или поздно будет поглощена Германией (что и случилось в 1938 г. при поддержке большинства населения страны). Ускоренный процесс формирования современной австрийской нации со своей идентичностью, отличной от идентичности немцев Германии – феномен второй половины XX в., стимулированный опытом Второй мировой войны.

о союзе с Польшей и Италией

Именно союз с Италией, заключенный в 1927 г., вывел хортистскую Венгрию из внешнеполитической изоляции. Что касается польско-венгерских отношений, то они оста-

вались корректными на протяжении всего межвоенного периода и даже в условиях начавшейся Второй мировой войны (будучи союзником Германии, Венгрия тем не менее не объявляла войны Польше и даже предоставила убежище польским гражданам, хотя в 1941 г. под давлением нацистской Германии передала ей решением правительства Л. Бардоши большое количество обосновавшихся в Венгрии польских евреев, впоследствии уничтоженных). Вместе с тем существовавшие в начале 1920-х годов надежды на установление особенно тесных связей с Польшей не оправдались, поскольку польская элита предпочла союзу с Венгрией установление союзнических отношений с враждебной Венгрии Румынией на антисоветской платформе (не граничившая с СССР до 1939 г. Венгрия была для официальной Варшавы менее привлекательным партнером, нежели Румыния).

с. 130 *создание оси Польша – Венгрия – Хорватия – Италия*

Хорватия могла быть включена в эту ось только вследствие распада Югославского государства, неотъемлемой составной частью которого она была.

с. 131 *за столом мирных переговоров победителей – чехов, поляков, румын и югославо*

Румыния до августа 1944 г. оставалась союзником нацистской Германии, перейдя в стан ее противников и объявив ей войну вследствие государственного переворота 23 августа, осуществленного при поддержке 23-летнего короля Михая Гогенцоллерна и устранившего диктаторский режим маршала Антонеску. Румынские войска принимали участие в боевых действиях на стороне СССР и его союзников осенью 1944 г., когда Венгрия еще оставалась сателлитом Третьего рейха.

подтверждение тому со всей очевидностью дают недавние перемены

Речь идет о процессе советизации в странах советской сферы влияния. К середине 1947 г. коммунисты уже домини-

ровали во внутривосточной жизни Югославии, Албании, Болгарии, Польши, Румынии, готовились к политическому наступлению в Чехословакии и Венгрии, где их позиции были очень сильны.

с. 131 *Арпад привел нас на Запад*

Союз венгерских племен во главе с князем Арпадом пришел в Среднее Подунавье в конце IX в. (так называемое обретение родины венграми).

с. 133 *роман А.Н. Толстого «Хождение по мукам»*

В венгерском переводе под названием «Голгофа» роман был издан в 1946 г.

поблизости от кровавой Вандеи

Вандея – департамент на западе Франции, в годы французской революции XVIII в. – центр масштабного контрреволюционного крестьянского мятежа 1793 г.

Мишле, который... писал об истории террора

По всей вероятности, Секфю ссылается на 7-томную «Историю французской революции» (1847–1853). (См.: *Michelet J. Histoire de la Révolution française. Paris, 1847–1863 T. 1–7.*)

с. 134 *познакомились с его человечным, человеколюбивым народом*

Об активизации культурного обмена между СССР и ВНР в 1950-е годы см.: *Барат М. Венгерско-советские отношения в период от смерти Сталина до начала революции 1956 г. // Восточный блок и советско-венгерские отношения / Отв. ред. О.В. Хаванова. СПб., 2010. С. 48–92.*

с. 135 *имело место много такого, что трудно смыть и нелегко забыть*

Речь идет о насильственных акциях советских солдат против мирного населения, сильно повлиявших на общественное мнение. В июне 1945 г. в Москве находился театральный

режиссер Ф. Гонт, близкий компартии. Он был принят во Всесоюзном обществе культурных связей с заграницей (ВОК-Се). «На вопрос о настроениях венгерской интеллигенции Гонт заявил, что вначале приход Красной армии вызвал огромный подъем и волну симпатий к Советскому Союзу. В дальнейшем были проведены нашими военными властями мероприятия по выявлению фашистской агентуры, вызвавшие многочисленные аресты. В число арестованных попало и некоторое количество людей, известных своими активными антифашистскими выступлениями. Для выявления личности арестованных потребовалось значительное время. Этот факт привел к заметному снижению симпатий к СССР... На сегодняшний день, по мнению Гонта, положение таково, что необходимо вновь завоевывать симпатии к Советскому Союзу» (АВПР. Ф. 077. Оп. 25. Пор. 42. Папка 115. С. 52–53). Аналогичные свидетельства иной раз поступали и от советских граждан. В отчете делегации советских деятелей науки и культуры во главе с академиком В.В. Париним, посетившей Венгрию в 1946 г., отмечалось: оставшийся после посещения страны неприятный осадок связан «с недостаточно высокой культурой поведения наших военных, к сожалению, не только рядовых. В поведении многих военных до сих пор, несмотря на год, прошедший после окончания военных действий, остались еще в значительной степени замашки, может быть, соответствующие времени суровых боев, но не режиму настоящего дня. Многие венгры очень охотно обращают на это внимание и пользуются любым случаем для того, чтобы кольнуть этим тех венгров-коммунистов, которые вернулись в Венгрию после длительного пребывания в СССР». (Там же. Оп. 26. Пор. 44. Папка 119. Л.49.)

с. 135 *делало все, чтобы помешать, предотвратить*

Если верить М. Джиласу, позиция Сталина, выраженная им в беседах с югославскими коммунистами в 1945 г., по сути дела, сводилась к оправданию насильственных акций советских военнослужащих на занятых ими территориях. (См.: *Джилас М. Лицо тоталитаризма. М., 1992. С. 80–82.*)

С другой стороны, как отмечалось в донесениях посольства СССР в Венгрии, относящихся к 1947 г., позиция Секфю, его отношение к советским лидерам, мотивам их действий, частое стремление оправдывать их действия вызывали непонимание в определенных политических кругах Венгрии, да и в коллективе венгерской миссии в Москве у него было мало единомышленников, хотя там собрались люди, тяготеющие исключительно к партиям антифашистской коалиции. (См.: АВПР. Ф. 077. Оп. 27. Пор. 42. Папка 124. Л. 180.)

с. 135 *древнеримские триарии*

Триарии – самые опытные солдаты римских легионов, стоявшие в третьем ряду боевого строя.

с. 136 *за полвека дуализма*

Речь идет о периоде существования дуалистической Австро-Венгерской монархии – 1867–1918 гг.

с. 140 *исчезла сама возможность эксплуатации*

Тема социального неравенства в Советском Союзе неоднократно находила отражение в венгерской прессе первых послевоенных лет, что неизменно вызывало негативную реакцию референтов ВОКСа (Всесоюзного общества культурных связей с заграницей) при составлении обзоров венгерской печати, поскольку тему в Москве считали табуированной. (См.: ГАРФ. Ф. 5283. ВОКС. Оп. 17 (связи с Венгрией). См. также подготовленную по поручению ВОКСа записку Антала Гидаша и Анны Красновой (Агнессы Кун, дочери Белы Куна) «Впечатление о советской пропаганде в Венгрии со времени ее освобождения» (январь 1947 г.): РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 125. Д. 509. Л. 166–195.)

с. 141 *весь народ говорит с иностранцами открыто*

Построения Секфю интересно сопоставить с тем, как освещается та же тема в составленном весной 1945 г. вашингтонскими советологами пособии для офицеров Вооруженных сил США «СССР – порядки, учреждения и народ»:

«Хотя советский гражданин в присутствии иностранцев на родине или за границей бывает обычно дружелюбным, у него очень развито чувство своей полуофициальности, если не официальности, как представителя своей страны и ее нового образа жизни.

Отсюда многие находят его менее экспансивным и открытым, чем он, вероятно, бывает дома; он любит придерживаться правил своего этикета, но ему может не понравиться настойчивая фамильярность с похлопыванием по плечу.

В целом русские кажутся осторожными в своих отношениях с иностранцами и могут поразить некоторых американцев отсутствием индивидуализма и чрезмерным конформизмом.

Это не говорит об отсутствии гибкости или приспособляемости; русский не является тупым или неизобретательным. Его очевидный конформизм отражает скорее его сильное чувство дисциплины и привычку к групповой ответственности». («Пожимайте руки при встречах...» Архивный документ США о России и русских. Публикация А.С. Стыкалина // Война и общество в период локальных войн и конфликтов второй половины XX века / Под ред. Ю.А. Никифорова. М., 2008. С. 89.)

В свою очередь французские писатели-коммунисты Луи Арагон и его жена Эльза Триоле в декабре 1953 г. при посещении Москвы говорили своим официальным советским собеседникам о том, что иностранные гости в СССР (даже вполне симпатизирующие советскому строю) проводят все время в обществе переводчиков – как правило, молодых неопытных девушек, боящихся сказать лишнее слово. От незапрограммированных контактов с советскими гражданами гости, как правило, ограждены. (См.: РГАНИ. Ф. 5. Оп. 17. Д. 437. Л. 191.) Примерно такое же впечатление сложилось у членов делегации венгерских деятелей культуры во главе с министром по делам образования и религии ученым-этнографом Д. Ортутаи, совершившей 5-недельную поездку по СССР осенью 1947 г. Как отмечалось в отчетах по линии

МИД СССР, венгерским гостям (может быть, отчасти в силу ограниченности их контактов с советскими гражданами) не показалось, что люди в СССР свободны в своем волеизъявлении и насущных жизненных демократических проявлениях, как это иногда подается пропагандой. (АВПР. Ф. 077. Оп. 27. Пор. 43. Папка 124. С. 135–162.)

с. 142 *американская «Декларация независимости»*

Речь идет о документе, принятом 4 июля 1776 г. II Континентальным конгрессом и декларировавшем независимость британских колоний в Северной Америке от Великобритании. Разработчиком этого основополагающего в истории США документа выступил Томас Джефферсон.

французская «Декларация прав человека и гражданина»

Имеется в виду важнейший документ Великой французской революции, принятый Национальным учредительным собранием 26 августа 1789 г. В основу идей Декларации положена концепция равноправия и свободы, принадлежащей каждому от рождения. Естественными правами человека и гражданина объявлялись свобода личности, свобода слова, свобода убеждений, право на сопротивление угнетению.

с. 145 *на основе всеобщего, равного и прямого избирательного права*

Речь идет о Ст. 134 Конституции СССР.

эти слова Сталина сегодня у всех на слуху

По-видимому, Секфю цитирует речь И.В. Сталина на XIII Конференции РКП(б) 17 января 1924 г. Не исключено, что историк был знаком с положением из «Краткого курса истории ВКП(б)» (1938): «Что касается характера создаваемой партии и ее роли в отношении рабочего класса, равно как целей и задач партии, то Ленин считал, что партия должна быть передовым отрядом рабочего класса, что она должна быть руководящей силой рабочего движения, объединяющей и направляющей классовую борьбу пролетариата».

с. 145 *право выставления кандидатов*

Речь идет о ст. 141 Конституции СССР.

с. 148 *огромное значение имеют государственная собственность на средства производства*

Во второй половине 1940-х годов Секфю был далеко не одинок не только в Венгрии, но и во всей Европе в своей идеализации плановой экономики и конкретного опыта СССР в этой области. Такое отношение к плановому хозяйству не может быть понято без учета негативного опыта «великой депрессии» 1929–1933 годов и успехов «нового курса» Рузвельта по выведению США из кризиса. Как заметил в одном из своих выступлений 1947 г. политик леволиберального толка граф Михай Каройи (первый премьер-министр и президент Венгрии в 1918–1919 гг.), профессора Карра, известного автора передовиц лондонской «Таймс», в 1919 г. преследовали бы в Англии как опасного большевика за его сегодняшние высказывания о возможностях плановой экономики. «Тот факт, что даже английские консервативные газеты пишут сегодня о преимуществах планового хозяйства, яснее всего показывает ход исторического развития. Всего этого нельзя себе представить без успеха русской революции». «Новая Россия», у истоков которой стоял Ленин, по мнению Каройи, не только выдержала испытание временем, но и широко распространила в мире влияние своих идей. По итогам Второй мировой войны Советский Союз не просто стал «всеми признанной великой державой, с которой вместе Запад боролся против фашизма. Принцип капиталистического свободного рынка в Европе окончательно провалился, а социализм везде стал хорошим тоном. Социалистическая мысль о плановом хозяйстве завоевывает все новые и новые территории... Даже самые закоренелые консерваторы не могут закрывать на это глаза».

Взгляды консерватора Секфю, изложенные в книге «После революции», и позиция левого либерала М. Каройи перекликались и в ряде других существенных моментов. Каройи полагал, что в послевоенной обстановке «формируется новая

европейская демократия, которая принимает в каждой из стран свой специфический оттенок соответственно конкретной исторической обстановке. В этом движении должны встретиться Восток и Запад». По мнению Каройи, «новая демократия» «не должна быть и не может быть 100%-но коммунистической, но о 100%-но капиталистической демократии тем более не может быть речи». Эта «новая демократия» не может копировать ни русских, ни английских или американских образцов, хотя должна учиться их опыту. «Вследствие исторического опыта и произошедших в мире изменений есть возможность избежать многого из того, через что прошла Россия, но это не значит, что надо отбросить учение Маркса и Ленина». (Из доклада М. Каройи в будапештской опере 21 января 1947 г. по случаю 23-летия смерти В. Ленина. ГАРФ. Ф. 5283. ВОКС. Оп. 17. Д. 144. Л. 202–205.) Схожих взглядов о возможном синтезе восточного и западного типов демократии придерживался в это время и крупный философ-марксист Д. Лукач, член венгерской компартии. Такие взгляды, однако, лишились почвы под собой уже в 1947 г. в условиях начала холодной войны, усиления конфронтации между СССР и Западом.

с. 151 *в уважении к высокоинтеллектуальному труду*

Аналогичное впечатление сложилось и у членов делегации венгерских деятелей культуры, совершивших в 1947 г. месячную поездку по СССР. (См.: *Ortutay Gy. Az úti jegyzetek // Fórum. 147. 11. sz.*)

у нас с первых дней революции

Речь идет о Венгерской Советской республике 1919 г.

с. 152 *советская Конституция предоставила*

Речь идет о ст. 118–121 Конституции СССР.

с. 154 *там выросли новые города*

Вопросы о том, насколько посол Венгрии в СССР имел в 1947 г. представление о масштабах системы ГУЛАГа и на-

сколько искренне он верил в добровольность переселения миллионов людей на берега Печоры и в другие места, мало-пригодные для жизни, остаются открытыми.

с. 155 *Сталину пришлось провозгласить*

По всей вероятности, Секфю имеет в виду Приказ № 130 народного комиссара обороны СССР, подписанный И.В. Сталиным 1 мая 1942 г., где, в частности, говорилось: «Исчезли благодущие и беспечность в отношении врага, которые имели место среди бойцов в первые месяцы Отечественной войны. Зверства, грабежи и насилия, чинимые немецко-фашистскими захватчиками над мирным населением и советскими военнопленными, излечили наших бойцов от этой болезни. Бойцы стали злее и беспощаднее. Они научились по-настоящему ненавидеть немецко-фашистских захватчиков. Они поняли, что нельзя победить врага, не научившись ненавидеть его всеми силами души».

с. 158 *Макаренко... показывает*

Опубликованная на венгерском языке в 1947 г. «Педагогическая поэма» А. Макаренко вызвала в прессе дискуссию. Внимание к этому произведению может быть понято с учетом социально-психологического климата в венгерском обществе второй половины 1940-х годов. Месяцы гитлеровской оккупации, массового истребления евреев, нилашистского террора стали временем проявления самых низменных инстинктов в человеке. Все это не могло не высветить неблагополучие состояния «человеческих душ». В этих условиях рецепты формирования «нового человека», предложенные вовсе не бесталанным советским литератором, опиравшимся на большой личный опыт педагогической практики, оказывались в чем-то созвучными исканиям венгерских педагогов (на вторую половину 1940-х годов пришлось оживление педагогической мысли в Венгрии. Дискутируются вопросы школьной реформы, многих занимают и проблемы внешкольного образования. Одним из «властителей дум» молодежи становится педагог народнической ориентации

Ш. Карачонь, разработавший свою концепцию венгерского «национального духа» и «национального характера», опирающуюся на большой материал из области педагогики, этнографии и лингвистики. Со своими проектами воспитания «нового человека» выступал и классик венгерской литературы Ласло Немет, в эти годы учительствовавший в провинции).

Имевшие место факты жестокости советских солдат и военных властей в отношении мирного населения хотя и не способствовали формированию в сознании венгров иллюзий о воспитании в СССР более совершенного человека, все же не перечеркнули интереса венгерских педагогов к опыту А.С. Макаренко и советской педагогической мысли 20–30-х годов. В 1948 г. вышел сборник избранных педагогических работ Макаренко. «Педагогическая поэма» в 1947–1952 гг. выдержала 9 изданий, «Флаги на башнях» до 1954 г. пять изданий, в 1955–1956 гг. вышло 7-томное собрание сочинений, всего же как беллетристические, так и теоретические сочинения классика советской педагогики в 1945–1959 гг. выдержали 25 изданий в Венгрии. (См.: *A szovjet népek irodalmának magyar bibliográfiája. 1945–1949. Vp., 1950. 489–493. old.; A magyar könyvkiadás. 1945–1959. Vp., 1960. 252–253. old.*) Творчество А.С. Макаренко привлекало внимание не только специальной, педагогической, но и общественно-политической прессы – как левой, так и христианской. (См., например: *Kemény G. Az új nevelés dramája // Embernevelés, 1947. 433–438. old.; Valóság. 1947 (augusztus).*)

Разбором «Педагогической поэмы» откликнулся в первые послевоенные годы на творчество Макаренко всемирно известный философ и критик-марксист Д. Лукач. (См.: *Makarenko, Az új ember kovácsa // Lukács Gy. Nagy orosz realisták. Szocialista realizmus. Vp., 1952.*) Другой автор, Г. Кемень, в рецензии на страницах журнала «Форум», фактически редактировавшегося Лукачем, высказал мысль о том, что после «Эмиля» Ж.-Ж. Руссо именно «Педагогическая поэма» Макаренко представляет собой «подлинную революцию в истории просвещения» (*Fórum. 1947. № 11*).

с. 158 *мечта Бартока и Кодая*

Классик мировой музыкальной культуры XX в. Бела Барток (1881–1945) и выдающийся композитор Золтан Кодай (1882–1967) много сделали для изучения, систематизации и пропаганды венгерского (и не только венгерского) музыкального фольклора.

с. 159 *церковь не заперта в своих стенах*

Находившийся на дипломатической службе в Москве в 1946–1948 гг. Д. Секфю был свидетелем начавшегося еще в годы войны поворота сталинской политики в отношении православной церкви. Если во время войны церковь использовалась в интересах достижения национального единения на патриотической платформе, то после войны она становится специфическим инструментом имперской внешней политики Сталина, реализации геостратегических планов советского руководства, каналом расширения влияния Москвы в Восточной Европе в противовес Западу (и Ватикану). (См.: *Волокитина Т.В., Мурашко Г.П., Носкова А.Ф. Москва и Восточная Европа. Власть и церковь.*)

Загорск

Город ныне вновь носит имя Сергиев Посад, Московская область.

с. 160 *патриарх Алексий при расследовании массового убийства ... в Катыни*

Речь идет о характерном примере использования сталинским режимом Русской православной церкви в политико-пропагандистских целях. Из обобщающей литературы об уничтожении советскими спецслужбами польских офицеров в Катыни в 1940 г. см.: *Парсаданова И.С., Яжборовская И.С., Яблоков А.Ю. Катынский синдром в советско-польских и российско-польских отношениях. М., 2001.*

его сношения с ... западными конфессиями

Секфю сконцентрировал внимание на обслуживании Русской православной церкви внешней политикой ста-

линского режима. Контакты с некоторыми представителями западных конфессий были призваны не в последнюю очередь противодействовать претензиям Ватикана на доминирующие позиции в духовной жизни стран советской сферы влияния в Центральной Европе, а также униатских областей Советской Украины. Тесные связи с православными церквями были направлены на расширение российского (а значит, советского) влияния в православном мире. Сталину не чужды были идеи утверждения в противовес Ватикану вселенскости РПЦ, в последней он видел силу, способную объединить православные церкви на антизападной платформе. (См.: Волокитина Т.В., Мурашко Г.П., Носкова А.Ф. Москва и Восточная Европа. Власть и церковь.)

с. 161 *совместная борьба против иноземного вторжения показала*

Интересно сопоставить вышеприведенные размышления Секфю с тем, как трактовалась та же тема в пособии для офицеров Вооруженных Сил США «СССР – порядки, учреждения и народ» (весна 1945 г.), интересном документе эпохи, авторы которого, квалифицированные американские советологи, сумели продемонстрировать довольно непредвзятый подход к советским реалиям: «Советская теория рассматривает советское государство как представителя интересов масс трудящегося народа.

[...] Типичным продуктом этой системы является гражданин, который [...] выставляет напоказ свою величайшую ортодоксальность в своем политическом мышлении.

Хотя индивидуальные высказывания по неполитическим и частным вопросам и могут встретиться, однако несоответствующее выражение экономической и политической точек зрения считается антиобщественным.

Предполагается, что каждая индивидуальная личность должна подчинить себя тому, что объявлено Коммунистической партией и Советским правительством общим интересом.

Единство, дисциплина и лояльность к властям не только требуются, но и занимают основной объем ортодоксальной советской мысли.

[...] Русский, будь то штатский или военный, в обществе не страдает; воспитание в Советском Союзе означало жизнь со строгой дисциплиной, и советского гражданина очень сильно учили не критиковать своих вождей или учреждений или государственной политики». («Пожимайте руки при встречах...» Архивный документ США о России и русских. С. 79, 80, 90.)

с. 162 *все, что было в русской истории великого или характерно русского*

В 1947 г., одновременно с Секфю, венгерский публицист правонароднической ориентации Я. Кодолани указывал на то, что советская национально-патриотическая традиция сумела объять совершенно разнородные на первый взгляд, казалось бы, несовместимые явления: цари-носители имперской идеи Иван Грозный и Петр I и великие полководцы прошлого Александр Невский, Суворов и Кутузов причудливо уживаются в этой традиции с «крестьянским анархистом» Толстым, славянофилом-почвенником Достоевским и активистом-авангардистом Маяковским. (Из обзора венгерской прессы: ГАРФ. Ф. 5283. ВОКС. Оп. 17. Д. 134. Л. 152–153.) Активное внедрение в годы Второй мировой войны в государственную идеологию СССР российских национально-патриотических ценностей обращало на себя внимание многих западных наблюдателей. Как отмечалось в пособии для офицеров Вооруженных Сил США «СССР – порядки, учреждения и народ» (весна 1945 г.), проявившаяся в полной мере в годы войны «тенденция подчеркивать значение русского прошлого» «расширила основу народной поддержки режиму и дало ему дополнительную силу во время войны и обещает то же самое в послевоенный период»; «хотя патриотизм и не заменил марксизм, тем не менее он продолжает существовать как элемент советской идеологии». («Пожимайте руки при встречах...» Архивный документ США о России и русских. С. 81–82.)

- с. 164 *двадцать лет как он установил дипломатические отношения с Великобританией*

В 1924 г. первое британское лейбористское правительство Р. Макдональда признало СССР. В 1927 г. отношения были разорваны находившимися у власти консерваторами, однако в 1929 г. восстановлены.

V. ТРАГЕДИЯ СРЕДНЕГО КЛАССА

- с. 165 *когда момент настал, первыми кинулись спасаться бегством*

Имеются в виду лидеры венгерской демократической революции (октябрь 1918 г.) граф Михай Каройи (первый президент Венгерской республики) и Оскар Яси. Они покинули страну после установления в марте 1919 г. Венгерской Советской республики.

слово «демократия» поначалу имело множество смысловых оттенков

Речь идет о том, что многие политически активные люди, составлявшие электорат правых партий и не поддерживавшие далеко идущих реформ, вместе с тем поспешили себя в 1945 г. «демократически ангажировать», учитывая антихортистские настроения значительной части общества.

- с. 166 *настало время первых выборов*

Первые выборы в Национальное собрание состоялись 4 ноября 1945 г.

советские оккупационные власти вели себя в высшей степени корректно

Корректность поведения во многом была обусловлена договоренностями СССР с западными державами о проведении в Венгрии свободных выборов. В качестве платы за это СССР получил от Запада серьезные уступки в Румынии и Болгарии, где силы прозападной ориентации фактически не попали в правительства.

- с. 166 *двух марксистских партий*

Речь идет о коммунистах и социал-демократах.

- с. 168 *враждебно настроенные к немцам элементы осознали*

Ситуация была более сложной. Среди потенциальных оппонентов коммунистического вектора развития, которые в первые послевоенные годы подверглись преследованиям политической полиции, оказались и некоторые люди, имевшие в 1944 г. смелость демонстрировать антинацистские убеждения. С другой стороны, отдельные пособники нацистов (в том числе причастные к Холокосту) избежали ответственности, вовремя примкнув в 1945 г. к компартии.

не «захватывали власть»

Писатель Ш. Мараи в мемуарах «Земля! Земля!» тонко показывает не только механизм захвата власти компартией, но и гнетущее психологическое состояние венгерской коммунистической интеллигенции (по крайней мере, большой ее части – как либералов, так и консерваторов) в переломные 1947–1948 гг., когда страну постепенно затягивала паутина тоталитаризма левой окраски. «То было время, когда казалось, что всю жизнь опутало, обволокло паутиной. С каждым днем паутина становилась более густой и липкой. Не всегда это ощущалось сразу же, непосредственно. Но паук каждый день выпускал из себя новую нить. Сегодня учебники, школа. Завтра постановление об общественных работах. Домовые комитеты, паутина контролирующей структуры, опутывающих все более мелкие сектора, контроль за частной жизнью, работой, кругом чтения, мусорным ведром, семьей. То человек исчезнет, то привычное и нормально функционирующее учреждение. То какое-нибудь понятие». Только тот, кто пережил это сам, может представить себе, какова эта «техника паутины»: «Паук, выпуская из себя удушающие, всепроникающие нити, работает неслышно. То, что еще вчера было естественным – политические партии, свобода печати, жизнь без страха, свобода суждений, – оставалось таким же еще и завтра, но было уже обескровлено. Так ночью в тревожном

сне продолжают жить элементы дневной реальности, поблекшие, потерявшие краски». Причем всякий раз, как «дрогнет паутина», паук опасливо озирается: «получилось? Все ли идет как надо?» Как ведет себя Запад – все так же глухо ко всему и ленив?

Надежды на то, что венгерское общество, сотрясенное до самих основ, может консолидироваться в соответствии с базовыми ценностями западной политической культуры, оставались в этих условиях иллюзорными. Когда это «стало ясно, чувство одиночества накрыло всех с головой». «Спасение было (если было) только в самом себе», люди начали обустриваться в своем одиночестве, организуя жизнь в той мере практично, в какой это могло гарантировать их выживание. (См.: *Мараи Ш. Земля! Земля! (Из книги воспоминаний) (1972) // Венгры и Европа. Сборник эссе / Сост. В. Середа, Й. Горетич. М., 2002. С. 323–324, 329–330.)*

с. 168 *их растущую власть*

Как уже отмечалось, коммунисты с первых послевоенных месяцев овладели ключевыми позициями в силовых структурах (прежде всего в органах МВД и особенно в политической полиции), что дало им потом возможность предпринять наступление на оппонентов.

с. 169 *Миклош Каллаи в годы войны*

Из новейшей литературы см.: *Попов Е.В. «Венгерская рапсодия» ГРУ. М., 2009.* Автор – журналист-международник, осенью 1944 г., будучи офицером спецслужб, присутствовал в качестве переводчика на переговорах с венгерской делегацией, посланной Хорти в Москву для выяснения условий перемирия.

с. 170 *рассказывает сын Рузвельта о своем отце*

См.: *Roosevelt E. As He Saw it. About F. Roosevelt. New York, 1946.*

они относят Венгрию ... к советской оккупационной зоне

Речь не шла, разумеется, об Италии.

с. 170 *до самого роспуска этих органов*

Союзные контрольные комиссии функционировали вплоть до вступления в силу заключенных в 1947 г. мирных договоров с бывшими союзниками Германии. Союзную Контрольную комиссию по Венгрии возглавлял маршал К.Е. Ворошилов. (См.: *Чех г., Лазар Д., Сюч Л., Вида И. Образование и деятельность Союзной Контрольной комиссии по Венгрии (1945 – 1947 гг.) // Центральная Европа в новое и новейшее время. Сборник к 70-летию Т.М. Исламова / Отв. редактор А.С. Стыкалин. М., 1998. С. 194–204.)*

с. 171 *после смерти президента Рузвельта*

Франклин Делано Рузвельт скоропостижно скончался 12 апреля 1945 г.

помощников Рузвельта оттеснили

Речь идет в первую очередь о Х. Гопкинсе. (Подробнее см.: *Печатнов В.О. От союза – к вражде (советско-американские отношения в 1945–1946 гг.) // Холодная война. 1945–1963 гг. Историческая ретроспектива / Отв. ред. А.О. Чубарьян, Н.И. Егорова. М., 2003.)*

кормились сказками о чудо-оружии

Писатель Ш. Мараи, занявший после 1945 г. совсем иную политическую позицию, чем Секфю, также вспоминает о том, что весной 1944 г., в канун гитлеровской оккупации страны, среди прогермански настроенной части венгерской интеллигенции были в ходу разговоры о «чудо-оружии», которое в конце концов предопределило исход войны в пользу Германии. «В ту пору страна полнилась всякими небылицами: говорили об оружии, которое превращает противника в ледяной столб, о самолете, который летает со скоростью молнии, так что пилотов приходится «пригипсовывать» к сиденью, чтобы они не выпали». (См.: *Мараи Ш. Земля! Земля! // Венгры и Европа. С. 287.)*

с. 173 *бежавшего за границу премьер-министра*

Премьер-министр Ференц Надь (один из лидеров независимой партии мелких хозяев) находился на отдыхе в Швейцарии в конце мая 1947 г., в момент, когда в венгерской прокоммунистической прессе были опубликованы материалы, свидетельствующие о его мнимой причастности к антигосударственному заговору. В условиях шантажа со стороны коммунистов он заявил 1 июня о своей отставке и предпочел остаться на Западе. 3 июня по настоянию коммунистов Ф. Надь был исключен из независимой партии мелких хозяев. В октябре 1947 г. лишен венгерского гражданства, затем имущества. Вплоть до своей кончины в 1979 г. участвовал в деятельности венгерских эмигрантских движений леволиберальной направленности. О событиях конца мая – начала июня 1947 г. согласно версии Ф. Надя см. в его мемуарах: *Nagy F. The Struggle behind the Iron Curtain. New York, 1948.* На венгерском языке: *Nagy F. Küzdelem a vasfüggöny mögött. I-II. Bp., 1990.*

после первых выборов

Речь идет о выборах в Государственное собрание 4 ноября 1945 г.

с. 174 *рано или поздно с Запада накатит мощная англосаксонская волна*

Поначалу еще теплилась надежда на Запад, вспоминает Ш. Марай. В либеральных интеллигентских кругах «заверяли друг друга, и шепотком, и вслух, что Запад не отдаст Восточную Европу, это немыслимо, не может он подарить Советам сто миллионов человек. Надеялись: договорятся, найдут решение». «Может, Америка... говорили, заикаясь от ужаса. Может, Запад... бормотали в испуганной неосведомленности». У Марай, выехавшего после войны на Запад, иллюзий уже не оставалось: я привез с собой, вспоминает он, «это леденящее равнодушие», с которым Запад взирал на судьбу Восточной Европы, в соответствии с договоренностями больших держав переданной в совет-

скую сферу влияния (*Марай Ш. Земля! Земля! // Венгры и Европа. С. 323, 329.*)

с. 174 *у прогитлеровского венгерского шовинизма, подпитываемого новым антисемитизмом*

Экономическая активность части венгерских евреев в условиях разрухи первых послевоенных лет вызвала новую вспышку антисемитизма, которая с трудом подлежала объяснению, учитывая, какие огромные жертвы пришлось понести венгерскому еврейству в условиях Холокоста 1944 г. (см. комментарии выше). Проблема, о которой идет речь, привлекла внимание крупнейшего венгерского леволиберального мыслителя Иштвана Бибо в работе «Еврейский вопрос в Венгрии после 1944 г.» (издание на русском языке: М., «Три квадрата», 2005). (См. также: *Стыкалин А.С. К вопросу о роли еврейской буржуазии в модернизации Венгрии. С.218–232.*)

не увидели в них тех самых свобод

Как показательный пример анализа послевоенной ситуации в Венгрии человеком, который преследовался в 1944 г. нилашистами и в то же время не принял послевоенных реалий с присущим им вектором к постепенному усилению позиций коммунистических сил, см. вышеприведенные мемуары известного писателя Ш. Марай, окончательно эмигрировавшего в 1948 г.: *Марай Ш. Земля! Земля! // Венгры и Европа. С. 285–336.*

с. 175 *первые лица партии большинства*

Речь идет о независимой партии мелких хозяев, получившей большинство голосов на выборах в Национальное собрание 4 ноября 1945 г.

с. 177 *Советский Союз был изначально предвзято расположен к ... партии большинства*

По итогам выборов в Национальное собрание 4 ноября 1945 г. правительство Венгрии возглавил один из лидеров

независимой партии мелких хозяев Золтан Тилди. После провозглашения Венгрии 1 февраля 1946 г. республикой парламентского типа Тилди избирается президентом страны. Премьер-министром становится другой деятель НПМХ, в большей мере склонный к выработке самостоятельного курса – Ференц Надь. После его отставки в мае 1947 г. вследствие давления коммунистов, обвинивших Ф. Надя в причастности к антигосударственному заговору и вынудивших его к эмиграции, правительство возглавляли (формально до 1952 г.) деятели левого крыла НПМХ, склонные к далеко идущим уступкам коммунистам – Л. Диннеш (1947–1948) и И. Доби (1948–1952). Последний, по сути дела, был декоративной фигурой, совершенно не влиявшей на принятие коммунистической верхушкой принципиальных решений.

с. 177 *венгерский кабинет министров пригласили в Москву*

Венгерская правительственная делегация во главе с премьер-министром Ференцем Надем посетила Москву в апреле 1946 г. В ходе бесед с советскими лидерами был обсужден широкий круг проблем, в том числе была предпринята (безуспешно) робкая попытка склонить руководство СССР к более благоприятной для Венгрии позиции при обсуждении на Парижской мирной конференции послевоенных границ Венгрии; венгерская сторона еще надеялась на некоторую (не слишком значительную) корректировку в свою пользу границ, установленных Трианонским мирным договором 1920 г. Запись беседы И.В. Сталина 10 апреля 1946 г. с правительственной делегацией Венгрии о состоянии экономики, положении венгерского населения в Румынии и решении государственно-территориальных проблем Венгрии см.: Трансильванский вопрос. С. 382–393.

у этих двух западных вояжей не было ни позитивной цели, ни смысла

Смысл их заключался в том, чтобы по возможности заручиться поддержкой западных держав на Парижской мирной конференции в вопросе о некоторой корректировке

в пользу Венгрии ее довоенных, трианонских границ, в частности с Румынией. (Подробно см.: *Исламов Т.М., Покивайлова Т.А.* Восточная Европа в силовом поле великих держав. С. 199–223.)

с. 177 *примерно то же самое ... заявило и американское правительство*

К этому времени на Западе произошло заметное разочарование в венгерском коалиционном правительстве, которое, несмотря на убедительную победу независимой партии мелких хозяев на выборах в Национальное собрание 4 ноября 1945 г., попадало под все более сильное влияние коммунистов, всецело контролировавших силовые структуры, сферу внутренних дел. Вместе с тем в конце 1945 – начале 1946 г. часть западных политических элит еще проявляла склонность к некоторым уступкам Венгрии в ее национально-территориальном споре с Румынией. (Подробнее см.: *Исламов Т.М., Покивайлова Т.А.* Восточная Европа в силовом поле великих держав. С. 199–223.)

с. 178 *премьер-министр и партия*

Речь идет о премьер-министре Ференце Наде, лидере независимой партии мелких хозяев (см. комментарий выше).

по мере приближения момента подписания мирного договора

Мирный договор с Венгрией (как и договора с Италией, Финляндией, Румынией, Болгарией) был подписан в Париже 10 февраля 1947 г. Его текст в окончательной форме был согласован в декабре 1946 г. на третьей сессии Совета министров иностранных дел держав-победительниц в Нью-Йорке. Вступил в силу 15 сентября 1947 г.

премьер-министр и его окружение были озабочены возможным окончанием оккупации

В соответствии с Парижским мирным договором 1947 г. определенный контингент советских войск был оставлен на

территории Венгрии для поддержания коммуникаций с советской оккупационной зоной в Австрии.

- с. 178 *статус оккупационных войск определялся соглашением о перемирии*

Соглашение о перемирии между союзными государствами и Венгрией было подписано в Москве 20 января 1945 г. В соответствии с этим соглашением вплоть до вступления в силу мирного договора с Венгрией страна находилась под международным контролем, осуществляемым Союзной Контрольной комиссией, функционировавшей под эгидой СССР (во главе ее стоял маршал К.Е. Ворошилов). (См.: *Чех Г., Лазар Д., Сютч Л., Вида И. Образование и деятельность Союзной Контрольной комиссии. С. 194–204.*)

был пленен один из ведущих политиков большинства

Речь идет об одном из лидеров независимой партии мелких хозяев генеральном секретаре Всевенгерского крестьянского союза Беле Коваче. 27 февраля 1947 г. он был арестован советскими спецслужбами по обвинению в подготовке заговора, а также в шпионаже в отношении советских войск, находившихся на венгерской территории (инициатива ареста принадлежала лидеру компартии М. Ракоши). Протесты британских и американских представителей в Союзной Контрольной комиссии, квалифицировавших арест Б. Ковача как грубое вмешательство во внутренние дела Венгрии, оказались безрезультатными. Ковач находился в заключении в Венгрии, затем переведен в советскую зону оккупации в Австрии, а в сентябре 1951 г. в СССР, где был в 1952 г. приговорен к 25 годам лишения свободы. В ноябре 1955 г. передан венгерским органам МВД, в начале апреля 1956 г. освобожден, в мае амнистирован, поселился в г. Печ. Во время событий октября – ноября 1956 г. не только включился в процесс возрождения независимой партии мелких хозяев, но был делегирован от этой партии в правительство Имре Надя, хотя реального участия в его работе не принял. Позже поддержал с оговорками режим Я. Кадара, в 1958 г.

избран депутатом Государственного собрания ВНР. Скончался в 1959 г.

- с. 178 *после того как...добровольно вышел из рядов нации*
Речь идет о премьер-министре Ференце Наде (см. комментарий выше).

- с. 179 *влияние прекратившей теперь свое существование партии большинства*

Независимая партия мелких хозяев сохранилась, однако утратила свой политический вес. Во главе ее теперь по сути дела находились крипто-коммунисты, всецело подчинившие партию интересам коммунистической верхушки.

VI. К НОВЫМ ФОРМАМ

- с. 181 *изможденные голодом жители Будапешта проявили чудеса героизма*

Уместен отзыв советского наблюдателя. «Город убирают с любовью и даже с энтузиазмом. Быстро исчезают с главных улиц грязный, почерневший снег, обломки кирпича, осколки стекол», – записал в свой дневник 19 февраля 1945 г. (менее чем через неделю после изгнания последнего солдата вермахта из Будапешта) военный журналист поэт Семен Гудзенко. (См.: *Гудзенко С. Армейские записные книжки. М., 1962. С. 46.*)

на пепелищах магазинов, как на подиумах, восседали женщины

Глазам советского наблюдателя предстала более разнообразная картина:

«Будапешт ожил на моих глазах. Сейчас все идет полным ходом. Торгуют всем и все. Старуха стоит у витрины разбитого магазина. Рядом с ней на витрине стоит пара стоптанных штиблет и флакон бог знает каких «Коти». Это торговец. В магазинах есть уже и не мелочи – отрезки, плащи.

В кафе все, кроме вина. Народу всюду тьма ... Наглеют и забывают войну. Базар разрастается из маленького толчка в огромное бедствие. Торгуют всем: от аккордеонов до колбасы. Проститутки ходят табунами. Только сейчас начинает обнаруживаться, проявляться, как снятая пленка, заграница». (Запись от 27 марта 1945 г. Гудзенко С. Армейские записные книжки. С. 49.)

с. 181 *много таких, кто только один и уцелел из всей семьи*

Комментарий о масштабах уничтожения евреев в Венгрии в 1944 г. см. выше.

плановое обновление экономической жизни под руководством рабочих партий

1 августа 1947 г. был утвержден трехлетний план восстановления и дальнейшего развития народного хозяйства.

находчивый бургомистр приказал

Первым бургомистром Будапешта после освобождения был видный деятель компартии Золтан Ваш (1903–1983). Его сменили представители независимой партии мелких хозяев Йожеф Кёваго (1945–1947) и более левый, по сути дела, крипто-коммунист Йожеф Богнар (1947–1949), позже министр торговли Венгрии, а при Кадаре директор института мировой экономики ВАН. Во время октябрьских событий 1956 г. Кёваго вернулся к обязанностям бургомистра Будапешта, однако пробыл в этой роли считанные дни.

с. 182 *только мы, венгры, смогли побороть послевоенную инфляцию собственными силами*

Стабилизация валюты была связана с введением 1 августа 1946 г. новой денежной единицы – форинга. В качестве консультанта при осуществлении финансовой реформы, как уже отмечалось, выступал уроженец Венгрии советский экономист академик Е.С. Варга, в 1919 г. нарком Венгерской Советской республики.

с. 182 *наша инфляция была самой высокой в мировой истории*

Секфю не грешит против истины. В первой половине лета 1946 г. по Венгрии ходили банкноты в триллион пенгё.

с. 183 *возникла необходимость в новых выборах*

Новые выборы в Государственное собрание состоялись 31 августа 1947 г.

«rudis et indigesta moles»

«Нечленная и грубая громада» (лат.). Выражение восходит к «Метаморфозам» Публия Овидия Назона; приводится в переводе С.В. Шервинского. В оригинале – «rudis indigestaque moles».

несогласные из рядов (теперь уже бывшей) партии большинства

Речь идет о независимой партии мелких хозяев, уже переставшей быть партией большинства.

в той или иной форме по-прежнему представлявшие настроение

На августовских выборах 1947 г. компартия получила 22% голосов, социал-демократическая партия – 14% голосов. Коммунистам удалось образовать блок союзных партий, получивший более 50% голосов (с учетом утратившей прежнее влияние, но резко полевевшей независимой партии мелких хозяев, склонной в новых условиях согласовывать свою политику с компартией). Около 40% голосов получили силы, в той или иной мере противостоявшие коммунистической перспективе развития венгерского общества. Среди них выделялась демократическая народная партия (демохристианской ориентации). Результаты выборов позволили компартии укрепить свое влияние в Государственном собрании и правительстве, а через некоторое время предпринять решительное наступление на оппонентов.

Выборы 1947 г. были свободными, формально соответствовали стандартам западных демократий, но при

этом, в отличие от ноябрьских выборов 1945 г., прошли с многочисленными нарушениями в пользу коммунистов и их союзников, что стало возможным благодаря фактическому контролю компартии над органами МВД. (См. подробнее: Szerencsés K. A kékcédulás hadművelet. Választások Magyarországon. Вр., 1947. Вр., 1992; Szerencsés K., Földesi M. Halványkék választás. Вр., 2001.)

- с. 184 *слухи о введении однопартийной системы, насаждении колхозов и т.д.*

Все эти слухи отражали реально имевшую место тенденцию к усилению влияния компартии, что в конечном итоге привело к установлению однопартийной коммунистической диктатуры, фактически полной национализации производства, осуществлению аграрной реформы по советским образцам.

- с. 185 *дьявол антисемитизма*

Глубокий анализ истоков антисемитизма в Венгрии см.: Бибо И. Еврейский вопрос в Венгрии после 1944 г. М., 2005.

жизни лишились полмиллиона венгерских евреев

Подробный комментарий о масштабах уничтожения венгерских евреев в 1944 г. см. выше.

около 150 тыс. вернулись домой

По подсчетам современного венгерского исследователя Т. Штарка, в 1945–1947 гг. в Венгрию вернулись около 190 тыс. евреев. См.: Stark T. Zsidóság a vézskorszakban. 52. old.

мы тогда, в момент полнейшего помутнения рассудка, ничего не сделали для их спасения

Что касается самого Секфю, то его имя постоянно называлось в секретных донесениях германской разведки среди тех, кто вел работу, направленную на разрыв Венгрии с нацистской Германией. Историк был вынужден скрываться как от германских спецслужб, так и в особенности от нилаши-

стов, всерьез ему угрожавших. (См.: Epstein I.R. Gyula Szekfu: a Study in the Political Basis of Hungarian historiography. Ann Arbor, 1976.)

- с. 185 *тогдашнему премьер-министру*

Речь идет о Ф. Наде. См. Биографический справочник.

чтобы на одном из первых заседаний Национального собрания были бы ... принесены извинения

В январе 1942 г. в отместку за действия югославских партизан в оккупированной венгерской армии в апреле 1941 г. Воеводине хортистская жандармерия предприняла карательные акции в районе главного города Воеводины Нови-Сада (венг. Уйвидек). По минимальным данным, было убито более 860 мирных жителей (как евреев, так и сербов). На основании этого инцидента по окончании войны из стран-победительниц только Югославия настаивала на том, чтобы тогдашний правитель Венгрии регент Хорти был привлечен к ответственности как военный преступник. Следует, впрочем, заметить, что в 1944 г., в условиях освобождения Воеводины Народно-освободительной армией Югославии под командованием маршала Тито имели место ответные акции, вследствие которых уничтожилось мирное венгерское население. Трагические события января 1942 г. в Воеводине нашли отражение в венгерской художественной литературе (повесть Тибора Череша «Холодные дни», русские издания – 1969, 1985 г.).

- с. 186 *евреи ... с тех пор стали яркими сионистами*

Поскольку лояльность венгерской национальной идее и широко распространенное стремление к ассимиляции не избавили евреев Венгрии от Холокоста, после Второй мировой войны они все чаще стали связывать пути преодоления острого душевного кризиса с возрождением еврейского самосознания (что создавало предпосылки для активизации сионистского движения, желания выехать в Палестину, где как раз в первые послевоенные годы образовалось еврейское

государство – Израиль). По данным венгерской переписи 1949 г., почти 150 тыс. человек декларировали свою еврейскую идентичность (имея возможность декларировать себя в качестве венгров). Легально функционировавшая венгерская сионистская организация в момент роспуска в 1949 г. насчитывала более 40 тыс. человек.

Уже в 1945 г. начинается массовый отъезд венгерских иудеев в Палестину. По некоторым данным, более 30 тыс. человек официально обратились к властям за разрешением о выезде, однако реально до 1949 г. в Палестину приехали 15 тыс. евреев из Венгрии. В дальнейшем коммунистические власти запретили выезд своих граждан из страны. Контакты венгерских еврейских организаций с зарубежным еврейством нещадно пресекались. Многие активисты сионистского движения были арестованы по ложным обвинениям в шпионаже в пользу западных держав. По образцу «дела Сланского» в Чехословакии и «дела врачей» в СССР в Венгрии в начале 1953 г. усиленными темпами готовился судебный процесс антисионистской направленности (среди подсудимых должен был оказаться и ряд видных деятелей компартии). Осуществлению процесса помешала смерть Сталина.

Из литературы последнего времени см.: *Liska M. Magyar zsidó identitáskeresés 1945 után // Múltunk. 2009. 1. sz. 138–180. old.* См. также: *Стыкалин А.С.* К вопросу о роли еврейской буржуазии в модернизации Венгрии. С. 218–232.

- с. 187 *некто, прежде мучивший рабочих активистов и коммунистов*

В отношениях между судами и полицейскими проявилась политическая борьба между коммунистами и их оппонентами. Органы МВД начиная с 1945 г. фактически находились под контролем компартии.

- с. 188 *корень раскола в венгерском обществе по вопросу о швабах*
См. комм. к с. 95.

- с. 188 *лично Черчилль говорил об обменах населения и выселении немцев*

Вопрос о возможном выселении немцев из ряда стран Центральной Европы был поднят еще на Тегеранской конференции союзных держав (28 ноября – 1 декабря 1943 г.) в контексте пересмотра послевоенных границ Польши, смещения их с востока на запад. Позже союзники поддержали инициативу президента Чехословакии Э. Бенеша о выселении трех миллионов судетских немцев. Некоторые национально-территориальные споры (в том числе венгерско-чехословацкий) союзники считали возможным разрешать путем обмена населения, не всегда при этом в должной мере учитывая этнические пропорции. (См. подробно: Национальная политика в странах формирующегося советского блока. 1944–1948. С. 40–41.)

одна политическая партия пыталась

Речь идет о ближайшей союзнице компартии – национальной крестьянской партии.

- с. 190 *седьмая заповедь Христова*

В ней говорится: «Блаженны милостивые, ибо они помилованы будут».

- с. 191 *сделанное коммунистами на прошлых выборах*

Вероятно, речь идет о выборах в Государственное собрание, состоявшихся 31 августа 1947 г.

в советской прессе вы не встретите

В этих строках Секфю проявилась явная идеализация им советской действительности.

- с. 193 *произошло на территории, где отсутствовали предпосылки западного пути развития*

Тема промежуточного положения Венгрии между Западом и Востоком, причин, мешавших идти по пути развития, выбранному странами к западу от Эльбы, традиционно

волновала венгерских, вообще центрально-европейских историков. Ср. более ранние работы Секфю «Биография Венгерского государства» и др.

с. 194 *весьма серьезные ученые старались доказать*

В западной половине современной Венгрии многие старые города действительно расположены на месте древнеримских городов, внушительные развалины которых сохранились на будайском берегу Будапешта (Обуда, Аквинкум), в Пече, Секешфехерваре, Сомбатхее и т.д.

мыслящего человека умственного труда

Представляется, что Секфю, как и многие его современники, находился под впечатлением пионерской для своего времени книги швейцарского историка Якоба Буркхардта «Культура Италии в эпоху Возрождения» (1860), в которой индивидуализм назывался движущей силой ренессансной культуры. В русском переводе см.: Буркхардт Я. Культура Италии в эпоху Возрождения. М., 1996.

с. 195 *в результате поражения крупного крестьянского восстания*

Речь идет о крестьянском восстании 1514 г. под руководством Дёрдя Дожи. После его жестокого подавления в стране усилилось крепостничество.

абсолютные монархи... низвели страну до уровня колонии

Интеграция Венгерского королевства во владения Габсбургского дома в раннее Новое время неизбежно сопровождалась ограничением суверенитета, в том числе в сфере экономики. Вена, исходя из интересов монархии в целом, предпочитала развивать промышленность в Чешских землях, в то время как Венгрия – в рамках стихийно складывавшегося разделения труда – становилась основным поставщиком сельскохозяйственной продукции. Это обстоятельство позволило венгерским специалистам по экономической истории вести речь о превращении королевства в австрийскую колонию. (См. работы современника Секфю, Ференца Экхарта:

Eckhart F. Bécsi udvar gazdaságpolitikája Mária Terézia korában. Bp., 1922.) Современная венгерская историография, отказываясь от обозначения габсбургской экономической политики как «колониальной», концентрируется на изучении баланса ее положительных и отрицательных последствий. (См., например: Balázs É. Hungary and the Habsburgs, 1765–1800: an Experiment in Enlightened Absolutism. Bp., 1997).

с. 195 *венгерские магнаты*

Подробнее на русском языке см.: Хаванова О.В. Нация, отечество, патриотизм: движение 1790 г. в Венгрии. М., 2000.

где Габсбургам удалось сломить и германизировать патриотически настроенное дворянство

Это произошло после поражения чешского войска под Белой Горой в 1620 г. в ходе Тридцатилетней войны (1618–1648).

с. 196 *когда началась Французская революция, мы были страной латифундий*

Влияние идей Французской революции на венгерское общество было весьма ограниченным и сводилось к движению так называемых якобинцев, разделявших политическую программу французских жирондистов. Жестокая расправа с движением в 1794 г. привела к годам духовной стагнации.

более того, чуть не погибла венгерская нация

Речь идет о 1850-х годах, получивших название «баховского абсолютизма». (См. также Бах в Биографическом справочнике.)

начатки капитализма были введены у нас иноземной властью

Имеется в виду венский дом Габсбургов. Капиталистическая модернизация Венгрии последней трети XIX в. явилась следствием достигнутого в 1867 г. компромисса между Габс-

бургами и венгерским национальным движением во главе с Ференцем Деаком, выразившегося в соглашении о создании двуединой Австро-Венгерской монархии.

с. 196 *после 1867 г. страну вновь увлекла политическая, национальная борьба*

Силам, настаивавшим на верности духу и букве австро-венгерского соглашения (они были представлены в первую очередь либеральной партией), противостояли политики (прежде всего из партии независимости и 1848 г.), требовавшие достижения большего суверенитета Венгрии, пересмотра в ее пользу договоренностей с Венной, в том числе создания самостоятельной венгерской таможни, введения венгерского языка в армии. Особую остроту политическая борьба приобрела в начале XX в., в условиях ухудшения отношений между элитами двух половин монархии. (См. подробнее: *Исламов Т.М.* Политическая борьба в Венгрии накануне первой мировой войны, 1906–1914. М., 1972.) Другой формой проявления политической борьбы явилось обострявшееся противоборство между официальным Будапештом, проводившим все более грубыми методами политику централизации и мадьяризации национальных меньшинств, и национальными движениями народов венгерской половины монархии, добивавшимися обеспечения своих коллективных прав. (См. также: *Хаванова О.В.* Венгерский миллениум 1896 года.)

с. 199 *католическая и протестантская религии как церковные организации обеднели*

Это было связано с аграрной реформой весны 1945 г., в результате которой были национализированы земельные угодья, принадлежавшие церквям. Так, католический клир безвозмездно лишился более 90% своих земельных владений. Многочисленные школы, находившиеся в ведении церковной администрации, благотворительные учреждения, монастыри, служители церковных приходов лишились большей части средств к существованию в тот момент, когда в условиях

разрухи в стране не было иной собственности, доходами от которой можно было бы реально поддержать тысячи людей. Епископат воспринял это стоически. «Давайте помолимся за то, чтобы успехи новых владельцев смогли бы утешить служителей церкви, понесших утраты», – говорилось в послании к священнослужителям от 24 мая 1945 г. (документ представлен в Музее террора в Будапеште).

с. 199 *школа и воспитание молодежи им по-прежнему открыты*

Так было до июня 1948 г., когда правительство национализировало многочисленные школы, находившиеся в ведении церковных администраций (всего до лета 1948 г. церквям фактически принадлежали 67% начальных школ, половина гимназий, 80% средних педучилищ, ряд вузов. Католическая церковь имела 6500 школ разных ступеней).

По соглашениям между государством и церквями (с католическим епископатом такое соглашение было заключено в 1950 г., уже после ареста непримиримого антикоммуниста кардинала Миндсенти) за церквями был оставлен самый минимум учебных заведений для подготовки священнослужителей.

с. 200 *в новых условиях мы стали соседом Советского Союза*

В условиях сформированной по окончании Второй мировой войны ялтинско-потсдамской системы международных отношений Венгрия стала непосредственным соседом СССР с присоединением в июне 1945 г. к Советской Украине Подкарпатской Руси (Закарпатской Украины), которая в соответствии с установлениями межвоенной Версальской системы относилась к Чехословакии, а вследствие ликвидации в 1938–1939 гг. первой Чехословацкой республики отошла к Венгрии.

наш путь пролегает к новым договорам... даже союзническим с ним отношениям

18 февраля 1948 г. был подписан советско-венгерский договор о дружбе, сотрудничестве и взаимопомощи. Система

долгосрочных договоров, заключенных СССР в 1943–1948 гг. с государствами советской сферы влияния в Восточной Европе (первый из них – в декабре 1943 г. с президентом Чехословакии в эмиграции Э. Бенешем), фактически означала складывание между СССР и этими странами союзнических отношений в рамках формирующегося советского блока, задолго до образования в мае 1955 г. Организации Варшавского Договора. (См.: *Гибанский Л.Я.* Проблемы Восточной Европы и начало формирования советского блока // *Холодная война. 1945–1963 гг. Историческая ретроспектива* / Отв. ред. Н.И. Егорова, А.О. Чубарьян. М., 2003. С. 105–136; *Он же.* Форсирование советской блоковой политики // Там же. С. 137–186.)

с. 200 *эта же партия стоит во главе нашей страны*

Фактически к моменту написания и издания книги (вторая половина 1947 г.) именно деятельность венгерской компартии предопределяла вектор внутривосточного развития страны.

стань мы жертвами преследований, западные государства не придут нам на помощь

Ср. с вышеприведенными воспоминаниями Ш. Марай о надеждах венгерской интеллигенции на спасение, которое придет со стороны Запада в случае преследований коммунистическим режимом.

мы не являемся объектом преследований

В Венгрии влияние церквей на общественно-политическую жизнь было уже с 1945 г. существенно ограничено, а его материальная база подорвана вследствие крупномасштабной аграрной реформы. Попытки части католического клира противодействовать ограничению позиций церкви вызывали жесткий отпор властей. Глава венгерской католической церкви кардинал Миндсенти, известный своей непримиримостью к коммунистической перспективе развития страны, был арестован в конце декабря 1948 г., а в феврале

1949 г. приговорен к пожизненному тюремному заключению на судебном процессе на основании фальсифицированных обвинений.

Факты преследования священнослужителей (в том числе превентивного, направленного на запугивание любой потенциальной оппозиции) имели место и в 1945–1947 гг. В качестве примера можно привести арест в 1946 г. более 30 учащихся францисканской средней школы в Дендеше по обвинению в создании вооруженной антигосударственной организации (по этому делу был даже вынесен ряд смертных приговоров). В Затисайском крае (восток Венгрии) в целях подрыва особенно сильных в этой области позиций реформатской (кальвинистской) церкви уже в 1945 г. было арестовано около 30 священнослужителей-реформатов.

с. 200 *какие церкви и в каких странах поначалу выказали враждебность новому правительству*

См. об этом: *Волокитина Т.В., Мурашко Г.П., Носкова А.Ф.* Москва и Восточная Европа. Власть и церковь.

когда страна Св. Стефана оказалась в руках регента-протестанта

Миклош Хорти – сам среднепоместный дворянин из восточной Венгрии – относился к реформатскому вероисповеданию. Жена его была католичкой.

с. 201 *все эти взгляды... не соответствуют заповедям Святой Церкви*

Бескомпромиссная позиция Миндсенти не всегда вызвала одобрение других иерархов католической церкви – в Венгрии и за ее пределами. Тем не менее он формально оставался эстергомским архиепископом до 1973 г., пережив семилетнее тюремное заключение, вернувшись осенью 1956 г. к активной общественно-политической деятельности, а затем, после установления режима Я. Кадара, проведя с ноября 1956 г. по 1971 г. 15 лет в американском посольстве в Будапеште в качестве беженца.

Миндсенти и Секфю были лично хорошо знакомы. Их последняя встреча состоялась 8 декабря 1948 г., за полмесяца до ареста Миндсенти (26 декабря, сразу после Рождества). Историк (уже несколько месяцев как вернувшийся в Венгрию после дипломатической работы в Москве) посетил в Эстергомe кардинала, чтобы откровенно выразить ему свое несогласие с линией на конфронтацию с властями. Секфю в это время вынашивал идею открытого письма ряда интеллектуалов-католиков к Миндсенти с призывом пересмотреть губительный курс, способный обречь тысячи католиков на страдания. С арестом кардинала письмо утратило смысл.

В своих воспоминаниях Миндсенти отрицательно отзывался о книге «После революции», заподозрив автора в неискренности (см.: *Mindszenty J. Emlékirataim. Vp., 1989. 226. old.*). Ведь новая позиция Секфю слишком резко контрастировала с тем, что он писал об СССР и большевизме раньше (в работах 1920-х годов он делал акцент на том, что в СССР образовалась новая элита, проводящая репрессивную политику, угнетающая миллионы людей). Работая над книгой, Секфю дорожил мнением интеллектуалов-католиков, показал рукопись некоторым из них (в том числе известному политику демохристианской ориентации, лидеру демократической народной партии И. Баранковичу). Как бы там ни было, книга вызвала потрясение в католических кругах, где преобладало мнение, что она писалась по заказу коммунистов. Из новейших публикаций об отношениях Секфю с католическими кругами Венгрии см.: *Hatos P. Szekfű katolicizmusa // Múltunk. 2010. № 1. 232–257. old.*

с. 201 *церковь не требует от нас...*

На самом деле в 1945 г. Миндсенти, став архиепископом эстергомским, выступил с инициативой коронации на венгерском престоле главы австрийского императорского дома Отто Габсбурга, видя в этом наиболее легитимный выход из сложившейся ситуации (конституционного кризиса, вызванного нилашистским путчем в октябре 1944 г.),

обеспечивающий сохранение преемственности венгерским государственным традициям. В феврале 1946 г. он не принял провозглашения Венгрии республикой.

с. 201 *воспрепятствовал возвращению в страну короля*

Речь идет о том, что Хорти в 1921 г. пресек попытки Карла Габсбурга при поддержке верных ему легитимистов вернуть себе в результате путча венгерский трон (подробнее см. комментарии выше).

папские энциклики...бичуют язвы этого строя

Имеется в виду, прежде всего, энциклика «Рерум новарум» Папы Льва XIII (1891).

Папа Пий XII ежедневно произносит проповеди о мире

При этом одной из реальных угроз делу мира Пий XII (1876–1958), Римский Папа с 1939 г., считал политику сталинского СССР после Второй мировой войны. В 1949 г. он издал декрет об отлучении коммунистов от церкви.

с. 202 *пример Советского Союза*

Мнение Секфю об органическом вхождении в советскую культуру традиционных ценностей высокой культуры (как русской, так и народов СССР) перекликается с зафиксированными в различных источниках высказываниями членов делегации венгерских деятелей культуры, посетивших СССР осенью 1947 г. и оставивших неоднозначные отзывы о советской действительности. (См., в частности: *Ortutay Gy. Úti jegyzetek // Forum. Vp., 1947. 11. sz.*)

я отдаю должное... историческому значению Кошута

Дюла Секфю неизменно критически относился к деятельности вождя венгерской революции и национально-освободительной войны 1848–1849 гг. Лайоша Кошута, противопоставляя ему двух других выдающихся венгерских политиков XIX в., проявлявших больше склонности к компромиссу с домом Габсбургов – речь идет об Иштване Сечени

и Ференце Деаке. Критика антигабсбургского радикализма Кошута нашла отражение в «Трех поколениях» (1920), других работах выдающегося историка. По мнению Секфю, либеральный догматизм, доктринерство, бескомпромиссность, недостаточная политическая гибкость Кошута не позволили ему договориться ни с Габсбургами, ни с национальными движениями других народов исторической Венгрии, что привело в конечном итоге к поражению венгерской революции. Весьма негативную политическую роль Кошут играл и после заключения соглашения Венгрии с домом Габсбургов в 1867 г. Выразив недоверие правительству, Кошут (проживавший в эмиграции) поддержал антигабсбургскую парламентскую оппозицию, ставшую, по сути дела, марионеткой в руках этого харизматического лидера. Своими деструктивными акциями единомышленники Кошута затрудняли деятельность правительства и препятствовали процессу венгерского государственного строительства в рамках дуалистической монархии. Все это расшатывало систему дуализма и в конце концов привело к краху историческую Венгрию.

Высказывания позднего Секфю о признании им исторического значения Кошута нельзя отрывать от конкретно-исторического контекста. Работа «После революции» писалась в канун столетнего юбилея революции 1848 г., чрезвычайно широко отмеченного в Венгрии, и была опубликована в те дни, когда уже вовсю велась подготовка крупномасштабных юбилейных торжеств. Культ революции 1848–1849 гг. и ее вождя Кошута был широко распространен в Венгрии в период коалиционного правления (1945–1948), что не в последнюю очередь было связано с усилением за годы Второй мировой войны антинемецких настроений в венгерском обществе. Герб независимой Венгрии, утвержденный революционным правительством Л. Кошута в 1849 г., в 1946 г. стал государственным гербом провозглашенной Венгерской республики (изменен в августе 1949 г. с установлением коммунистической диктатуры). Партии разных ориентаций (включая коммунистов) в своих программных заявлениях обращались к традиции 1848 г., происходившие в Венгрии

социальные преобразования подавались как продолжение и развитие демократической программы венгерской революции. Секфю, поддержавший доминировавший вектор политического развития Венгрии, если и не пересмотрел свое отношение к Кошуту, то, во всяком случае, не был склонен плыть против течения, что нашло отражение в его работе «Az öreg Kossuth» (Старый Кошут), опубликованной в год 150-летия со дня рождения вождя революции 1848 года (1952 г.).

БИОГРАФИЧЕСКИЙ СПРАВОЧНИК

А

Ади Эндре (1877–1919) – выдающийся венгерский поэт.

Андял Давид (1857–1943) – венгерский историк-позитивист.

Апор Вилмош (1892–1945) – дьерский архиепископ, заступался в 1944 г. за преследуемых властями лиц, в том числе евреев. 30 марта 1945 г. стал жертвой обстрела красноармейским танком своей епископской резиденции, в здании которой укрывались лица, заподозренные советскими солдатами во враждебных намерениях. В 1997 г. причислен католической церковью к лику блаженных.

Б

Бабич Михай (1883–1941) – крупный венгерский писатель.

Бадольо Пьетро (1871–1956) – маршал Италии, премьер-министр, вступивший в должность после свержения Б. Муссолини в 1943 г., объявил нейтралитет и вывел Италию из Второй мировой войны.

Байза Йожеф (1804–1858) – литературный критик, публицист, поэт. Одна из центральных фигур венгерской литературной жизни «эпохи реформ».

Байчи-Жилински Эндре (1886 – 1944) – венгерский политик-антифашист, публицист. Юрист, получивший образование в Гейдельберге. В 1920-е годы тяготел к правому лагерю политической жизни, с 1922 г. депутат от партии власти. С 1939 г. один из лидеров партии мелких хозяев. Выступал против присоединения Венгрии к Антикоминтерновскому пакту и против участия страны в войне с СССР. В 1944 г. один из организаторов объединения антифашист-

ских сил, в ноябре 1944 г. один из инициаторов заговора, направленного на свержение власти нацистов. Был арестован и казнен.

Банга Бела (1880–1940) – монах ордена иезуитов, видный представитель христианско-националистической идеологии в межвоенной Венгрии. Редактировал журнал «*Magyar Kultúra*» («Венгерская культура»).

Барток Бела (1881–1945) – венгерский композитор, один из классиков мировой музыкальной культуры XX в.

Бах Александр, барон (1813–1893) – министр внутренних дел Австрийской империи. В первое десятилетие после поражения революции 1848–1849 гг. управлял Венгрией жесткими методами, нещадно подавляя любую оппозиционность. Был смещен вследствие поражения Вены в австро-франко-итальянской войне 1859 г., показавшей слабость габсбургского неоабсолютизма и все более насущную необходимость для венского двора достижения компромисса с венгерской аристократией и национальным движением в интересах сохранения целостности империи.

Бенедек Марчелл (1885–1969) – литературовед, эссеист. Сын популярного в Венгрии детского писателя Элека Бенедека.

Бенеш Эдвард (1884–1948) – государственный и политический деятель Чехословакии, президент республики в 1935–1948 гг. (фактически в 1938–1945 гг. за границей, в том числе в 1940–1945 гг. в изгнании).

Берзевици Альберт (1853–1936) – политический деятель эпохи австро-венгерского дуализма, историк. В 1905–1936 гг. президент Венгерской академии наук.

Бетлен Иштван, граф (1874–1946) – крупный венгерский консервативный политик, премьер-министр в 1921–1931 гг. Во второй половине 1930-х – первой половине 1940-х годов центральная фигура проанглийского крыла хортистской политической элиты, по-

следовательный антифашист. Умер от сердечного приступа в камере Бутырской тюрьмы после ареста в 1945 г. советскими спецслужбами. Похоронен в Москве на Донском кладбище. (См.: Лукьянов Ф.Е. Исчезновение графа И.Бетлена (о судьбе венгерского политического деятеля 1920-1940-х гг.) // Славяноведение. 1994. № 6.) Фигура, в 1920–1930-е годы политически близкая Секфю, который на протяжении многих лет активно сотрудничал с Бетленом. В 1927–1939 гг. Секфю редактировал журнал «*Magyar Szemle*», основанный и издаваемый Бетленом. О сотрудничестве Бетлена и Секфю см.: *Szöke D. Szekfű Gyula és a Magyar Szemle kapcsolatának történetéhez // Új Forrás*. Вр., 1984; *Lackó M. Szekfű, Bethlen és az Encyclopaedia Britannica // Történelmi Szemle*, 1984; *Szöke D. Grof Bethlen István és a Magyar Szemle // Iparosodás és modernizáció. Tanulmányok Ranki György emlékének*. Вр., 1991. Подробнее о его политической деятельности см. комм. к с. 78.

Бочкаи Иштван (1557–1606) – венгерский магнат. Князь Трансильвании (1605–1606). Лидер мощного антигабсбургского движения.

Буриан Иштван, граф (1851–1922) – государственный деятель Австро-Венгрии. В 1903–1912 и 1916–1918 гг. был общим министром финансов дуалистической монархии, в 1915–1916 гг. и в апреле–октябре 1918 г. – общим министром иностранных дел Австро-Венгрии. Подготовил план аннексии Боснии и Герцеговины, реализованный в 1908 г. В балканской политике делал ставку на союз с Болгарией, но после поражения последней во 2-й Балканской войне (1913 г.) предложил пересмотреть антироссийские ориентации Австро-Венгрии, пытался воспрепятствовать развязыванию мировой войны, позже искал пути компромиссного мира.

В

Вейган Максим (1867–1965) – французский генерал. В 1920 г., во время так называемой (по определению польской историографии) Польско-большевистской войны, возглавлял англо-французскую военную миссию в Варшаве. В 1930 – 1935 гг. начальник Генштаба

Франции. В мае – июне 1940 г. верховный главнокомандующий французскими вооруженными силами, капитулировал перед вермахтом.

Вербёци Иштван (1458–1541) – венгерский государственный деятель, правовед. С его деятельностью связана частная кодификация венгерского права, впоследствии ставшая частью законодательства.

Вёреш Янош (1891–1968) – венгерский генерал. В 1944 г. начальник Генштаба. Относился к той части хортистского генералитета, которая выступала за разрыв с нацистской Германией. Вместе с тем проявил колебания при попытке вывода Венгрии из войны на стороне Германии в октябре 1944 г., чем способствовал успешному осуществлению нилашистского путча. В конце октября сдался в плен Красной армии, участвовал в формировании правительства антифашистской коалиции, в котором в декабре 1944 – ноябре 1945 г. занимал пост министра обороны. С 1946 г. в отставке. В 1949 г. арестован по ложным обвинениям в шпионаже в пользу США, освобожден в октябре 1956 г., позже амнистирован.

Вешшелени Миклош (1796–1850) – политик, публицист, экономист «эпохи реформ».

Вильсон Т. Вудро (1856–1924) – 28-й президент США (1913–1921) от Демократической партии.

Вольтер (1694–1778) – псевдоним французского писателя и философа Франсуа Мария Аруэ, одного из главных представителей французского Просвещения.

Вольф Карой (1874–1936) – деятель христианско-националистического движения в Венгрии, стоял во главе так называемой Объединенной христианской лиги (*Egyesült Keresztény Liga*). Депутат парламента. Возглавляемая им христианская муниципальная партия (*Keresztény Községi Párt*) обладала ключевыми позициями в муниципальных органах Будапешта.

Г

Геревич Тибор (1882–1954) – венгерский искусствовед.

Гёмбёш Дюла (1886–1936) – премьер-министр Венгрии в 1932–1936 гг. Профессиональный военный. В начале 1920-х годов видный деятель крайне правого движения расистского толка. В бытность премьер-министром ориентировался на сближение с гитлеровской Германией. Был первым главой правительства иностранного государства, посетившим Гитлера после прихода нацистов к власти в Германии. Пытался (хотя и малоэффективно) реформировать внутриполитическую систему Венгрии, стремясь максимально приблизить ее к современным германским (нацистским) образцам.

Гёргей Артур (1818–1916) – генерал венгерской революционной армии в период революции и национально-освободительной войны 1848–1849 гг. Летом 1849 г. в качестве ее командующего сложил оружие перед десятикратно превосходящим венгерскую армию 200-тысячным российским войском под командованием фельдмаршала И.Ф. Паскевича (но не перед австрийской армией, которой сдаться категорически отказался). Вопрос о том, был ли поступок Гёргея проявлением здравого смысла или же национальным предательством, долгие десятилетия дискутировался в венгерском общественном мнении. В исторической литературе последних десятилетий (работах Р. Херманна и др.) доказывается, что Гёргей был прав, предотвратив тем самым бессмысленное уничтожение многих тысяч своих соотечественников.

Гизо Франсуа (1787–1874) – французский историк и политический деятель. В качестве министра иностранных дел (1840–1847) и премьер-министра (1847–1848) играл важную роль в осуществлении внешней и внутренней политики Июльской монархии (июль 1830 – февраль 1848 г.). Один из создателей теории классовой борьбы, в основе которой лежат противоречия имущественных отношений.

Д

Деак Ференц (1803–1876) – выдающийся венгерский политик. Видный деятель «эпохи реформ», в 1848 г. был министром в правительстве Л. Баттяни. Убежденный сторонник австро-венгерского компромисса, Деак сыграл важную роль в подготовке Соглашения 1867 г. между Венгрией и домом Габсбургов, которое, по сути дела, воплотило на практике проект, предложенный Деаком. После 1867 г., отказавшись занять какой-либо пост, Деак до конца жизни по существу выступал в роли харизматического лидера венгерской политической элиты.

Дежёффи Йожеф (1771–1843) – публицист и политик консервативного толка, один из основателей Венгерской академии наук.

Дюлаи Пал (1826–1909) – писатель и критик, одна из центральных фигур венгерской литературной жизни второй половины XIX в. Стремился к синтезу фольклорно-национального начала с умеренной реалистической тенденцией. По политическим убеждениям сторонник компромисса с Габсбургами.

З

Зрини (Зринские) – хорватско-венгерский аристократический род. Наиболее известные представители: Миклош Зрини (1508 – 1566) – герой антиосманской освободительной борьбы, возглавлял оборону крепости Сигетвар; его правнук Миклош Зрини (1620–1664) – поэт, государственный деятель, полководец.

И

Имреди Бела (1891–1946) – премьер-министр Венгрии в 1938–1939 гг., сторонник прогерманской ориентации во внешней политике, дальнейшего ограничения парламентаризма, реорганизации политической системы хортизма по образцу Третьего рейха. В бытность премьер-министром пытался в противовес партии власти создать новую партию профашистского толка. Отставка Имреди

была инициирована его политическими конкурентами с правого фланга, развязавшими кампанию в прессе в связи с обнаружением его еврейских корней. В дальнейшем сблизился с нилашистами, которых, находясь у власти, преследовал за подстрекательство к свержению режима. После оккупации Венгрии германскими войсками 19 марта 1944 г. Хорти отклонил предложение Гитлера о назначении Имреди премьер-министром. Входил в пронацистское правительство Д. Стойяи в качестве министра без портфеля, в знак протеста против далеко зашедшего перераспределения крупной венгерской частной собственности в пользу немецкого капитала вышел из правительства. Поддержал нилашистский путч в октябре 1944 г., но был заключен под домашний арест ввиду опасений захвата власти его сторонниками. Казнен как военный преступник.

Иштван I Святой (Св. Стефан) – первый король Венгрии (в 1000–1038 гг.). При нем венгры приняли христианство. Канонизирован католической церковью.

Й

Йожеф Аттила (1905–1937) – выдающийся венгерский поэт.

Йокаи Мор (1825–1904) – венгерский писатель. Как мастер исторического романа был широко известен за пределами Венгрии, в том числе в России.

К

Каллаи Беньямин (1839–1903) – астро-венгерский политик, в 1882–1903 гг. – министр общего министерства финансов, в ведении которого находилось управление Боснией и Герцоговиной.

Каллаи Миклош (1887–1967) – премьер-министр Венгрии с марта 1942 по март 1944 г., в 1942–1943 гг. также министр иностранных дел. Во внутренней политике, преследуя коммунистов, вместе с тем противился стремлению части политической элиты ликвидировать парламентаризм и перестроить государственную

систему по образцам Третьего рейха. Начиная с 1942 г., но особенно интенсивно после поражения немцев под Сталинградом и разгрома венгерской армии на Дону в январе 1943 г. стремился к налаживанию контактов с западными державами в целях обеспечения более благоприятных условий выхода Венгрии из войны в случае краха Германии. При этом делал расчет на высадку англо-американских войск на Балканах. Стремясь предотвратить потерю стратегически важного союзника, Германия 19 марта 1944 г. оккупирует Венгрию, и Каллаи под угрозой ареста скрывается в турецком посольстве. Выманенный оттуда в ноябре 1944 г., арестован нилашистами, находился в заключении в концентрационных лагерях Маутхаузене и Дахау. После войны жил в эмиграции в Италии и США. Опубликовал мемуары: *Kallay N. Hungarian Premier. A Personal Account of a Nation's Struggle in the Second World War.* New York, 1954. Подробнее см.: *Jó A. Kállay Miklós külpolitikája. Magyarország és a háborús diplomácia, 1942–1944.* Вр., 2008.

Катона Иштван (1732–1811) – венгерский историк, монах ордена иезуитов.

Каройи Арпад (1853–1940) – венгерский историк.

Каройи Михай, граф (1875–1955) – венгерский политик леволиберального направления, в 1918–1919 гг. первый президент Венгерской республики.

Кемень Жигмонд (1814–1875) – венгерский политический мыслитель, писатель, публицист.

Кёлчеи Ференц (1790–1838) – поэт и политик «эпохи реформ». Создатель венгерского национального гимна.

Киш Янош (1883–1944) – генерал, один из организаторов и военный руководитель антинилашистского путча, после провала которого был казнен.

Кодай Золтан (1882–1967) – крупный венгерский композитор и фольклорист.

Костолани Дежё (1885–1936) – крупный венгерский писатель.

Кошут Лайош (1802–1894) – выдающийся венгерский политик. В «эпоху реформ» лидер радикального крыла национального движения. Вождь революции и национально-освободительной борьбы 1848–1849 гг., в апреле 1849 г. объявил о разрыве с Габсбургами и создании независимого венгерского государства. После поражения революции харизматический лидер венгерской антигабсбургской эмиграции, выступал с утопическими проектами переустройства Дунайско-Карпатского региона на конфедеративных принципах. До конца жизни сохраняя непримиримость к Габсбургам, оказывал заметное влияние и на общественное мнение на родине. Умер в Италии, перезахоронен в Венгрии.

Л

Лукач Дёрдь (1885–1971) – всемирно известный философ-марксист Д. Лукач в дни Венгерской Советской республики 1919 г. был заместителем наркома просвещения. Статьи этого периода, отражающие его тогдашнюю позицию, содержащие философское обоснование его политического радикализма, см.: *Лукач Д. Политические тексты* / Сост. С. Земляной, послесловие Я. Киша. М., 2006..

Лукач Мориц (1812–1881) – публицист и политик.

М

Мадзини Джузеппе (1805–1872) – лидер левого, республиканского крыла движения за объединение Италии в 1830–1860-е годы.

Маджар Имре (1878–1946) – венгерский историк, занимался в основном историей Средних веков, источниковедением.

Марцали Хенрик (1856–1940) – венгерский историк-позитивист, автор работ по широкому кругу проблем венгерской и западноев-

ропейской истории, внес немалый вклад в изучение эпохи просвещенного абсолютизма. На английском языке см.: *Marczali H. Hungary in the Eighteenth Century*. Cambridge, 1910.

Маршалл Джордж (1880–1959) – американский генерал, в 1939–1945 гг. начальник Генштаба, в 1947–1949 гг. госсекретарь США, в 1950–1951 гг. министр обороны. Инициатор так называемого плана Маршалла (программы восстановления и развития Европы после Второй мировой войны путем предоставления ей американской экономической помощи).

Матяш I Хуняди (1443–1490) – венгерский король в 1458–1490 гг., сын выдающегося полководца Яноша Хуняди. Проводил политику централизации, вел борьбу с Османской империей, в 1480-е годы занял значительную часть австрийских владений с Веной. Двор короля Матяша в Буде стал очагом ренессансной культуры в Венгрии. Также известен как Матяш (Матвей) Корвин.

Мейнеке Фридрих (1862–1954) – крупнейший немецкий историк конца XIX – первой половины XX в. Продолжая традиции Ранке, старался вместе с тем обновить его методологию в духе неокантианской философии и «истории духа» В. Дильтея. Оказал большое влияние на Д. Секфю.

Меттерних Клеменс, князь (1773–1859) – министр иностранных дел и фактический глава австрийского правительства в 1809–1821 гг., канцлер Австрийской империи в 1821–1848 гг., оказывавший решающее воздействие на внешнюю и внутреннюю политику государства. Один из организаторов Священного Союза. Конец власти Меттерниха положила революция 1848 г.

Мика Шандор (1859–1912) – венгерский историк, педагог.

Миксат Кальман (1847–1910) – писатель-прозаик, блестящий публицист, наиболее значительный представитель реалистической тенденции в венгерской литературе второй половины XIX в.

Мишле Жюль (1798–1874) – крупный французский историк романтического направления. Принимая Великую французскую революцию, в то же время отрицательно относился к деятельности якобинцев.

Моммзен Теодор (1817–1903) – немецкий историк, автор работ по истории Древнего Рима и римскому праву.

Монтескье Шарль Луи (1689–1755) – французский философ и правовед, выдающийся представитель французского Просвещения.

Мориц Жигмонд (1879–1942) – писатель-прозаик, один из классиков венгерской литературы XX в.

Н

Нибур Бартольд Георг (1776–1831) – немецкий историк античности, с деятельностью которого связано становление научно-критического метода в изучении истории.

П

Паулюс Фридрих Вильгельм Эрнст (1890–1957) – немецкий военачальник, один из разработчиков плана «Барбаросса», с 1943 г. – генерал-фельдмаршал, командующий 6-й армией вермахта, окруженной и капитулировавшей под Сталинградом.

Петёфи Шандор (1823–1849) – великий венгерский поэт, участник революции и национально-освободительной войны 1848–1849 гг. Погиб в ходе военных действий в последние недели сопротивления венгерской революционной армии.

Прохазка Оттокар (1858–1927) – секешфехерварский епископ (с 1905 г.). Профессор теологии, церковный публицист, одна из харизматических личностей в истории венгерского католицизма. Стоял во главе движения за обновление венгерской христианской доктрины

в духе энциклики Папы Римского Льва XIII «Рерум новарум» (1891), призвавшей католических священников активнее вести посредническую деятельность при урегулировании отношений между трудом и капиталом, а церковных иерархов создавать в противовес социал-демократии рабочие организации католической ориентации. На русском языке см.: *Стыкалин А.С.* Трианонский мирный договор и идеи возрождения Венгрии // Авторитарные режимы в Центральной и Восточной Европе (1917 – 1990-е годы). М., 1999.

Р

Ракоци Ференц II (1676–1735) – князь Трансильвании, создал регулярную армию, ведущую войну против Габсбургов в 1703–1711 гг. После поражения в войне эмигрировал.

Ранке Леопольд фон (1795–1886) – центральная фигура немецкой историографии XIX в. Находясь под влиянием немецкой классической философии, акцентировал приоритет духовного начала в истории. В своих работах стремился выявить, как проявились в историческом процессе политико-государственные и религиозные идеи, господствующие в ту или иную эпоху. Методы критики исторических источников, предложенные Ранке, легли в основу современного источниковедения.

Роттек Карл фон (1775–1840) – историк и юрист, один из представителей раннего немецкого либерализма. Сторонник конституционной формы правления, которую считал подлинно рациональной формой общественного устройства. Издавал вместе с К.Т. Велькером так называемый «Государственный лексикон».

Руссо Жан-Жак (1712–1778) – французский писатель и философ, один из главных представителей французского Просвещения.

С

Салаи Ласло (1813–1864) – историк, юрист, публицист. Во время революции 1848–1849 гг. от имени венгерского революционного пра-

вительства вел переговоры во Франкфурте, Лондоне, Париже. Представитель романтического течения в венгерской историографии.

Салаши Ференц (1897–1946) – лидер крайне правой Партии скрещенных стрел (так называемых нилашистов). Захватил власть в Будапеште в результате путча в октябре 1944 г. Казнен как военный преступник. Подробнее см. комм. к с. 85.

Сентпетери Имре (1878–1950) – венгерский историк, источниковед.

Сечени Иштван, граф (1791–1860) – выдающийся деятель «эпохи реформ». Считал компромисс с Габсбургами, как и с движениями невенгерских народов «исторической Венгрии», условием поступательного развития экономики страны, повышения благосостояния ее населения.

Силади Дежё (1840–1901) – политический деятель эпохи австро-венгерского дуализма.

Сомбатхеи Янош (1887–1946) – венгерский генерал. В 1941–1944 гг. был начальником Генштаба. После оккупации Венгрии вермахтом в марте 1944 г. отстранен по настоянию Берлина за содействие попыткам премьер-министра М. Каллаи найти пути выхода Венгрии из прогитлеровской коалиции. В октябре 1944 г. арестован пришедшими к власти нилашистами во главе с Ф. Салаши за саботаж военных действий против Красной армии. В мае 1945 г. освобожден из заключения. В ноябре того же года арестован по решению венгерского коалиционного правительства, в сентябре 1946 г. передан властям титовской Югославии, где казнен как военный преступник по обвинению в организации массовых расправ над сербским населением в оккупированной Воеводине в январе 1942 г. В 1994 г. реабилитирован венгерским (но не югославским) судом.

Т

Тагани Карой (1858–1924) – венгерский историк, архивист, много занимался экономической и социальной историей, историей местного самоуправления.

Таллоци Лайош (1856–1916) – венгерский историк, один из основоположников балканистики в Венгрии. Ввел в научный оборот большое количество источников. Занимался и выявлением влияния российского фактора на венгерскую историю, автор книги «Россия и наша родина» («Oroszország és hazánk», 1884).

Телеки Пал, граф (1879 – 1941) – венгерский политик консервативной ориентации, европейски известный ученый-географ. В 1920–1921 и 1939–1941 гг. премьер-министр. При поддержке нацистской Германии и фашистской Италии добился возвращения Венгрии Северной Трансильвании вследствие 2-го венского арбитража (август 1940 г.). Совершил уступки крайне правым силам (в частности, в вопросе о законодательном ограничении евреев), вместе с тем всячески противился сжиганию мостов к западным демократиям и участию Венгрии во Второй мировой войне. 3 апреля 1941 г. застрелился в своей резиденции в знак протеста против вовлечения Венгрии в войну на стороне Третьего рейха против королевской Югославии, с которой Венгрию связывал заключенный в декабре 1940 г. по инициативе Телеки мирный договор. Комментируя самоубийство своего ближайшего соратника, Хорти писал Гитлеру: граф Телеки «стал жертвой конфликта совести, который переживает сейчас вся нация». (См.: *Пушкаш А.И.* Политический и государственный деятель Венгрии Пал Телеки // До и после Версаля. Политические лидеры и идея национального государства в Центральной и Юго-Восточной Европе / Отв. редактор А.Л. Шемякин. М., 2009.)

Токвиль Алексис де, граф (1805–1859) – французский историк и политик, теоретик либерализма. Одна из главных работ – «О демократии в Америке» (1835–1840).

Торез Морис (1900–1964) – генеральный секретарь Французской компартии в 1930–1964 гг. Острая политическая борьба во Франции в 1946–1947 гг. завершилась в конце концов резким поправлением политической жизни, что проявилось и в выводе представителей ФКП из правительства в мае 1947 г.

Трефорт Агоштон (1817–1888) – политик эпохи дуализма, публицист. В 1872–1888 гг. министр просвещения и культов Венгрии.

Тэн Ипполит (1828–1893) – французский историк, литературовед, философ. Ведущий представитель так называемой «культурно-исторической» школы в литературоведении (искусствознании) второй половины XIX – начала XX в., сочетавшей в себе присущее позитивизму опытное, руководствующееся точными методами изучение фактов со стремлением к выявлению причинности фактов, закономерности взаимосвязей. В своих исторических работах большое внимание уделял социально-психологическим факторам в истории, выявлению роли в развитии общества определенных психологических типов, например типа якобинцев – фанатиков, помешанных на отвлеченных идеях.

Ф

Фейерпатаки Ласло (1857–1923) – венгерский историк-медиевист, источниковед.

Франгепан (Франкопан) – хорватско-венгерский аристократический род.

Франц Иосиф I (1830–1916) – австрийский император и венгерский король (1848–1916) из династии Габсбургов. На годы его правления пришелся расцвет и закат австро-венгерского дуализма.

Х

Хинце Отто (1861–1940) – немецкий историк, автор значительных работ по социально-экономической и административной истории Пруссии.

Хоман Балинт (1885–1953) – венгерский историк, политик правого толка. Совместно с Д. Секфю создал «Венгерскую историю» (1934 – 1940), грандиозное синтетическое исследование, написанное с позиций «истории духа». В 1932–1938, 1939–1942 гг. министр просвещения и культов, шел на уступки крайне правым силам в их стремлении овладеть рычагами влияния на культурную жизнь Венгрии. В 1946 г. приговорен судом к пожизненному заключению как пособник фашизма. Умер в тюрьме.

Хорват Михай (1809–1878) – видный венгерский историк, католический епископ. Участвовал в работе дебrecенского революционного правительства, объявившего в апреле 1849 г. о лишении Габсбургов прав на венгерский престол. Позже сторонник компромисса с Веной. В 1867 г. депутат венгерского Государственного собрания, в последние годы жизни преподавал историю наследнику престола кронпринцу Рудольфу.

Хорти Миклош (1868–1957) – в годы Первой мировой войны командующий военно-морским флотом Австро-Венгрии, адмирал. В 1920–1944 гг. регент Королевства Венгрия.

Ч

Ченгери Антал (1822–1880) – публицист, политик. Писал на экономические и исторические темы. В 1845–1848 гг. редактор газеты «Pesti Hírlap».

Чернох Янош (1852–1927) – примас (глава венгерской католической церкви), эстергомский архиепископ (1913), кардинал (1914). В начале хортистской эпохи тяготел к легитимистам (сторонникам возвращения Габсбургов к власти), претендовал на роль посредника между регентом М. Хорти и бывшим королем Карлом IV, в 1921 г. дважды пытавшимся овладеть венгерским тронem. О попытках возвращения Карла Габсбурга к власти см.: Шимов Я.В. Последний австрийский император // Славяноведение, 2008. № 1.

Чечи Янош (1689–1769) – педагог высшей кальвинистской школы в Шарошпатаке, автор ряда работ по истории, в том числе хроники антигабсбургской войны под руководством Ференца II Ракоци.

Ш

Шаламон Ференц (1825–1892) – историк, публицист, главные работы посвящены истории Венгрии в XVI–XVII вв.

Шереди Юстиниан (1884–1945) – кардинал, примас (глава венгерской католической церкви) с 1927 г.

Шуйок Дежё (1897–1965) – политик-антикоммунист, деятель правого крыла партии мелких сельских хозяев, затем лидер партии свободы. В 1947 г. эмигрировал.

Э

Экхарт Ференц (1885–1957) – венгерский историк, занимался экономической историей, историей государства и права. Брат Ш. Экхарта. Одна из главных работ посвящена экономической политике венского двора в отношении Венгрии. См.: *A bécsi udvar gazdaságpolitikája Magyarországon, 1780–1815. Vp.*, 1958.

Экхарт Шандор (1890–1969) – венгерский литературовед, языковед. Брат Ф. Экхарта. Главные работы посвящены истории венгерской (в том числе средневековой) литературы, сравнительному литературоведению.

Этвёш Йожеф, барон (1813–1871) – политик, политический мыслитель, писатель. В 1848 г., в условиях революции, член правительства Л. Баттяни. В 1867–1871 гг. первый в эпоху дуализма министр просвещения и культов Венгрии. Один из авторов закона о национальностях 1868 г. и инициатор школьной реформы 1868 г., направленной на достижение компромисса между стремлением к созданию единой венгерской «политической нации» и удовлетворением прав национальных меньшинств на развитие национальных культур.

Ю

Юнг-Штилинг Иоганн Генрих (1740 –1817) – немецкий писатель эпохи Просвещения.

СОДЕРЖАНИЕ

Ференц Глац. Историк, нация, общество
(Из предисловия к венгерскому изданию 1983 г.).....5

ДЮЛА СЕКФЮ ПОСЛЕ РЕВОЛЮЦИИ

<i>Введение</i>	37
I. «Мы где-то сбились с пути»	41
II. Единственное спасение – революция.....	77
III. Революция началась	99
IV. Новый сосед.....	128
V. Трагедия среднего класса	165
VI. К новым формам.....	180
<i>Комментарии</i>	203
<i>Биографический справочник</i>	326